

НАДЕЖДА

ХРИСТИАНСКОЕ
ЧТЕНИЕ



ВЫПУСК 12

+

Сборники „Надежда” – Христианское Чтение – составляются и редактируются в России. Издание их осуществляется при поддержке Православного Дела.

Всю техническую сторону издания, защиту авторских прав участников сборника, коммерческое его распространение за границей и, по возможности, пересылку части тиража в Россию согласилось взять на себя издательство „Посев”.

Да благословит Господь Бог всех участников этого благого начинания.

*Архиепископ Антоний
Женевский и Западно-Европейский*

*Господи, устне мои отверзеши,
и уста моя возвестят хвалу Твою.*

НАДЕЖДА

Христианское Чтение

ВЫПУСК 12

НАДЕЖДА

СОБРАНО И СОСТАВЛЕНО ВЕРУЮЩИМИ В СССР.

Обложка работы художника Адама Русака

© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1985
Frankfurt/Main
Printed in Germany

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В настоящее время составительница сборников „Надежда” Зоя Крахмальникова осуждена и находится в ссылке в г. Усть-Кама на Алтае. Зоя Крахмальникова благодарит всех, кто был молитвенно связан с ней в те трудные дни испытаний, выпавших ей, по Милости Божией. Здоровье ее оставляет желать лучшего и наше молитвенное воздыхание к Богу о ее здравии ей необходимо.

Последующие сборники „Надежда” будут создаваться верующими в СССР и так же, как прежде, не будут преследовать политических и коммерческих целей. Жизнь и составление сборников „Надежда” не может прекратиться, так как это естественное следствие нашей веры. Сборники „Надежда” – наша память, история, жизнь. Все последующие сборники будут безымянными и воспоминания и статьи не будут подписаны, но их авторы жили или живут в СССР.

Необходимость издавать эти сборники за границей обусловлена тем, что читаемое и волнующее православного читателя здесь, в России, обязательно должно волновать всякого православного за рубежом и не только русского. Когда мы ходим в одну Церковь, когда мы молимся одними молитвами, когда нас волнуют одни и те же проблемы – это объединяет нас не только мистически, молитвенно, но и делает нас родными друг другу. Сборники „Надежда” должны быть искренним, откровенным духовным собеседованием для каждого православного. В них суть – смысл того, о чем мы должны все молиться. Самое страшное в Церкви это разъединение и дробность, невыясненные проблемы, узость мировоззрения и неучастие в деле спасения

собрата. Надо быть ближе и откровенней. Надо стремиться знать друг о друге как можно больше.

Составители последующих сборников „Надежда” низко кланяются и благодарят за духовную и материальную поддержку в продолжение этого святого начинания Архиепископа Антония Женевского и Западно-Европейского и всех православных христиан за рубежом и просят молиться о Церкви и России.

Да пребудет со всеми нами Христово Единство и Братская Радость!

Православные верующие в СССР

МОЛИТВА

**ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ ПЕРЕД ЧУДОТВОРНОЮ
ИКОНОЮ ЕЯ, ИМЕНУЕМОЮ
ДЕРЖАВНАЯ**

О Державная Владычице, Пресвятая Богородице, на объятых Своих держащая Содержащаго дланию всю вселенную, Царя Небснаго! Благодарим Тя за неизреченное милосердие Твое, яко благоволила еси явити нам грешным, сию святую чудотворную икону Твою во дни сии лукавые и лютые, яко вихрь, яко буря ветренная нашедшие на страну нашу, дни срама нашего и позора, во дни поругания и разорения святынь наших от людей безумных, иже не точию в сердце, но и языком и устнами дерзостно глаголют: „несть Бог” и во всех делах своих сие безбожие показывают. Благодарим Тя, яко призрела еси с высоты святыя Своя на скорбь и горе чад православных и, яко солнце светлое, увеселяше ныне изнемогшие от печали очеса наша пресладостным зрением державнаго образа Твоего! — О преблагословенная Матерь Божия, Державная Помощнице, Крепкая Заступнице, благодаряще Тя со страхом и трепетом, яко раби непотребные, мы, припадаем со умилением, с сокрушением сердечным, со слезами и молим Тя, и стеньяще вопием Ти: спаси нас! спаси! помози нам! помози! потщися, погибаем! Се живот

наш аду приближися: се обышедше обыдоша нас греси мнози, беды мнози, врази мнози. О Небесная Царице, скипетром власти Твоея божественныя рассей, яко прах, яко дым, враги наша видимые и невидимые, борющие ны, хулящие Церковь нашу Православную, губящие отечество наше, сокруши горделивые замыслы их, запрети им! Вкорени в сердцах всех нас правду, мир и радость о Дусе Святе, водвори в стране нашей тишину, благоденствие, безмятежие, любовь друг ко другу нелицемерную! Державою Твоею всесильною удержи, Пречистая, потоки нечестия, беззакония, хотящие потопити землю Русскую в страшной пучине своей! Поддержи нас слабых, малодушных, немощных, унылых! Подкрепи, восстави! Яко, да под державою Твоею всегда храними, поем, величаем и славим Тя, Державную Заступницу рода христианскаго, во веки веков, Аминь.

Св. И о а н н Лествичник

О БОРЬБЕ С ВОСЕМЬЮ ГЛАВНЫМИ СТРАСТЯМИ

Краткие сведения о св. Иоанне

Родители св. Иоанна, место рождения и предшествовавшие вступлению его в Синайскую обитель обстоятельства неизвестны. Из его творений видно, что он получил хорошее образование; но влечение к сопребыванию с Богом понудило его оставить мир и славу его и уединиться в обитель Синайскую, славившуюся тогда мудрыми Отцами. Вступил он в нее 16-ти лет, и отдал себя в научение и руководство старцу Мартирию, который через 4 года, на 20-м году его жизни, постриг его в иноческий образ. Послушание его старцу было так велико, что, казалось, совсем не имел он своей воли; в отношении же к братьям он держал себя просто и смиренно, никакого ни пред кем не выказывая преимущества.

Прожив со старцем своим 19 лет, св. Иоанн осиротел от него и по смерти его стал жить один, избрав для сего уединенное место, Фола именуемое, отстоявшее от обители на 5 стадий. Здесь прожил он 40 лет. Жизнь его в уединении текла мирно, в строгом подвижничестве, которое он однако же умел скрывать, не выдаваясь ничем особенным. Каждую субботу и воскресенье приходил он в обитель, чтобы в хра-

Из „Лествицы”. Взято из книги „Добротолюбие”, т. 2, сс. 346–347 и 383–391.

ме слушать богослужение, приобщиться Св. Христовых Таин, и потом побеседовать со св. Отцами и проверить их указаниями свое состояние. При таких беседах, в собрании, нередко говаривал и св. Иоанн, и, как естественно, речь его не могла не иметь преимущества пред другими. Смиранных это радовало; а некоторые неискусные стали подозревать мудрого беседовника в тщеславии и не умели скрыть такого подозрения. Тогда св. Иоанн, чтобы не соблазнять немощных, наложил на себя совершенное молчание, которое строго держал целый год, и разрешил его уже, по усердному молению тех самых, которые принудили его к осуждению себя на такой подвиг.

По сорокалетнем житии в безмолвии св. Иоанн, общим желанием всех братьев, избран был в игумены обители Синайской. Но поуправляв сею паствою духовною четыре года, он опять возвратился в свое уединение незадолго до своей смерти, которая последовала на 80-м году его жизни, в 563-м году.

По просьбе игумена Раифского, соименного себе, св. Иоанн написал *Лествицу* духовную, в которой в 30-ти Словах изображает степени восхождения к совершенству в духе. К *Лествице* присовокупил он и *Слово к Пастырю*, в коем излагает обязанности духовного пастыря.

БОРЬБА С ТЩЕСЛАВИЕМ

1. Тщеславие есть расточение трудов, потеря потов, похититель душевного сокровища, муравей на гумне жизни, который, хотя мал, однако всегда готов похищать труды и плоды наших подвигов.

/.../

3. Тщеславный человек есть идолослужитель. Он думает, что почитает Бога, но в самом деле угождает не Богу, а людям.

4. Всякий человек, который любит себя выказывать, тщеславен. Пост тщеславного человека остается без награды, и молитва его бесплодна; ибо он то и другое делает для похвалы человеческой.

5. Тщеславный подвижник сам себе делает двойную обиду, потому что тело свое изнуряет, а награды не получает.

6. Господь часто скрывает от очей наших те добродетели, которые мы приобрели; а человек, хвалящий нас, или лучше сказать, льстящий нам, похвалю отверзает нам очи, а как скоро отверзлись они, богатство добродетели исчезает (с глаз съедаемо бывает).

/.../

10. Великое дело — отвергнуть от души похвалу человеческую, но большее — отвратить от себя похвалу бесовскую.

11. Не тот показывает смиренномудрие, кто оуждает сам себя (ибо кто не стерпит поношения от себя самого?), но тот, кто, будучи укорен другим человеком, не уменьшает к нему любви.

/.../

14. Тщеславие предпочитаемых делает гордыми и в презираемых посеивает памятозлобие.

15. Тщеславие весьма удобно прививается к естественным дарованиям и чрез них нередко низвергает в пагубу несчастных рабов своих.

16. Однажды видел я, как бес тщеславия прогнал брата своего беса ярости. Один брат рассердился на другого; но пришли миряне, и он вдруг стих, перепродав себя тщеславию; ибо не мог зараз работать обоим сим господам.

17. Кто сделался рабом тщеславия, тот ведет двойную жизнь; одну по наружности, а другую — по

образу мыслей и чувств, одну наедине с собою, а другую — на людях.

18. Предвкусивший небесную славу естественно презирает всякую земную славу; и я подивился бы, если бы кто, не вкусив первой, совершенно презирал последнюю.

19. Видел я, как иные начинали духовное делание по тщеславию; но потом, переменив намерение в делании, предосудительное начало увенчали похвальным концом.

20. Кто возносится естественными дарованиями, как-то: остроумием, понятливостью, искусством в чтении и произношении, быстротою ума и другими подобными способностями, без труда нами получаемыми, тот никогда не получит выше естественных благ; ибо *неверный в малом и во многом неверен будет* по своему тщеславию (Лк. 16, 10).

21. Кто просит у Бога даров за труды, тот на опасном основании утверждается; а кто, напротив, смотрит на себя, как на всегдашнего должника пред Богом, тот сверх чаяния своего, вдруг увидит себя обогащенным небесным богатством.

22. Не слушай велятеля сего, когда он научает тебя объявлять свои добродетели на пользу слышащих; *какая бо польза человеку, если он весь мир будет пользоваться, душу же свою отщетит* (Мф. 16, 26). Ничто не приносит столько пользы ближним, как смиренный и непритворный нрав, и такое же слово. Таким образом мы и других будем побуждать, чтобы они не возносились; а что иное может быть полезнее сего?

23. Похвалы возвышают и надмевают душу; когда же душа вознесется, тогда объемлет ее гордость, возводит до небес и низводит до бездн.

/.../

26. Когда хвалители наши или, лучше сказать, льстецы, начнут хвалить нас, тогда поспешим вспомнить множество грехов наших (и суд Божий, не сходный с человеческим), — и увидим, что мы недостойны того, что говорят или делают в честь нам.

27. Простые сердцем не очень подвержены отравлению сим ядом; ибо тщеславие есть погубление простоты и притворное жителство.

28. Часто случается, что червь, достигши полного возраста, получает крылья и взлетает на высоту; так и тщеславие, усилившись, рождает гордость, всех зол начальницу и завершительницу.

/.../

32. Тщеславие любит торжественно являться на седалище многословия; молчание же уст упраздняет тщеславие.

/.../

34. Молчание и безмолвие — враги тщеславия; но если ты находишься в общежитии, то переноси бесчестия.

35. Если крайнее тщеславие есть, когда человек, не видя при себе никого, кто бы его хвалил, и наедине обнаруживает тщеславные поступки, то признак совершенного нетщеславия есть, чтобы и в присутствии других не окрадываться тщеславною мыслию.

БОРЬБА С ГОРДОСТЬЮ

1. Гордость есть отвержение Бога, презрение человеков, матерь осуждения, исчадие похвал, отгнание помощи Божией, виновница падений, источник

гнева, горький истязатель чужих дел, судья бесчеловечный, противница Богу, корень хулы.

2. *Начало* гордости — укоренение тщеславия; *средина* — уничтожение ближнего, бесстыдное проповедание о своих трудах, самохвальство в сердце, ненавидение обличения; а *конец* — отвержение Божией помощи, высокомерное упование на свое тщание, бесовский нрав.

3. Видал я людей, устами благодаривших Бога и велехвалившихся в мыслях своих. Ясное доказательство на сие представляет фарисей, когда он говорил: *Боже, благодарю Тя* (Лк. 18, 11).

4. Где совершилось грехопадение, там прежде водворилась гордость; ибо гордость есть предвестница падения.

/.../

7. Если *Бог гордым противится* (Иак. 4, 6), то кто может помиловать их? — И если *нечист пред Богом всяк высокосердый* (Прит. 16, 5), то кто может очистить его?

8. Отвергающий обличение обнаруживает страсть гордости; а кто принимает оное, тот разрешился от уз гордости.

9. Один мудрый старец увещевал горделивого брата; но сей, слепотствуя душою, сказал: „прости меня, отче, я совсем не горд”. Тогда мудрый старец возразил: „чем же ты, сын мой, яснее можешь доказать, что ты горд, как не уверением, что нет в тебе гордости?”

/.../

15. От гордости происходит забвение согрешений; а память о них есть ходатай смиренномудрия.

16. Гордость есть убожество души, которая мечтает о себе, что богата, и, находясь во тьме, думает, что имеет свет.

17. Гордый подобен яблоку, внутри сгнившему, а снаружи блестящему красотой.

18. Гордый не имеет нужды в бесе-искусителе; он сам сделался для себя бесом и супостатом.

19. В гордых сердцах рождаются хульные слова, а в смиренных душах — небесные видения.

20. Не знаю, как это бывает, что весьма многие из гордых, не зная самих себя, думают, что они достигли бесстрастия, и уже при исходе из сего мира усматривают свое убожество.

21. Кто пленен гордостью, тому необходимо нужна чрезвычайная Божия помощь для избавления; ибо человеческие средства к спасению его безуспешны.

/.../

27. Когда начнет в нас процветать святое смирение, тогда начнем мы презирать всякую похвалу и славу человеческую. Когда же оно созреет, тогда не только за ничто станем мы почитать свои добрые дела, но и вменять их в мерзость, думая, что мы ежедневно прилагаем к бремени грехов своих неведомым для нас расточением добродетелей.

28. Покаяние прилежное и плач, очищенный от всякой скверны, воздвигая храм смирения в сердце, разрушают вознагражденную на песке лачугу гордыни.

29. Признаки исчезновения гордости и водворения смирения суть радостное поднятие поношений и унижений, утоление ярости и неверование своим добродетелям.

30. Конец всех страстей — тщеславие и гордость, для всякого не внимающего себе. Истребитель же их — смиренномудрие хранит сожителя своего невредимым от всякого смертоносного яда (страстей).

31. Смиренномудрый монах не любопытствует о

предметах непостижимых; а гордый хочет исследовать и глубину судеб Господних.

32. К одному из рассудительнейших братьев приступили бесы и ублажали его. Но сей смиренномудрый сказал им: „если бы вы перестали хвалить меня в душе моей, то из отшествия вашего я заключил бы, что я велик; если же не перестанете хвалить меня, то из похвалы вашей вижу мою нечистоту; ибо *нечист пред Господом всяк высокосердый* (Прит. 16,5). Итак, или отойдите, чтобы я почел себя за великого человека; или хвалите, — и я приобрету чрез вас великое смирение”. Сим обоюдоострым мечом рассуждения они так были поражены, что тотчас исчезли.

33. Иное дело превозноситься, иное не превозноситься, и иное — смирение. Один целый день судит; другой ни о чем не судит, но и себя не осуждает; а третий, будучи неповинен, всегда сам себя осуждает.

34. Конь, когда бежит один, то ему кажется, что он скоро бежит; но когда находится в бегу с другими, тогда познает свою медленность. (Сравнивай себя с лучшими и избежишь самомнения.)

/.../

38. Многие называют себя грешными, а может быть, и в самом деле так о себе думают; но сердце искушается унижением (от других).

39. Кто говорит, что он ощущает благовоение смирения — и во время похвал, хотя мало движется сердцем, тот да не прельщается, ибо он обманут.

40. *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу*, сказал некто в чувстве души (Пс. 112, 9); ибо он знал, что естество человеческое, будучи столь немощным, не может принимать похвалу безвредно. *От Тебе похвала моя в Церкви вели-*

цей (Пс. 21, 26) — в будущем веке; а прежде того не могу принимать ее безопасно.

/.../

44. Кто в беседе упорно желает защищать свое мнение, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим диавольским недугом (гордостью); и, если он так поступает в беседе с равными, то может быть обличение старших и исцелит его; если же он обращается так с большими себя и мудрейшими, то люди не могут исцелить сей болезни.

45. Однажды спросил я одного из искуснейших старцев, каким образом послушание имеет смирение? Он ответил: благоразумный послушник, если и мертвых будет воскрешать, и дарование слез получит, и избавления от браней достигнет, всегда думает, что это совершает молитва отца его духовного, — и пребывает чужд и далек от суетного возношения; да и может ли он превозноситься тем, что, как сам сознает, сделал помощью другого, а не собственным старанием.

/.../

56. Если вид погибели, т. е. гордости, есть то, когда кто возносится и малыми и незначительными делами, то спасительный признак смирения есть — иметь смиренный образ мыслей и при великих предприятиях и исправлениях.

57. Некогда я уловил сию безумную прелестницу в сердце своем, внесенную в оное на раменах ее матери — тщеславия, связав обеих узами послушания; и бив их бичем смирения, я понуждал их сказать мне, как они вошли в мою душу? Наконец, под ударами они говорили: „мы не имеем ни начала, ни рождения, ибо мы сами начальницы и родительницы всех страстей. Немало враждует на нас один из на-

ших неприятелей — сокрушение сердца, рождаемое повинованием. Но кому-нибудь быть подчиненными, — сего мы терпеть не можем; посему-то мы и на небе бывши начальниками, отступили оттуда. Кратко сказать: мы родительницы всего противного смиренномудрию; а что оному споспешествует, то нам сопротивляется. Впрочем, если мы и на небесах явились в такой силе, то куда ты убежишь от лица нашего? Мы весьма часто следуем за терпением поруганий, за исправлением послушания, и безгневия, и непамятозлобия, и служения ближним. Наши исчадия суть падения мужей духовных: гнев, клевета, досада, раздражительность, вопль, хула, лицемерие, ненависть, зависть, прекословие, своенравие, непокорство. Есть одно нечто, чему мы не имеем силы противиться, — будучи сильно биемы тобою, мы скажем тебе и сие: — если будешь искренно укорять себя пред Господом, то презришь нас, как паутину. Ты видишь, — говорила гордость, — что конь, на котором я еду, есть тщеславие; преподобное же смирение и самоукорение посмеются коню и всаднику его, и со сладостию воспойт победную оную песнь: *поим Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже в море (Исх. 15, 1)*, т. е. в бездну смирения”.

ИЗ ПОДВИЖНИЧЕСКИХ НАСТАВЛЕНИЙ

Краткие сведения о преп. Авве Дорофее

Жил Авва Дорофей в конце VI и в начале VII вв. Раннюю молодость свою провел он в изучении светских наук, — очень прилежном. По окончании образования жил некоторое время на родине, недалеко от обители Аввы Серида, может быть, в Аскалоне или Газе. Состояние его было достаточное. Скоро вступил он в сношение с великими старцами Варсонофием и Иоанном, которых наставления расположили его, оставя все, принять монашество в обители Аввы Серида, где они имели покой. Под их руководством прошел он иноческое свое воспитание, преимущественно, впрочем, под руководством старца Иоанна, проходя в то же время и послушания, возлагаемые на него Аввою обители, который сначала вверил его надзору странноприимницу, а потом больницу. Во время этого последнего послушания он был руководителем св. Досифея.

По кончине Аввы Серида и старца св. Иоанна, когда общий наставник их великий Варсонофий совершенно заключился в своей келии, преп. Дорофей удалился из общежития Аввы Серида и был настоятелем другой некоей обители. Вероятно, к этому времени относятся его поучения, говоренные им своим ученикам. Эти поучения, в числе двадцати одного, и несколько посланий составляют все, что,

Извлечено из „Добротолубия”, том 2, с. 425 и 435—439.
Авва — отец (сир.).

осталось нам в наследие от писаний сего отца, свет учения которого распространялся не только в обителях иноческих, но и всюду между христианами. Время кончины его полагают около 620 года. Память его июня 5-го.

1. По благодати Своей, Бог дал нам заповеди, очищающие нас, дабы мы, если пожелаем, могли соблюдением заповедей очиститься не только от грехов, но и от самих страстей. Ибо иное суть страсти, и иное грехи. Страсти суть: гнев, тщеславие, сластолюбие, ненависть, злая похоть и тому подобное. Грехи же суть самые действия страстей, когда кто приводит их в исполнение на деле, т. е. совершает с телом те дела, к которым побуждают его страсти; ибо можно иметь страсти, но не действовать по ним.

/.../

34. Я всегда говорю вам, что от незначительных послаблений себе доходим мы и до значительных грехов. Что тяжелее греха осуждать ближнего? Что столько ненавидит Бог и от чего столько отвращается? И однако же в такое великое зло приходит человек от ничтожного, по-видимому, — от того, что позволяет себе малое зазрение ближнего. Ибо когда это дозволяется, тогда ум начинает оставлять свои грехи без внимания и замечать грехи ближнего. А от сего (от навыка в этом) происходят пересуды, укоры, злословия, — и, наконец, — пагубное осуждение. Но ничто столько не прогневляет Бога, ничто так не обнажает человека (от благодати) и не приводит к гибели, как укорение, злословие и осуждение ближних.

35. Иное дело злословить, а иное осуждать или унижать. Злословить значит сказать о ком-либо: такой-то солгал, или соблудил, или другое что не-

доброе сделал. Вот такой позлословил брата, т. е. сказал страстно о его согрешении. А осуждать значит сказать: такой-то лгун, блудник, гневлив. Вот такой осудил самое расположение души его, говоря, что он таков-то, и осудил его, как такого: а это тяжкое прегрешение.

/.../

37. Одному Богу принадлежит оправдывать или осуждать, поелику Он знает и душевное расположение каждого и силу, стремления и дарования, телосложение и способности, — и сообразно с этим осуждает или оправдывает каждого — праведно. Ибо кто может верно знать все сие, кроме Единого, сотворившего всех и всеведущего.

38. Иногда мы не только осуждаем, но и уничтожаем ближнего: ибо иное есть — осуждать и иное — уничтожать. Уничтожение есть то, когда человек не только осуждает, но и презирает другого, — гнушается им и отвращается от него, как от некоей мерзости; это хуже осуждения и гораздо пагубнее.

39. Хотящие спастись не обращают внимания на недостатки ближних, но всегда смотрят на свои собственные и преуспевают. Таков был тот, который, видя, что брат согрешил, вздохнул и сказал: „горе мне! как он согрешил сего дня, так я согрешу завтра”. Видишь ли мудрое настроение души? Как он тотчас нашел средство избежать осуждения брата своего? Ибо сказав: „так и я завтра”, он внушил себе страх и попечение о том, что и он в скором времени может согрешить, — и так избежал осуждения ближнего. /.../

40. Бывает, что яд осуждения, переполнив нашу душу, ищет излиться и в других. И вот мы, встречая другого брата, мирного во всем, спешим

пересказать ему: то и то случилось, — и причиняем ему вред, внося в сердце его грех осуждения. /.../
/.../

42. Представьте себе круг, средину его — центр, и из центра исходящие радиусы — лучи. Эти радиусы, чем дальше идут от центра, тем более расходятся и удаляются друг от друга; напротив, чем ближе подходят к центру, тем больше сближаются между собою. Положите теперь, что круг сей есть мир, самая середина круга — Бог, а прямые линии (радиусы), идущие от центра к окружности, или от окружности к центру, суть пути жизни людей. И тут то же. Насколько Святые входят внутрь круга к средине оно-го, желая приблизиться к Богу, настолько, по мере вхождения, они становятся ближе и к Богу, и друг к другу; и притом так, что сколько приближаются к Богу, столько приближаются и друг к другу, и сколько приближаются друг к другу, столько приближаются и к Богу. — Так разумеите и об удалении. Когда удаляются от Бога и обращаются ко внешнему, то очевидно, что в той мере, как они отходят от средоточия и удаляются от Бога, в той же мере удаляются и друг от друга, — и сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково и свойство любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любовью к Нему, столько соединяемся любовью и с ближними, и сколько соединяемся с ближними, столько соединяемся и с Богом.

43. Отчего происходит, что иногда кто-либо, услышав оскорбительное слово, не обращает на него внимания, а переносит оное без смущения, как будто вовсе не слышал его, иногда же, как только услы-

шит, тотчас смущается. Отчего так бывает? Не смущаются вот отчего: *во-первых*, случается, что иной после молитвы, или доброго упражнения, находится в добром расположении духа, и потому снисходит брату своему и не смущается его словами; случается *также*, что иной имеет большое расположение к кому-либо, и потому без огорчения переносит все, от него наносимое; бывает *также*, что иной презирает желающего оскорбить его, и ни во что вменяет обиды его. — А смущаются от противоположного сему, — оттого, что бывают не в добром расположении духа, или оттого, что имеют неприязнь против оскорбившего, — и от других причин. Но главную причину всякого смущения служит то, что мы не укоряем самих себя.

/.../

46. Случается, что иной, сидя в уединении безмолвном, пребывает в мире. Но вот пришел брат, и между разговорами сказал что-либо неприятное, и он тотчас пришел в смущение, — и говорит потом: „если бы он не пришел ко мне и не смутил меня, то я не согрешил бы”. — Какое смешное рассуждение! Разве тот, кто сказал ему слово, вложил ему страсть? Он только вызвал наружу ту, которая была уже в нем; и теперь предлежит ему не на брата скорбеть, а каяться в страсти, укоряя себя. Такой человек похож на гнилой хлеб, который снаружи хорош, а внутри заплесневел, и когда кто-либо разломит его, то обнаруживается его гнилость, — или на чистый сосуд, который внутри полон смрада и зловония, и когда кто откроет его, тотчас становится чувствительным смрад его. Так и этот пребывал, как ему казалось, в мире, не замечая, что страсть была внутри его; брат сказал ему одно слово и обнаружил

гнилость, сокрытую внутри его. Посему, если он хочет быть помилованным, то пусть покается, укорив себя. Сим только путем он достигнет чистоты и преуспеет. Брата же того ему должно еще благодарить, как доставившего ему такую пользу.

47. Душа, по мере того, как творит грех, изнемогает от него; ибо грех расслабляет и приводит в изнеможение того, кто предается ему; и потому все, приключаящееся ему, отягощает его. Если же человек преуспевает в добре, то, по мере преуспевания, ему делается более легким то, что некогда было тяжело.

48. Во всяком случае должны мы взирать горé. Доброе ли нам кто сделает или злое, потерпим ли от кого-либо, мы должны взирать горé и благодарить Бога за все, случаемое с нами, всегда укоряя самих себя и говоря, что если случится с нами что доброе, то это дело милостивого промышления о нас Божия, а если злое, — то это за грехи наши.

49. Окаянные мы, ежедневно согрешающие и страстям своим удовлетворяющие! Оставили мы путь правый, указанный нам отцами, — путь самоукорения, и идем кривым путем укорения ближнего. — И каждый из нас старается во всяком деле сложить вину на брата своего и на него возложить всю тяготу; каждый ленится и не соблюдает ни одной заповеди, а от ближнего требует исполнения всех заповедей.

ПОУЧЕНИЯ ПРЕП. СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Для чего мы делаем на себе крестное знамение? Мы делаем знамение крестное на себе, или крестимся, во-первых, для того, чтобы знамение это *на нас видел Бог*. Да, братья, Бог видит, когда мы крестимся, когда делаем на себе крестное знамение. А из вас некоторые крестятся кое-как, поспешно, небрежно, без всякого внимания! Грешно так креститься: надобно креститься со вниманием, с благоговением. Скажешь: сила не в кресте? Нет, сила в кресте и сила большая, когда ты крестишься надлежащим образом — с верою, с мыслью, с благоговением. Крестное знамение есть *тот знак, по которому Бог обращает Свое внимание к нам, за который Он изливает на нас спасительную благодать Свою*.

Крестное знамение есть та печать, с которой *Бог принимает прошения от нас*. Молиться с крестным знаменем, значит молиться, просить от имени, от лица Иисуса Христа: „Я не сам пришел, меня Иисус Христос прислал к Тебе, Господи! и что действительно так, вот на мне печать Его — к р е с т н о е з н а м е н и е”.

Если же ты думаешь, что *сила* не в кресте, то для чего же ты крестишься? Или уж вовсе не делай на себе крестного знамения: и тогда будут знать все, что ты не христианин; или же делай, как должно, без поспешности, с благоговением, со вниманием, с мыслию.

Итак, мы крестное знамение делаем для того, *чтобы привлечь к себе благодать Божию*. Мы делаем крестное знамение еще для того, *чтобы видел это лукавый, враг наш диавол*. Да, братья, пусть и лукавый в и д и т, как мы делаем на себе крестное знамение, потому что он не любит этого знамения. Как боится лукавый Иисуса Христа, так он боится и знамения Христова — Креста. Крест самое верное оружие против врага, самая крепкая защита от него, самый острый меч для него... Крестное знамение охраняет, защищает нас от всего нам враждебного. Где крестное знамение полагается, там Ангел Христов бывает нашим хранителем и защитителем.

Бес бежит от крестного знамения, а Ангел притекает на крестное знамение. Наконец, мы делаем на себе крестное знамение и для того, *чтобы перед другими исповедать Иисуса Христа, распятого на кресте*. Да, пусть люди в и д я т, Кого мы исповедуем, в Кого веруем, на Кого надеемся, Кого мы любим, Кого почитаем. А ты иногда с т ы д и ш ь с я сделать знамение крестное. Знаешь ли ты, какой ты через это делаешь грех? Стыдясь креститься, ты стыдишься, что ты христианин; стыдишься, что ты Христу принадлежишь, во Христа веруешь, на Христа надеешься, Христа почитаешь и любишь!..

Нет, не стыдись признаваться, что ты христианин, что ты Христов, иначе Иисус Христос постыдится признать тебя Своим на Страшном Суде и откажется принять в Царство Небесное (Лк. 9, 26; Мф. 10, 32–33).

Итак, вот для чего мы крестимся: чтобы показать, что мы христиане, и чтобы это видел Бог, видел бы Ангел Хранитель, видел бы и лукавый, и чтобы люди видели, что мы христиане.

По тому, как человек крестится, можно определить и качество, и степень его христианства. Можно сказать даже так: „Кто как крестится, тот так и верует!”

В духовной жизни все начинается с малого. Соблюдающий малое, *утверждается в большом. Из малого зернышка благоговения вырастает большой колос всего христианского благочестия.*

Еп. В... Оренб.

ЖИВИТЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ХРИСТИАНЕ МЕЖДУ СОБОЮ В МИРЕ И СОГЛАСИИ

Счастливы тот дом, где пребывает мир, где брат любит брата, родители пекутся о детях, дети почитают родителей и живут в согласии муж с женою; там благословение Божие, там похвала от людей, там благополучие, там радость и веселие, там земное блаженство. А напротив, где преобладает ненависть и происходит вражда между братьями, несогласие между детьми и родителями, ссоры между мужем и женой, там гнев от Бога, осуждение от людей, там смятение, там гибель, там мука земная. *„Идеже зависть и рвение, ту нестроение и всяка зла вещь”* (Иак. 3, 16), — говорит апостол Иаков. Там нищета, там всегдашний убыток, там крайнее разорение; ибо несогласие не только мелкие дома, но и целые города истребляет, как о том Сам Господь наш Иисус Христос решительно сказал: *„Всяк град или дом, разделившийся на ся, не станет”* (Мф. 12, 25). Где нет мира, там нет никакого добра. Когда нет между нами мира, то нет нам здесь в ковчеге священства, в Церкви Христовой места, потому что она именуется единомыслием и согласием, а главное нет нам места в Царствии Божием, еже есть наследие

миролюбивых. Злобствующие, жаждущие, завистники и ненавистники не входят в горний Иерусалим, как пишет в Апокалипсисе апостол Иоанн (Апок. 22, 15). Вне они Церкви Христовой и Царствия Божия, в огне вечной муки; там, где царствует вечно ненависть, где мучимые души враждуют ненавистью вечно между собою. О, какое страшное от Церкви и от Царствия Божия отлучение! О, коль страшнейшая мука неимеющему мира христианину!

О ГРЕХЕ

Есть грех не к смерти, это когда человек совершил беззаконие, мучается совестью и горячо кается. Простится такой грех, хотя бы был чудовищным по своей великости.

Но есть грех к смерти, когда человек совершил беззаконие и не только не кается, но наслаждается цинично, смакует преступление и любит им и откровенно хвастается им. (Н. Варжанский. Журнал „Миссионерское обозрение“, № 4, 1913.)

ЛОБЫЗАНИЕ СВ. ЕВАНГЕЛИЯ И СВ. КРЕСТА

Каждый воскресный день в православных храмах на „утрени“ (в субботу вечером) выносятся на середину храма для поклонения и лобызания Святое Евангелие, а по окончании Божественной литургии (в воскресенье утром) священник после отпуска дает верующим лобызать святой крест.

По обычаю, в обоих случаях молящиеся или,

вернее сказать, верующие христиане совершают тот и другой обряд совершенно бессознательно.

Попробуйте когда-нибудь постоять в храме беспристрастным наблюдателем, и вы неизменно в любом почти храме увидите одну и ту же грустную картину. Толпа, словно стадо баранов, безчинно и без должного благоговения, а тем более без сознания, „вперегонки” спешит приложиться холодными губами к Евангелию или ко Кресту, чтобы скорее вырваться на волюшку к миру, манящему каждого своими бесчисленными обманчивыми соблазнами.

Но в самом деле, зачем же христиане целуют св. Евангелие и св. Крест?

Попробуем дать посильный ответ.

В Евангелии заключено Слово Божие, заповеди Господни. „*Кто любит Меня, — сказал Христос, — тот соблюдает слово Мое*” (Ио. 14, 23). Чувство любви большею частью выражается поцелуем. Поцелуй — символ, знак любви.

Теперь: подходите вы к Евангелию. Это самая дорогая для вас на свете книга. Это — вечное руководство вам в жизни, это путеводитель к вечной жизни.

Вот вы встали перед Евангелием...

Загляните в свое сердце, исследуйте тайные изгибы ума своего и дайте честный, открытый, искренний ответ: *за предыдущую неделю как вы жили?* По Евангелию или против Евангелия? Ваша неделя жизни была ли свидетельством горячей любви ко Христу, или вы, дружа с миром, всю неделю враждовали с Богом? (Ио. 4, 4).

Собираясь целовать св. Евангелие, не на путь ли Иуды хотите вы встать, путь лжи, обмана, лицемерия?

Не торопитесь... подумайте! Вы ведь и в прошлый субботний день целовали это Евангелие, только без смысла, бессознательно...

Поцелуйте же этот раз с толком, по-христиански, ясно отдавая себе отчет в своем поступке. Ваш поцелуй — в данную минуту равносильен присяге. Осеняя себя крестным знамением и лобызая св. Евангелие, вы должны чувствовать и говорить в душе своей: „Господи! Я люблю Тебя больше всего на свете. Ты — мой Пастырь, Ты мой Спаситель, Ты мой свет и хранитель. Люблю и Твое божественное слово. Лобызая св. Евангелие, обещаюсь Тебе и клянусь в грядущую неделю устроить жизнь свою, по мере сил моих, согласно с Твоими святыми заповедями. Обещаюсь и клянусь день и ночь поучаться в слове Твоем. Оно — пища для моей души. Обещаюсь и клянусь в течение этой недели прилагать столько же заботы, и даже больше, о насыщении моей души глаголами вечной жизни, сколько я прилагал бывало заботы о насыщении плоти...”

Скажи так в душе своей, поцелуй Евангелие и, сказав „аминь”, отходи.

Только помни, что ты сделал: ты присягнул на неделю Христу.

Друг мой! Скажи по чистой совести, за всю твою долгую жизнь подошел ли ты хоть раз к св. Евангелию с такими мыслями? За всю свою долгую жизнь целовал ли ты его с такою сознательностью? Понимал ли, какую ответственность ты принимаешь на себя, лобызая эту дорогую для каждого христианина книгу?

Такой же глубокий смысл имеет и лобызание св. Креста. На этом кресте изображен Христос, распятый плотию своею за нас грешных.

А св. ап. Павел говорит между прочим: „те, которые Христовы, должны тоже распинать свою плоть со страстями и похотьми” (Гал. 5, 24).

Лобызая св. Крест, каждый христианин должен опять помнить, что он в этот момент приносит Богу вторую присягу. То он клялся св. Евангелием, теперь он клянется св. Крестом. Сообразно с изменившимися обстоятельствами, изменяется и сама форма второй клятвы.

И здесь, осеняя себя крестным знамением, ты должен в душе говорить: „Господи! Тобою поставленный пастырь преподносит моему взору изображение моего сладчайшего Спасителя, распятого на кресте. Взирая на святой и честный Крест Господень, я невольно поражаюсь и преклоняюсь пред незримой бездной любви Божией к падшему человечеству. И эта неизмеримая любовь Божия напоминает мне о моей обязанности, по мере сил моих платить Тебе, Господи, тоже любовью...”

Загляни же в этот момент в свою душу, припомни свою недельную жизнь и вспомни, много ли раз ты на деле доказал Христу свою любовь, свою благодарность за дарованное тебе спасение? Вспомни, часто ли ты гнал от себя грех, тот самый скверный, проклятый грех, который довел Христа до креста? Вспомни прошлую неделю, сколько раз ты вторично распинал Христа своими грехами. Поразмысли о всем этом и только тогда целуй Крест, иди. Целуй сознательно и клянись любить Христа так, как Он тебя возлюбил, любить не словом и языком, а делом и истиною, клянись бороться со грехом, избегать всякого повода, твердо помня, что, если бы не было греха, не страдал бы и Христос; клянись в течение грядущей недели распинать свою плоть

со страстями и похотями, клянись служить Христу, а не Велиару...

Вот какой с виду малозначительный обряд, а какие глубоко назидательные мысли в состоянии навеять на душу и к каким высоко-благим решениям может привести человека, сознательно совершающего такой маленький обряд.

Да тут порой наплакаться можно досыта, особенно если голос совести, голос не заглушенный расскажет горькую правду о постыдно проведенной прошлой неделе...

БЛАЖЕННАЯ ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА,
ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВАЯ,
подвижница Серафимо-Дивеевского монастыря
(Память 30 января)

Пелагия Ивановна родилась в октябре 1809 года в г. Арзамасе, Нижегородской губ. Отец ее был арзамасский купец — Иван Иванович Сурин, мать ее — Прасковья Ивановна, урожденная Бебешина, была тоже из купеческого звания. У них было два сына: Андрей и Иван. И дочь Пелагия. Рано овдовев, Прасковья Ивановна вышла замуж за вдовца — купца Алексея Никитича Королева, имевшего от первого брака шесть человек детей. Жизнь сводных детей несладка была в доме Королева, и дети Прасковьи Ивановны сильно чувствовали свое сиротство.

Достигнув 17-летнего возраста, Пелагия Ивановна была выдана в замужество за арзамасского мещанина Сергея Васильевича Серебренникова; брак ее с ним состоялся 23 мая 1826 года. От этого брака у Пелагии Ивановны родились два сына — Василий и Иван, и дочь Пелагия. Сыновья прожили по полтора года, а дочь только несколько недель.

Муж Пелагии Ивановны служил приказчиком у арзамасского купца Попова и после смерти детей стал замечать в ней особую задумчивость и нелюди-

мость. Она стала чуждаться его самого, отстранялась от его ласк, и вообще заметна была в ней разительная перемена. Муж повез ее в Саровскую пустынь на богомолье, с намерением испросить ей благословения и святых молитв великого старца Серафима, ибо думал, что эта перемена в ней произошла от скорби о детях. Близкий к старцу Серафиму рясофорный послушник Саровской пустыни, Иоанн Тамбовцев, впоследствии Нижегородского Печерского монастыря иеромонах, а потом Павло-Обнорского монастыря, Вологодской губернии, игумен Иоасаф, в схиме Серафим, скончавшийся на покое в Высокогорском Арзамасском монастыре, рассказывал об этом посещении старца Серафима следующее:

„Однажды был я в келии старца Серафима, когда вошли к нему довольно молодые еще люди, муж с женою за благословением. Благословив мужа, старец Серафим сказал ему несколько слов на пользу души и выслал его из келии, а вместе с ним и меня выслал, и затворил за нами дверь келии, оставив в ней жену, и с нею беседовал более часа. Муж, стоя на крыльце, соскучился ждать и ушел в гостиницу монастырскую, а я продолжал стоять, любопытствуя узнать, о чем это так долго беседовал старец с этою женщиной. Наконец, дверь старцевой келии растворилась, и из нее вышла женщина и держала в руках своих четки, которых у ней прежде не было. Видимо, что старец дал ей эти четки. За нею вышел и сам старец о. Серафим и говорил ей вслед: „Иди в Дивеево и охраняй моих сирот, и Бог тебя на том месте прославит”. Когда женщина удалилась, тогда о. Серафим обратился ко мне и, положив свою руку мне на плечо, сказал: „Верь Богу, о. Иоанн, вот эта женщина, которую ты видишь, будет великий све-

тильник на весь мир”. Я, грешный, тогда спросил старца: „Кто это, батюшка, такая?” — „Это арзамасская жительница Пелагия Ивановна”, — отвечал мне старец.

В это время в г. Арзамасе подвизалась в подвигах юродства Христа ради купеческая жена Параскева. С ней подружилась Пелагия Ивановна и под ее руководством научилась Иисусовой молитве, которая начала в ней благодатно действовать и сделалась постоянным ее занятием на всю жизнь.

Пелагия Ивановна притворилась безумною, бросила мужа и его дом, стала бегать по улицам Арзамаса, безобразно кричала. Муж начал запираť ее на замок и бил ее без всякой жалости, неоднократно водил ее в полицию и наказывал там розгами, наконец приковал ее на железную цепь в своем доме и так продержал некоторое время, думая, что она образумится и перестанет безумствовать. Но она продолжала по-прежнему безобразничать, так что мужу, наконец, надоело с нею возиться, — он снял с нее цепь и прекратил о ней всякое попечение.

Освободившись от цепи, Пелагия Ивановна сохранила ее при себе и по ночам возлагала на свои плечи, вместо вериг, носила также на теле своем железный пояс, тяжелый и тесный, и продолжала безобразничать, кричать и бегать по улицам города, чем причиняла позор всем своим родным. Родная мать ее и сестра гнушались ею и всячески ее истязали, желая побоями образумить ее, но все было напрасно. Сестра ее — девушка, которую никто не сватал из опасения, чтобы и она потом не сошла с ума подобно старшей своей сестре Пелагии Ивановне, подкупила одного злодея, хорошо стрелявшего из ружья, чтобы он в то время, когда Пелагия Иванов-

на бегаает за городом, юродствуя, прицелился в нее и убил. Тот согласился, но дал промах. Тогда Пелагия Ивановна, оставшаяся цела и невредима, прозорливо сказала ему, что он это не в нее стрелял, а в себя самого. И что же? Через несколько месяцев ее слова сбылись в точности: он застрелился и умер смертью самоубийцы. Так суд Божий неукоснительно совершился над человеком, посягнувшим на жизнь юродивой подвижницы.

Жизнь ее в это время была самая многострадальная: муж и родные совершенно от нее отказались, не давали ей ни хлеба, ни одежды, ни обуви, даже не пускали ее за порог своих жилищ. Лишенная приюта, зиму и лето проводила она на улице, прикрытая лохмотьями, вместо одежды, без куска хлеба, голодная и холодная, и в таком злострадании прожила четыре года, не оставляя посещать свою учительницу и наставницу — юродивую Параскеву, которая водушевляла ее все терпеть любви ради Христовой.

В Арзамасе на конце города есть церковь, называемая Напольная, стоящая особо от жилищ горожан. На паперти этой церкви находила себе ночью приют Пелагия Ивановна, и часто видели ее там по ночам молившеюся под открытым небом, с воздетыми горé руками, со многими воздыханиями и слезами. В ней начал усиливаться издавна присущий ей дар прозорливости, который она прикрывала странными выходками и речами. Однако люди духовные видели ясно, что она подвижница Божия. Так однажды, когда Пелагия Ивановна сидела на улице Арзамаса и юродствовала, подошла к ней Дивеевская монахиня Иулиания Григорьевна, одна из ближайших учениц старца Серафима, сама очень опытная и преуспевшая в жизни духовной, и сказала ей: „Полно

тебе здесь безумствовать, пойдём к нам в Дивеево, так Богу угодно”. Пелагия Ивановна послушалась ее и в тот же день отправилась с нею из Арзамаса в Дивеевский монастырь. Иулиания Григорьевна поместила ее в своей келии и жила с нею до самой своей смерти.

Пелагия Ивановна по смерти Иулиании очень чтит память ее и всем приходившим к ней вменяла в обязанность ее поминать и чтить день ее кончины, 3 февраля, молитвою о ее упокоении со святыми.

Мать Пелагии Ивановны, Прасковья Ивановна Королева, узнавши, что ее безумная дочь ушла из Арзамаса в Дивеевский монастырь и там поселилась, очень обрадовалась и пожелала ее там посетить, чтобы самой видеть, как ей там живется. Она думала, не образумилась ли, наконец, ее дочь; но, побывав у ней в Дивееве и видя, что она по-прежнему безумствует, очень опечалилась. Из Дивеева прошла она в Саровскую пустынь и посетила келию старца Серафима. О. Серафим строго сказал ей: „Перестань ты преследовать твою дочь Пелагию — она не сумасшедшая, а избранница Божия; это не сумасшествие, а путь юродства”, и сильно упрекал ее за жестокое обращение с дочерью. Тогда Прасковья Ивановна возвратилась в Дивеев монастырь и внесла 500 рублей в этот монастырь вкладу, для прокормления и содержания Пелагии Ивановны, которую потом посещала и ласково с нею обращалась до самой своей смерти.

Но и в Дивееве жизнь Пелагии Ивановны не изменилась и была самая многострадальная: целых сорок семь лет прожила она в Дивеевском монастыре, и все это время, можно сказать, было непрерывною цепью для нее всяких злостраданий телесных. В

1838 году, после двухлетнего пребывания Пелагии Ивановны в Дивеевском монастыре, скончался ее супруг на Нижегородской ярмарке от холеры. Она по-прежнему безумствовала: бегала по монастырю, шумела, редко когда бывала в келии, а большую часть дня проводила в монастырском дворе, где сидела или в яме, выкопанной ею и наполненной всяким навозом, который она носила всегда в пазухе своего платья, или же в сторожке в углу, где молилась Иисусовой молитвою. Зачастую приходилось ей и в Дивееве испытывать побои, слышать жестокие укоризны от монахинь. В трапезу монастырскую Пелагия Ивановна никогда не ходила, питалась преимущественно хлебом и водою и, когда бывало проголодается под вечер, пойдет нарочно под келии нелюбивших ее монахинь просить хлеба, а ее, вместо хлеба, награждали там пинками и выталкивали вон. Зачастую по два, по три дня пребывала без пищи юродивая и отнюдь от этого не ослабевала, напротив еще проворнее и шибче бегала тогда по монастырю.

Около двадцати лет прожила таким образом в Дивеевском монастыре блаженная старица, юродствуя и претерпевая всякие злострадания и поношения. Но свет благодатных даров, в ней обитавших, все более стал сиять и привлекать к ней внимание и уважение людей. Самые монахини, прежде ее гнавшие, увидели, что неправильно преследуют рабу Божию. Пелагия Ивановна стала предсказывать многим, что с ними случится, иногда прозревая на несколько лет события, и слова ее сбывались во всей точности. К ней стал стекаться со всех сторон народ: люди разных званий и состояний спешили ее видеть и услышать от нее мудрое слово на-

зидания, или обличения, или утешения, или совета духовного, смотря каждый по своей потребе. И юродивая каждому умела сказать по-своему нужное и душеполезное: обладая прозорливостью, говорила с иными ласково, а с иными грозно, иных вовсе отгоняла от себя и бросала в них камнями, иных жестоко обличала.

После двадцатилетнего подвижничества в Дивеевском монастыре Пелагия Ивановна вдруг резко изменила образ своей жизни. Однажды сказала она своей сожительнице Анне Герасимовне: „Сейчас был у меня батюшка Серафим и велел мне молчать и находиться более в келии, чем во дворе”. И действительно, она замолчала и редко кого удостоивала своим разговором, говорила мало — отрывистыми фразами, более сидела в келии.

В это время подвиги ее духовные были самые разнообразные. Та цепь железная, которую некогда приковывал ее муж и которую она принесла с собою в Дивеево, служила и теперь ей подчас веригами, а подчас — и изголовьем. Спала она и сидела всегда на полу и непременно около входной двери в келию, так что проходящие нередко наступали на нее или обливали ее водою, что, видимо, доставляло ей удовольствие. Как только все в келиях улягутся на ночь спать, Пелагия Ивановна, тоже притворявшаяся, что ложится спать, вставала, становилась на молитву и молилась всегда почти до утра, тихо плакала и вздыхала на молитве, а иногда в восторге духовном громко восклицала, чем и будила приходившую иногда к ней на ночь келейницу ее Анну Герасимовну, причем притворялась спавшею и восклицавшею во сне. Пищу принимала умеренно, питалась преимущественно черным хлебом, который носила

всегда за пазухою и катала из него шарики. Эти шарики служили ей вместо четок, при совершении молитвы Иисусовой, и это было почти постоянное ее занятие. Любила она очень цветы и, если имела их под рукою, задумчиво их перебирала, тихо нашептывая молитву. В последнее время жизни цветы всегда почти имелись у ней в руках, ибо их приносили ей усердствующие сделать ей угодное люди, и эти цветы, видимо, ее утешали: перебирая их и любуясь ими, она делалась светлою и радостною, точно витала умом своим уже в ином мире.

Однажды лежала она на полу келии подле топившейся печи; горячий уголь выскочил из печи и упал ей на висок. Она не пошевелинулась его принять, лежала до тех пор, пока уголь совершенно не погас и не охладел. Ногтей своих Пелагия Ивановна никогда не обрезывала и никогда не ходила в баню; вообще тело свое всячески истязала и угнетала, к чему служили ей, кроме вышеупомянутой памятной для нее железной цепи, всевозможные средства, которые она иногда очень остроумно для себя измышляла.

Подвиги юродивой стали привлекать к ней внимание дивеевских монахинь, и прежнее нерасположение к ней многих из них сменилось уважением. Инокнии, приверженные к юродивой подвижнице, глубоко веровали в силу ее молитв, искали у нее наставления духовного и обретали его в ее усеченных прозорливых речах. Так, одна благочестивая монахиня дивеевская сильно к ней привязалась и, видя подвиги юродивой, дерзнула просить у Господа, чтобы Он указал ей, верен ли путь, по которому идет эта подвижница Божия, и ведет ли ее ко спасению, ибо часто приходилось ей слышать разноречивые суждения о сем других монахинь, и сердце ее

колебалось иногда сомнениями по этому поводу. Господь услышал ее молитву: она увидела во сне, что Пелагия Ивановна идет по двору монастырскому, и два ангела ведут ее под руки. Когда, проснувшись, монахиня эта пошла к Пелагии Ивановне, чтобы рассказать ей свой сон, та предварила ее рассказ строгим запрещением, чтобы никому не говорила она того, что видела во сне.

Пелагия Ивановна не чужда была и дара целебно-го: много случаев было, когда она приходивших к ней с разными болезнями или ударяла рукою по больному месту, или поила чаем из своей чашки и блюдца, и после того больные исцелялись и не чувствовали прежних своих страданий. Так, сестра Покровской Медянской общины, проходившая клиросное послушание, заболела сильно, так что не могла проходить своего послушания, от чего отговаривали ее также брат ее и сестра, проживавшие в мире. Но она никак не решалась оставить свое послушание и решила ехать к Пелагии Ивановне за советом, как ей быть в этом отношении. Приехав в Дивеевский монастырь с сестрою своею, она вместе с нею пошла в келию Пелагии Ивановны и нашла ее лежащею на прилавке и окруженною многими посетителями, которые спрашивали ее каждый про свою нужду. Подождав, пока старица ответит вопрошавшим, пришедшие сестры стали поодаль и не спешили вопрошать Пелагию Ивановну; но она сама обратилась к ним и устремила взоры свои на монахиню больную. Когда они ближе подошли к ней, она начала бить кулаком сестру монахини, причем что-то про себя ворчала. Затем с ласковым взглядом обратилась к монахине и, протянув ногу свою, уперлась ею в живот монахине, губами же все что-то

тихо шептала. И что же? После этого боль в животе у монахини совершенно прекратилась, и она могла по-прежнему свободно петь и проходить клиросное послушание в своей обители. А сестру ее, видимо, наказала старица за то, что она убеждала сестру свою монахиню оставить свое послушание.

Настоятельница Серафимо-Дивеевского монастыря — игумении Марии — старица Пелагия Ивановна неоднократно предсказывала разные события в ее жизни, а также события в монастыре, и эти предсказания в точности всегда сбывались. Так, во время скорбных неурядиц в монастыре, когда игумения Мария была отрешена от настоятельства и на ее место была избрана другая, Пелагия Ивановна громко всем говорила, что не быть у них настоятельницы иной, кроме игумении Марии, и, выйдя к святым воротам во время пребывания в монастыре Следственной комиссии по этому делу, легла в воротах и громко обличала виновников и виновниц смущения в обители. Действительно, вскоре правда торжествовала в этом деле, и по прозорливому слову Пелагии Ивановны игумения Мария опять стала настоятельницею Дивеевского монастыря, враждовавшие же против нее лица должны были вовсе удалиться из обители.

За пять лет до кончины своей Пелагия Ивановна была сильно больна, и не было уже надежды к ее выздоровлению, все ждали со дня на день ее кончины. Тогда в присутствии игумении, казначеи и многих сестер Дивеевского монастыря была она освящена св. елеем священнослужителями монастыря и причащена св. Христовых Таин. Игуменья и сестры плакали навзрыд, прощаясь со старицею при конце елеосвящения, а она с ангельскою улыбкою

только глядела на них своими кроткими, пронизательными глазами, переводя их с одного лица на другое, как бы прозревая все внутренние помыслы предстоявших. В руках у нее по обычаю был букет цветов, которые она перебирала пальцами своими, и ничего скорбного в ней не было тогда заметно, точно провидела она, что напрасно сестры плачут за нее, что она еще не умрет. И действительно, она тогда выздоровела, но стала с тех пор видимо слабеть силами телесными, которые год от году у нее уменьшались. В 1883 году, за полгода до своей кончины, Пелагия Ивановна начала сильно кашлять и часто стала говорить близким к ней сестрам: „скоро, скоро умру!” С наступлением 1884 года старица совершенно ослабела и слегла на одр; у ней открылось воспаление легких, но старица наотрез отказалась от всяких лекарств земных и тяжело страдала. 24 января 1884 года по ее желанию ее особоровали и причастили св. Таин. За три дня до кончины ее священник Дивеевского монастыря принес к ней в келию св. Христовы Тайны. Она причастилась св. Таин, облобызала св. чашу и приложила к св. кресту, которым осенил ее, уходя, священник. Келейные ее и другие приближенные к ней безотлучно при ней находились, день и ночь наблюдая за нею, причем замечали, что лицо старицы иногда изменялось, оживлялось, глаза блистали, устремляясь в высоту и по сторонам, точно созерцала она таинственные видения; но когда спрашивали блаженную старицу сидевшие при ней сестры: что она видит и созерцает? она молчала и ничего не объясняла. Потом вдруг стала мрачною и повернулась к стене и грубым сердитым голосом стала говорить и препираться, грозя пальцем: „Нет, этого я не делала, это вы клеветце-

те!” Видимо, препиралась она с невидимыми врагами спасения человеческого, смущавшими ее своими привидениями и клеветами.

В последние часы жизни старица сильно страдала: кашель и мокрота душили ее и стесняли ей дыхание, так что жаль было на нее смотреть. Но ни жалобы, ни ропота не было слышно от нее, — кротко и молчаливо терпела она свои страдания.

Незадолго до кончины старица вдруг привстала на своей кровати, протянула руки свои, высоко их подняла и с сияющим радостью лицом воскликнула: „Мать Божию!”, затем в изнеможении упала на постель, склонила голову свою на подушку и тихо скончалась. Это было в половине второго часа ночи на 30 января 1884 года.

Народ во множестве стекался поклониться блаженной старице из окрестных сел и деревень, из г. Арзамаса и из г. Ардатова, где славно было ее имя, как прозорливицы и чудотворицы. Панихиды неоднократно в день служились над ее гробом монастырскими священниками.

6 февраля, через 8 суток после смерти, совершилось торжественное погребение блаженной старицы, и во все это время тело ее пребывало чуждо тления, не было от нее ни малейшего смертного запаха и самый вид лица ее был светел и благолепен. С важною думою, как бы созерцая видение радостное, застыли смертным хладом черты лица старицы и, казалось, почивает она только от многих трудов своих на этом своем одре погребальном.

С особенною заботою была устроена могила ей распоряжением монастырского начальства, выложена камнем, с прочным сводом поверх ее. Гроб ее заперт замком при опущении в могилу, которая через

два года осенена памятником в виде колонны, с четырьмя надписями на ней с четырех сторон и обнесена чугуною золоченою решеткою.

Кончина старицы и погребение ее ознаменовались исцелениями, которые еще более утвердили дивеевских монахинь в том, что святопочившая старица — велика пред Господом.

Память о святопочившей старице не умирает в Дивеевском монастыре, но с благоговением почитается в нем, и прибегающие к ней с молитвами получают от нее помощь и милость. Часто служатся панихиды о упокоении ее со святыми на ее могиле и в ее келии, где она столько лет подвизалась. Эта келия, как святыня, сохраняется в обители в прежнем виде своем, — в ней хранятся и все ее убогие келейные вещи, напоминающие собою добрую подвижницу Христову. Над могилою Пелагии Ивановны, подле соборного храма Дивеевского монастыря, воздвигнут изящный памятник, с четырех сторон которого имеются следующие надписи:

1) „Пелагия Ивановна Серебренникова, урожденная Сурина, по благословию старца Божия иеромонаха Серафима, за святое послушание оставила все счастье земной жизни, мужа и детей, приняв на себя подвиг юродства и приняла гонения, заушения, биения и цепи Христа Господа ради. Родилась в 1809 году, прожила в монастыре 47 лет и 30 января 1884 года отошла ко Господу 75 лет от роду”.

2) „Блажени есте, егда поносят вам, и изженут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех. Все здесь претерпевшая и все превозмогшая силою любви твоей к Богу, любви Его ради потерпи

нашу немощь духовную и крестом подвига твоего заступи нас”.

3) „Свято-Троицкого Серафимо-Дивеева монастыря блаженная Пелагия, взяв крест свой ради Бога, на земле жила вся в Боге, и на небе живет вечно с Богом”.

4) „Блажени изгнани правды ради, яко тех есть царство небесное. На тернистом пути подвига твоего не оставляла ты никого, к тебе прибегающего: не забудь и там, в блаженстве вечной Божией славы, обитель тобою излюбленную”.

РУССКИЕ СУДЬБЫ.

ВОСПОМИНАНИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА. РАССКАЗЫ

* * *

Эти страницы из истории Русской Церкви написаны по воспоминаниям монахини бывшего Дивеевского монастыря. Мы старались полностью сохранить форму изложения и стиль матушки, в своем роде не менее примечательные, чем описываемые события. — Сост.

О СЕМЬЕ ЧИЧАГОВЫХ

Составитель летописи Серафимо-Дивеевского монастыря митр. Серафим (Леонид) Чичагов приехал в первый раз в Дивеево в 90-х годах прошлого столетия. В то время он был молодым блестящим гвардейским полковником. Блаженная Паша Саровская, жившая тогда (последние годы своей жизни) в Дивееве, встретила его, посмотрела из-под ручки и произнесла: „А рукава-то поповские!“ Вскоре он принял священство. Старшей дочери его, Вере, Прасковья Ивановна также сказала: „А эта наша“, и та загорелась желанием, и вскоре, шестнадцати лет, поступила в Дивеево. Жена его, светская придворная дама, совсем не сочувствовала их настроению, и вскоре неожиданно скончалась от дифтерита. Отец Леонид привез ее тело в Дивеево и похоронил на

монастырском кладбище в канавке*. В северо-западном углу кладбища поставил часовню и в ней устроил склеп. Там было два изображения преп. Серафима. В надгробии жены была изображена кончина преподобного, а над местом, для него приготовленным, преподобный, идущий с посохом. Чичагов запасся бумагой от государя, в которой было приказано: где бы он (Чичагов) ни умер, его обязательно должны были привезти и похоронить в Дивееве.

В то время о. Леонид служил священником в Москве, очевидно у Ильи Обыденного, потому что там до сих пор сохраняются написанные им два образа — Спасителя во весь рост в белом хитоне и преп. Серафима, молящегося на камне, вверху под входной аркой в главном приделе. В то время он по благословию о. Иоанна Кронштадтского занимался водолечением, им даже были написаны по этому вопросу специальные книги. Излечил он, кстати, и деда рассказчицы, у которого в ту пору начали отниматься ноги.

И тогда, и впоследствии, в сане архимандрита, Чичагов постоянно бывал в Дивееве, был очень близок к блаж. Прасковье Ивановне и первой игумении монастыря м. Марии Ушаковой. Прасковья Ивановна сразу стала ему говорить: „Подайвай прошение государю, чтобы нам мощи открыли“. Как подавать такое прошение? Он стал собирать материалы, написал летопись Серафимо-Дивеевского монас-

* Канавкой называют то место в Дивееве, где ступала Матерь Божия в Своем знаменитом явлении. Преп. Серафим велел вырыть землю, по которой шла Пречистая, и вбросить внутрь участка. Так образовалась канавка.

тыря, подарил ее государю, и тот возгорелся желанием открыть мощи преп. Серафима.

Особенно тяжело архим. Серафим Чичагов переживал то время, когда задерживалось открытие мощей преп. Серафима. Все это он описал в последние годы своей жизни во второй части летописи Серафимо-Дивеевского монастыря, но рукопись эта была взята у него „под расписку”.

Содержание ее очень интересно, но мало кому было известно. Дочь митрополита Наталья Леонидовна говорила, что там он описал то, чего нельзя было опубликовать в старое время. Выдержки из нее он читал, и слышавшие рассказывали, что там он описывал между прочим и ту страшную смуту, которая происходила в Синоде при обсуждении вопроса об открытии мощей преп. Серафима. Синод весь был против: куда ехать? зачем? мощей нетленных нет, только кости. Ехать в глушь, в лес? Настаивал государь, а единомысленны с ним были только обер-прокурор Св. Синода и митрополит Кирилл.

Самой матушке рассказывала бывшая в то время келейницей блаж. Правковыи Ивановны Дуня.

Тогда Прасковья Ивановна четырнадцать дней постилась, ничего не ела, и так ослабела, что не могла даже ходить, а ползала на четвереньках. Как-то вечером приходит архим. Серафим Чичагов грустный, говорит: „Мамашенька (так называли блаж. Прасковью Ивановну), отказывают нам в открытии мощей” — а она: „Бери меня под руки, веди на волю”. Вывели на крыльцо, спустили с лесенки. „Бери железку (лопату), копай”. Архимандрит стал копать. — „Правее”. „Ну, вот и мощи”.

Еще о том писал митрополит в своей рукописи, что в это время кто-то из стариц, бывших еще при

преподобном, сказал: „Мы кланяемся не костям, а чудесам”.

Во время открытия мощей преподобного архим. Серафим Чичагов был назначен распорядителем торжеств.

Вскоре, осенью 1904 года, скончалась м. игуменья Мария, ее место заняла бывшая казначея м. Александра. Игумению в монастыре выбирали сами сестры, и архим. Серафим выступил с предложением выбрать именно ее, так как ему известно, что это было желание покойной м. игумении Марии. Так м. Александру и избрали единодушно. Покойная м. игуменья Мария во всем советовалась с архим. Серафимом, а молодая игуменья стала держать себя самостоятельно. Сразу же у них произошло разногласие.

Были пожертвованы деньги, и должна была быть назначена закладка теплого собора. На месте, определенном преп. Серафимом под теплый собор, уже ранее Иван Тихонов (распоряжавшийся после смерти преподобного в Дивееве) построил деревянную церковь во имя Тихвинской Божией Матери. Собор был холодный, и зимой все службы отправлялись в Тихвинской церкви. Она была тесна, низка и ветха. Иногда служили зимой и в церкви Александра Невского.

Митр. Серафим настаивал на постройке нового собора на месте Тихвинской церкви, а м. игуменья Александра пожалела ее ломать, и новый собор положили совсем не на месте. Сбоку, против начала канавки. С этого наметилось расхождение между митрополитом и м. игуменией Александрой.

Блаж. Прасковья Ивановна была в то время жива, но у нее не спросили. Покойная м. игуменья Ма-

рия без ее благословения ничего не делала; новая игумения поступила иначе.

Уже шла закладка собора. В это время вздумала приехать спросить Прасковью Ивановну тетушка м. игумении Александры, глухая старушка Елизавета Ивановна. Все были на закладке. Приезжает Елизавета Ивановна к блаженной, обращается к Дуне: „Я глухая, не слышу; я буду спрашивать, а ты мне говори, что она ответит”. — „Маменька, нам собор жертвуют”. Прасковья Ивановна отвечала: „Собор-то собор, а я усмотрела, черемуха по углам-то собора, как бы не завалила и собор-то”. Слова эти переданы не были. Дуня решила, что уж зря говорить-то, теперь все равно поздно, и сказала: „Благословляет”.

Собор так и не был окончен и освящен. Стоит теперь в нем мерзость запустения.

Блаженная Ксения Степановна, жившая также в то время в монастыре, говорят, пришла после этого ночью на место закладки и там... поневежничала.

Сама матушка познакомилась с семьей Чичаговых в Москве, в 1921 году. Особенно она сблизилась со второй дочерью митрополита Натальей Леонидовной.

Наталья Леонидовна, как и старшая сестра, стремилась к монашеству, но из-за смерти матери должна была остаться с отцом и заняться воспитанием младших сестер. В молодости была она красавицей: высокого роста, стройная, изящная. Она всегда мечтала только о Дивееве, но обстоятельства сложились так, что поступить туда она никак не смогла, а поступила и была фактически казначеей нового монастыря, основанного по благословению о. Алексия, Зосимовского старца, в Риге сестрами монахинями

Сергиея и Иоанной Мансуровыми. Было это уже после того, как младшие сестры выросли и вышли замуж. Там она приняла постриг в рясофор и прожила до войны 1914 года. Во время войны монастырь их был эвакуирован в Новгород, и ее послали работать сестрой милосердия в Новгородском епархиальном госпитале. Госпиталь находился в архиерейском доме. В то время в Новгороде правил епархией митр. Арсений, а викарием был епископ Алексей, впоследствии Патриарх.

По окончании гражданской войны они вместе с сестрой Елисаветой Беляевой вернулись в Москву, где находился в то время и митрополит — сначала в заключении, а потом жил на покое. Там они поселились в слободе близ Данилова монастыря. Матушка постоянно у них бывала, от них и в монастырь поступила. Наталья Леонидовна много рассказывала ей, что знала, о монастыре и преподобном. Всегда спокойная, выдержанная, умная, одевалась она очень просто, даже бедно. Жила своим тяжелым трудом, не позволяла себе никакой роскоши, никакой побрякки. Стегала одеяла, как медсестра дежурила у тяжело больных и тем питалась.

После того матушка видела Наталью Леонидовну еще два раза. Первый — когда после разгона Дивеева разрушили часовню, в которой была похоронена ее мать, и она приезжала на могилу, а второй — в 1931 году в Ленинграде. В это время Наталья Леонидовна уже приняла постриг с именем Серафимы. Вскоре после этого она была выслана в Вологду, отбыла там срок, освободилась, собиралась уезжать — и скончалась от приступа астмы в день Благовещения Пресв. Богородицы.

А вот дальнейшая судьба самого митрополита

Серафима. В 1926 году находившимся в то время в Москве архиереям было предложено выбирать для своего места жительства любые монастыри. Митр. Серафим попросился приехать в Дивеево, но м. игуменья Александра ему в этом отказала. Приняла его м. игуменья Арсения в женский монастырь, находившийся в городе Шуе Владимирской области. Позднее, в 1932 году, м. Арсения, отбывавшая вместе с матушкой ссылку в Алма-Ате и жившая с нею в одной комнате восемь месяцев, рассказывала ей, как митрополит читал им вторую часть своей летописи. Мать Арсения дала ему из своих сестер двух послушниц, которые до конца находились с ним.

Из Шуи митр. Сергей вызвал митр. Серафима в Москву и назначил управляющим Ленинградской епархией. Там он поместился в Новодевичьем монастыре. Особенно матушке памятно ее последнее посещение Чичаговых. Тогда она была в Ленинграде проездом в Свирские лагеря, где навещала одного священника. Митрополит благословил ее в последний раз. Когда она уходила, он сидел за роялем и играл духовные вещи, — был он прекрасный музыкант, и не только музыкант, но и композитор. Она шла по длинным монастырским коридорам, до нее все доносилась его чудная игра, так и оставшаяся навсегда в памяти...

Через некоторое время по болезни и старости митрополит ушел на покой и поселился на даче под Москвой. Оттуда его вынесли на носилках и поместили в Бутырках. Долго дочери не знали точно дня его смерти. В свое время ему было предсказано о. Иоанном Кронштадтским, что он скончается на Трех Святителей. Об этом всем им было хорошо известно.

И вот одна из дочерей увидела его во сне — одно мгновение. Он явился ей, сказал только четыре слова: „Конечно, на Трех Святителей” — и она проснулась.

*

Старшая дочь митрополита Вера Леонидовна поступила в монастырь по вере в слова блаж. Прасковьи Ивановны. У нее был голос: второй альт, хороший слух. Уже из монастыря она училась в консерватории на регентшу. Управляла хором на Дивеевском подворье в Петергофе, потом — правым хором в монастыре. Она была очень талантлива и при ней прекрасно пели. Собой она была очень хороша: высокая, стройная, прямо красавица.

Но шестнадцатилетняя светская барышня к монастырю была совершенно не подготовлена. Всю жизнь прожить в монастыре нелегко. Она имела хорошую келью, особую послушницу. Была всем обеспечена. Но ей этого казалось мало. Послушница ей не нравилась, просила м. игумению переменить, та не соглашалась. Просила дать ей отдельный, стоявший незанятым, корпус. Ей казалось, ее требование законно, отец столько сделал для монастыря. Весь доход от продажи летописи он отдал в монастырь. Но ей было в этом отказано. Духовной поддержки у нее не было, и искала ли она ее тогда? Она подружилась с одной жившей возле монастыря благодетельницей. Та приучила ее пить. Она стала пить запоем.

У ее отца отношения с м. игуменией были уже в это время испорчены, и она не находила в ней никакой поддержки. С горя она надумала ехать лечиться

от пьянства в какой-то специальный санаторий и там встретила со своим будущим мужем офицером Ковригиным, вышла за него замуж и в монастырь больше не вернулась.

Для митрополита это был страшный удар, всю жизнь он не мог ей этого простить и едва простил уже перед самой смертью. Ведь о том, что у него дочь в Дивееве, известно было даже государю. А известила она его о своем замужестве очень просто: прислала телеграмму и подписалась — „Вера и Гриша”.

Вскоре у нее родился сын. Муж был пьяница, страшно обижал ее, даже бил. С отцом отношения были порваны. Началась война 1914 года. Муж был убит на войне. Вслед за войной революция, 1917 год. Она осталась с маленьким ребенком на руках без всяких средств. По старой памяти она приехала в Нижегородскую губернию и поступила регентшей в село Хрипуново, Арбатовского уезда, неподалеку от Дивеева. У нее ничего не было. Приехала было в монастырь к своей бывшей послушнице; та поила ее чаем из ее собственной посуды, она видела все свои вещи, но та ничего ей не отдала. Так получила она какой-то шкафчик из часовни над могилой своей матери и с тем уехала.

С горя она начала еще больше пить и даже курить. Управлять деревенским хором было очень трудно, но деваться было некуда. Так прожила она по деревням несколько лет, затем переехала в заводской поселок Кулибаки, оттуда в Муром. Сын вырос, женился. У них родилось двое детей. Вера Леонидовна жила вместе с ними, и еще с нею жила привязанная к ней монашенка Катя, которая не оставляла ее до смерти.

В это время многих монашествующих сажали в тюрьму, и Вера Леонидовна увидела сон: за столом сидят сестры, а Царица Небесная показывает, кого из них брать в тюрьму.

Началась война 1941 года. Сына взяли на фронт и там убили. Некоторое время она еще продолжала жить со снохой и внуками. Однажды она заболела. Во время болезни открыла глаза и увидела: возле ее кровати стоит первоначальница монахиня Александра*.

Потом увидела еще сон. Слышит — в монастыре, в соборе прекрасное пение. Она хочет туда войти, но ей отвечают, что впускают туда одних монахинь. После этого она стала думать о принятии пострига.

Война кончилась, и невестка ее надумала выйти замуж. Вера Леонидовна оказалась лишняя. Ей пришлось переселиться вместе с Катей в крохотную неудобную комнату, где она прожила до смерти и там же и скончалась.

За несколько лет до смерти она подала патриарху Алексию прошение о принятии пострига и подписалась: Чичагова. Патр. Алексей прекрасно знал их семью с молодости. Когда митр. Серафим управлял Ленинградской епархией, он был у него викарием, а после занял его место. Он сначала ей отказал и поставил на вид, почему она подписалась не своей настоящей фамилией, а девичьей, а фактически он не давал ей разрешения на постриг до тех пор, пока она не бросит курить. Все-таки она бросила и была пострижена архиепископом Онисимом в Муроме с именем Вероники.

* Мать Александра — основательница Дивеевского монастыря.

Вскоре она слегла совсем и года полтора лежала в постели в тяжелых условиях, имея нужду буквально во всем. Дивеевские сестры как могли ей помогали. Она сама зарабатывала немного: переписывала акафисты.

Перед самой смертью она усердно молилась о даровании ей слез, что и получила очень быстро и умерла в истинном покаянии. Похоронили ее под праздник св. Троицы на самую поминовенную.

Третья дочь Екатерина Леонидовна была замужем за каким-то ученым и жила при Историческом музее. Матушка вспоминает, что в 20-х годах, бывало, митрополит посидит у Натальи Леонидовны и всегда говорит: „Теперь пойду к Кате”. Умерла она уже после войны 1941 года. Видимо, под влиянием неверующего мужа и Екатерина Леонидовна потеряла веру и после смерти была кремирована. Сестры ее очень тяжело это переживали.

Четвертую сестру, Леониду Леонидовну, матушка знала мало. Видела ее в Даниловской слободе в 23-м году, куда она приезжала в трауре с двумя маленькими девочками. При жизни отца она была от него дальше всех (ближе всех к отцу была Наталья Леонидовна). Жили они где-то возле Новодевичьего монастыря. Девочки выросли, она стала иметь возможность больше общаться с духовными лицами, поступила в монастырь в Пюхтицах и там приняла постриг с именем Серафимы. Про нее острили: была Леонида Леонидовна, а стала Серафима Серафимовна. Была она с чудачествами. Приезжала в Москву в полном монашеском одеянии и так ходила по городу. Дочери отказывались принимать ее к

себе в таком виде, принимала только одна ее приятельница.

Однажды матушка стояла на службе в Загорской Академии. Вдруг входит монахиня в рыске и камиллавке, матушка сразу догадалась, что это она. Она была похожа на старших сестер, только меньше ростом и менее красива. Стали подходить к Евангелию. Монахи шли, сняв на плечо камиллавки, как то им положено, и она прошествовала за ними следом с камиллавкой на плече. Она вообще, очевидно, чудила.

Рассказывали, что место игумении в Пюхтицах было вакантное. Патриарху подали список возможных кандидаток на это место, в том числе и ее. Патриарх Алексей написал: „Мать Серафиму Резен (ее фамилия по мужу) выбирать не резон”.

Скончалась она и похоронена в Пюхтицах.

О ЕПИСКОПЕ ЛАВРЕНТИИ (КНЯЗЕВЕ)

Епископ Лаврентий (Евгений Иванович Князев) родился в Кашире. Происходил он из духовного звания. По окончании Духовной академии был ректором духовных семинарий сначала в Новгороде, а затем в Вильне, в то самое время, когда св. патриарх Тихон был там архиепископом. Отличался особенной скромностью и тихостью нрава, состоял в духовном общении с оптинскими старцами, которые высоко его ставили. Был делателем молитвы Иисусовой. Оптинские старцы направляли к нему для руководства в духовной жизни. Так о. Анатолий направил к нему и мать рассказчицы. Владыка благословил ее большим медным крестом, который она потом носила на себе до самой смерти.

В феврале 1917 года последним царским указом /архимандрит Лаврентий/ был хиротонисан в Москве св. патриархом Тихоном во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. В Нижнем Новгороде поместился в Печерском монастыре. Часто служил, особенно любил служить акафисты, читать молитву Царице Небесной „Царице моя Преблагая“ у афонского образа Скоропослушницы. Всегда говорил проповеди после литургии и благословлял весь народ.

Три последние свои проповеди он оканчивал одними и теми же словами: „Возлюбленные братья и сестры, мы переживаем совсем особое время, всем нам предстоит исповедничество, а некоторым и мученичество“.

В доме у матушки, где часто бывал, говорил о том, что ему предсказана мученическая кончина. Рассказывали, что еще во время пребывания в Вильне он отдал в женский монастырь привести в порядок свой клубук. Монахиня, занимавшаяся этим, все вычистила, выгладила наметку, надела ее на камилавку и подошла к зеркалу взглянуть, правильно ли сидит. Подняла клубук над головой, чтобы надеть на себя, и вдруг упала без чувств. Она увидела над клубуком огненный венец.

Пробыл владыка в Горьком год и семь месяцев и фактически все время управлял епархией, потому что правящий архиерей архиепископ Иоаким в 1917 году почти сразу был вызван на собор. Оттуда он больше не вернулся, а уехал к своим детям в Крым, где у них было имение, и там был повешен бандитами.

В конце 1918 года пришли в архиерейский дом искать архиепископа Иоакима и, не найдя его,

спросили: „Где еще есть архиереи?” Им ответили: „В Печорах”. Поехали туда и взяли владыку Лаврентия.

Владыка просидел два месяца, сначала в Новом остроге, потом в Старом. Тогда еще в тюрьмах были открыты домовые церкви. Туда приносили владыке архиерейское облачение, и в праздники он там служил.

В камерах сидело много народу, коек не было, и все спали на полу, но у владыки была кровать, и у заключенных было такое поверие, которое точно исполнялось, что кто полежит на владыкиной кровати, того отпускают домой. Многие нарочно сами просились отдохнуть на его койке.

Матушка и ее родные носили ему ежедневные передачи. Давали и свидания. Владыка высылал записки, белье, пустую посуду. Один раз выслал совершенно изношенные четки с просьбой заменить их новыми. Эти четки отдали о. Варнавию (в будущем — епископу). Он взял их и сказал: „Трудовые четки”.

Накануне праздника Божией Матери Скорбящей 21 октября днем владыку вызвали в ЧК. Владыка шел пешком через весь город, сопровождаемый одним солдатиком с винтовкой. По дороге люди подходили к нему под благословение, а следовавшие сзади видели, как владыка часто вынимал носовой платок, видно, плакал. Проходя мимо церкви, он остановился. Там был Престольный праздник, шла всенощная. Некоторые молящиеся выходили, и владыка их благословлял.

До тех пор допросов почти не было. А тут поставили ему в вину воззвание к народу, написанное на собиравшемся летом съезде духовенства, в котором

приведены были слова апостола Павла: „Облекитесь во вся оружия Божия”. Его подпись была под ним как председателя съезда. Заместителем подписался протоиерей Алексей Порфирьев, настоятель собора. Их призвали вместе. Отец Алексей был призван после владыки, и до тех пор его ни разу не вызывали на допрос; в этот день у него было особенно радостное настроение, и когда его вызвали, прощался у себя в камере со всеми с уверенностью, что идет на свободу.

По предъявлении обвинения им вынесли приговор — расстрел. Впрочем, предложили им помилование, в случае, если они снимут сан. Но они не согласились. Тогда им объявили окончательный приговор.

У владыки были с собою св. Дары. Он причастился сам и причастил о. Алексея. Владыка был спокоен и радостен, о. Алексей плакал. Владыка его уговаривал: „Почему же вы плачете, нам надо радоваться; а я готов!” Отец Алексей ответил, что ему жалко семью. После дочь о. Алексея говорила матушке, что она никогда не видела отца плачущим.

Повели их в сад и поставили на краю свежерытой могилы. Владыка воздел руки и пламенно молился, а о. Алексей стоял с опущенной головой, с руками, сложенными на груди, с молитвой мытаря „Боже, милостив буди мне грешному”. Русские солдаты отказались стрелять. Они слышали пение „Херувимской”. Призвали латышей, и они привели приговор в исполнение.

Находившиеся неподалеку мать рассказчицы с еще некоторыми часов в одиннадцать вечера слышали в саду выстрелы. Затем в доме потушили огни и вышли пьяные латыши. А следователь, ведший дело, в ту же ночь, по просьбе владыки пришел к близким

к владыке людям, принес его вещи, все о нем рассказал, а сам бросил все и уехал на родину в Латвию. Он говорил, что не было никакого состава преступления.

Владыка Лаврентий был высокого роста блондин с голубыми глазами, несколько сутуловатый. Голос у него был тихий, движения все не быстрые. О внешности он мало заботился. Скончался он сорока двух лет. Из родных у него осталась только одна вдова-мать.

Через некоторое время одна женщина, хорошо знавшая владыку, идя к ранней обедне, проходила мимо ЧК и увидела, что из ворот вывезли два тела. Она осмелилась спросить: кто это? Ей ответили: это тела епископа и священника. „Куда вы их везете?“ Они ответили: „На Мочальный остров и оттуда велено сбросить их в Волгу“.

Дочка о. Алексея говорила матушке, что отец ее никогда не служил обедню, чтобы, готовясь, не прочитать акафист Царице Небесной „Всех скорбящих радости“. В Ее день он и скончался.

ВОСПОМИНАНИЯ

Перед самой революцией я занимал на государственной службе видное место в одной из центральных губерний, и когда произошел октябрьский переворот, я сохранил свой пост. Работая всецело в интересах и на пользу народа, я получил от центральной советской власти, оценившей мою успешную деятельность, довольно крупную денежную награду... Казалось бы, все обстоит благополучно. Но в смутные времена — беда иметь личных врагов. Им легче всего в такие периоды сводить личные счета и, увлекаясь идеей „святой мести”, даже уничтожать ненавидимых ими лиц. Это я испытал на себе.

Один подчиненный мне человек, которому я сделал добро, оказался недостойным моего доверия, и потому вынужден был покинуть службу во вверенном мне учреждении. Что соответствовало желанию его сослуживцев. В момент свержения власти Временного правительства этот человек неожиданно получил влиятельное в политическом отношении положение в губернии, а именно — он сделался помощником председателя военно-революционного комитета, лица, тоже невзлюбившего меня, так как я неумышленно задел его самолюбие. Власть этих людей была дискреционной. В результате этого, несмотря на всю мою лояльность, я неожиданно был арестован и заключен в тюрьму.

Через двое суток, однако, я был освобожден, так

как все служащие единогласно засвидетельствовали мою полную непричастность к каким бы то ни было антиправительственным действиям.

Вскоре после этого председатель военно-революционного комитета нашей губернии уехал по вызову Ленина в Москву, и на всей воле остался мой враг. Он приходился зятем моему помощнику, весьма недурному человеку, прекрасному работнику, но очень болезненному. По его просьбе я и принял его зятя к себе на службу. Однако, когда этот молодой человек начал манкировать службой, выступая на митингах и общих собраниях служащих, возбуждая против меня моих подчиненных, и вообще ведя себя недостойно, помощник мой, возмущенный образом действий своего зятя, просил его от него уехать (они жили в одном доме). Тот уехал, но затаил против своего родственника злобу. И вот теперь я, мой помощник и двое наиболее способных моих подчиненных, неоднократно с большим успехом выступавших против моего врага на общих собраниях служащих, были арестованы и заключены в тюрьму в одиночные камеры. Я и двое моих подчиненных хорошо переносили тюремный режим и одиночное заключение; помощник же, страдавший катарром желудка и имевший, кажется, даже язву желудка, совершенно не выносил тюремного режима и питания, стал плохо спать, лишился аппетита и сильно ослабел. Когда через десять дней нам дали свидание с нашими семьями, и я увидел своего помощника, то испугался, так он изменился, похудел и пожелтел. Жена же его и сын были очень огорчены и обеспокоены. Сын его — воспитанник 8-го класса гимназии, талантливый юноша, прекрасный музыкант, писавший недурно стихи, очень любил своего

отца и в свободное от занятий время не разлучался с ним. Он очень взволновался и решил действовать сам. Взяв из письменного стола отца казенный револьвер, он отправился к своему дяде и обратился к нему с просьбой выпустить из заключения отца, указав на состояние его здоровья. Но тот, приняв очень недружелюбно своего племянника, сказал: „Я уничтожу... (назвал фамилию) и твоего отца”. Тогда возмущенный юноша пришел в страшное возбуждение и стал стрелять в своего дядю, метавшегося по комнате. Он дал четыре выстрела и двумя из них опасно ранил дядю. Вслед за тем явился сам к судебному следователю, хорошему знакомому своих родителей, рассказал о происшедшем и просил арестовать его. Следователь заключил юношу в тюрьму и приступил к производству следствия.

Опасно раненому подали первую медицинскую помощь, признав положение его весьма серьезным. Его родственники из одного крупного южного города увезли его туда, с целью спасти ему жизнь и вылечить его.

Кто-то неосторожному дал моему помощнику в камеру вместе с книгами вышедшую на другой день местную газету, в которой было описано вышеизложенное событие. Легко можно себе представить, какое впечатление произвело на этого больного, нервного и слабого духом человека, описание преступления, совершенного его любимым сыном, на которого он возлагал так много надежд. Он плакал и рыдал, лишился сна и перестал есть. Об этом я узнал от зашедшего ко мне начальника тюрьмы. Я просил начальника немедленно перевести ко мне в камеру моего помощника. Это было сделано. Здесь я окружил его вниманием и заботою и с Бо-

жией помощью мне удалось его несколько успокоить и убедить возложить все надежды на Бога. Он пробыл в моей камере до самого нашего освобождения.

Покушение родного племянника на жизнь дяди, видного представителя местной советской власти, произвело на всех громадное впечатление. Моего врага в городе не любили и все решительно жалели юношу, находя, что любовь и жалость к отцу и возмущение циничным ответом дяди вызвали его на преступление. Один из присяжных поверенных внес по собственному почину судебному следователю залог в 10.000 рублей за него, и юношу освободили. Он мог в том же году с успехом окончить курс гимназии.

Между тем, все начальники отдельных частей административных и судебных учреждений объявили лицу, стоявшему во главе губернской советской власти, что если я не буду немедленно освобожден из заключения, то все должностные лица города и губернии забастуют. В результате все мы были выпущены из тюрьмы, просидев в одиночном заключении две недели.

Приблизительно около этого времени от губернской советской власти были вывешены объявления, предупреждавшие жителей, что если лица, имеющие какое-либо оружие, не сдадут его властям в назначенный срок, и у них оно будет найдено, то они будут расстреляны.

У меня в доме никогда не было ни холодного, ни огнестрельного оружия.

В большом сарае, бывшем при казенной квартире, которую я занимал, хранились вещи прокурора местного окружного суда. После октябрьского пе-

реворота он уехал из города и просил меня разрешить оставить в моем сарае свою мебель и некоторые вещи. Вскоре после его отъезда ко мне на двор пришла какая-то комиссия. Предъявив экзекутору мандат, они увезли на грузовике всю мебель прокурора и вскрыли все чемоданы, корзинки и баулы, принадлежащие ему. Не найдя в них ничего, кроме белья, одежды и посуды, они оставили их на месте и удалились.

Вскоре после моего освобождения от вторичного ареста опять прибыла какая-то новая комиссия, предъявившая экзекутору мандат на право произвести обыск в сарае. При осмотре одного из чемоданов, принадлежавших бывшему прокурору, комиссия обнаружила небольшой револьвер какой-то неведомой мне итальянской системы и приступила к составлению протокола, в котором было обозначено, что в вещах, находящихся в помещении, принадлежащем к квартире управляющего таким-то учреждением, найдено такое-то огнестрельное оружие. Экзекутору было предложено подписаться под этим протоколом и, следовательно, удостоверить все в нем изложенное. Экзекутор глубоко возмутился. Он отлично понимал, что, так как срок представления оружия давно истек, то составленный протокол даст полное основание к моему уничтожению на „законном основании”. Экзекутор наотрез отказался подписать протокол, заявив, что еще месяца не прошло, как приезжала специальная комиссия осматривать вещи, хранящиеся в сарае, причем она прекрасно знала, что они принадлежат не управляющему учреждением, а уехавшему в другой город прокурору, и тогда в чемодане, при нем осмотренном, никакого револьвера не было. В противном

случае лица, отобравшие мебель для клуба, не преминули бы взять револьвер и представить его куда следует, составив об этом акт. Экзекутор предлагал все это изложить в протоколе, соглашаясь тогда его подписать. Но так как такая приписка лишала протокол всякого смысла, прибывшая комиссия на это не согласилась и уехала.

Таким образом, благодаря высокой порядочности, находчивости и смелости экзекутора мне была спасена жизнь. Несколько же лиц, у которых было найдено оружие, были расстреляны.

Вслед за этим главный представитель власти, так невзлюбивший меня, получил ответственную командировку куда-то на юг, и я в течение восьми месяцев управлял вверенным мне учреждением без всяких неприятностей и осложнений, пользуясь, должен при всей скромности это сказать, любовью и уважением сослуживцев.

14 августа 1918 года, когда я шел ко всеобщей под наступающий великий праздник, неожиданно встретился лицом к лицу с моим врагом (зятем моего помощника). Я едва его узнал: бледный, изможденный, он едва брел, опираясь на палку. Я, конечно, догадался, что он, почувствовав себя способным передвигаться, поспешил приехать, чтобы свести со мной счеты, о чем я сказал жене, которая шла со мной, прибавив, что сегодня вечером я буду арестован. В этом я утвердился и потому еще, что другой мой недоброжелатель, обладавший громадной властью, незадолго перед этим возвратился из своей длительной командировки на юг и вступил в исполнение своих обязанностей.

За два дня перед этим мой помощник, придя ко мне, заявил, что опасается за судьбу своего сына, де-

ло о котором поступило в суд из следственной комиссии, но что оно может быть легко направлено для разрешения в административном порядке, так как покушению на убийство, совершенному его сыном, могут придать политическую окраску. (В это время уже начали функционировать чрезвычайные комиссии.) Поэтому он решил бросить службу и немедленно скрыться с сыном на Украину, но у него нет денег. Он просил меня снабдить его заимообразно довольно крупной для моих ресурсов суммой денег. Я отдал ему все бывшие у меня деньги. Долга этого я, конечно, не получил. Гораздо позднее я узнал, что мой помощник скончался в Киеве. Вспоминая внезапный отъезд моего помощника, я теперь понимаю, что он либо встретил раньше меня своего зятя, либо был предупрежден об этом каким-нибудь доброжелателем.

Вместо всенощной я отправился к своему секретарю, чтобы сделать ряд служебных распоряжений, ввиду предстоящего моего заключения, а также урегулировать вопрос о выдаче 20 августа моей жене моей зарплаты.

Я не ошибся: дома меня уже ожидали чины милиции, я был немедленно арестован и препровожден в дом заключения, где был помещен в одиночную камеру. Дело мое рассматривалось в административном порядке в Губчека, и по ходу его было видно, что оно будет решено не в мою пользу, и что меня ожидает печальная участь. Наконец, моей жене было прямо сообщено одним, расположенным к ней и очень жалевшим ее лицом, занимавшим видное служебное положение, что спасти меня нельзя. Через несколько дней после этого означенное лицо спешно пригласило к себе мою жену и сообщило ей, что в

город на короткое время от поезда до поезда приехал народный комиссар по финансовым делам Крестинский с серьезным поручением по партийному делу и что, если ей удастся увидеть и переговорить с ним, то единственно кто может спасти меня — это он, мой прямой начальник. Жена моя немедленно отправилась в лучшую гостиницу города и застала народного комиссара, спускавшегося с лестницы, чтобы ехать на вокзал для следования в Москву. Узнав, в чем дело, он вернулся в номер, очень участливо отнесся к моей жене и сказал, что с ним приехал видный партийный работник Квиринг, который останется в городе, чтобы исполнить возложенное на него ревизионное поручение, и что он поручит ему по партийной линии лично рассмотреть мое дело. К этому Крестинский прибавил, что Квиринг окончил курс юридического факультета Юрьевского университета, что он справедливый, гуманный и прямой человек, но в то же время сторонник строгой революционной законности, почему, если по обстоятельствам дела окажется, что я виновен в каких-нибудь контрреволюционных деяниях, то он не остановится перед тем, чтобы подвергнуть меня самой печальной участи. В заключение народный комиссар финансов сказал жене, что, если дело решится в мою пользу, он переведет меня в другой губернский город на ту же должность.

Я пробыл в одиночном заключении больше месяца. Дело мое, наконец, было рассмотрено Губчека под личным наблюдением Квиринга. Никаких данных к моему обвинению не оказалось, и я был освобожден.

Вскоре я получил из народного комиссариата финансов предложение перейти в одну из соседних

в Ленинградской губернии, но отказался от назначения туда. Затем последовала реформа губернских учреждений, должность, которую я занимал, упразднили, и я переменил службу. Ввиду голодного времени я поступил на службу в местный эвакуационный пункт, где давался прекрасный военный паек. Меня назначили помощником начальника отделения санитарного управления армией южного фронта, но так как управление вскоре перевели в Харьков, то я оставил эту службу и перешел в Государственный контроль, заняв место помощника ревизора. Своею деятельностью я был доволен и преуспевал на службе, но все пережитое оставило глубокий след в моей душе. Для меня было совершенно ясно, что мне два раза была спасена жизнь. Невольно возникал у меня вопрос — для чего мне была оказана свыше милость? Неужели для того только, чтобы я мог служить, получая хорошие пайки, чтобы есть, и ел бы, чтобы служить? В моей голове совершенно не укладывалась мысль, что со мной ничего особенного не случилось, тем более, что во время моего пребывания в одиночном заключении у меня были такие переживания, такие озарения, которые совершенно изменили мою настроенность и заставили на многие вопросы, в том числе на вопросы о цели и смысле жизни, смотреть более глубоко, чем я делал это прежде. Вне всякого сомнения в моей душе произошел большой сдвиг и переворот, и я стал ближе к Богу. В одиночном заключении я познал сладость молитвы, которая одна могла дать мне утешение, тем более, что одновременно с моими злоключениями я переживал и большую семейную драму. Моя жизнь со дня окончания курса университета сложилась для меня во всех отношениях чрезвычайно

удачно, и вдруг на меня посыпались одна за другой беды, и какие беды! Я смирился и предал свою жизнь Богу, нередко вспоминая Иова, но я не был праведником, как он, и в тайниках своей души чувствовал, что заслужил, вполне заслужил ниспосланные мне испытания и что они лишь на пользу моей душе.

Молитва сделалась для меня такою потребностью, так меня утешала, что я все свободное время старался проводить в церкви, посещая Крестовую церковь местного епископа. Там была прекрасно поставлена служба: она была строго уставная. Монахи пели весьма недурно с канонархом. Любя с детства церковную службу, я там вполне оценил глубокое содержание нашего общественного богослужения, его смысл, и понял всю его красоту.

Епархиальный епископ, понимая мои переживания, предложил мне стать ближе к церкви. Еще раннее, когда я занимал видное служебное и общественное положение, он посвятил меня в благовестники, чтобы я мог проповедовать под его наблюдением и руководством в храме. Теперь он предложил мне занять место члена от мирян в епархиальном совете. Я был назначен на должность члена совета властью св. патриарха. Мне было определено епископом довольно приличное по тому времени содержание и отведена в нижнем этаже архиерейского дома недурная квартира из двух комнат. Это дало мне возможность бывать уже каждый день в церкви. Архиерейский дом находился за городом в упраздненном монастыре, и таким образом я показывался в городе лишь тогда, когда нужно было что-нибудь приобрести из съестных припасов. Своею жизнью я был доволен, и только благодарил Бога. Она мало чем отличалась от монастырской.

Однажды в конце августа 1918 года, когда я пришел наверх для служебных занятий, один из членов епархиального совета от духовенства (ныне умерший), дочь которого служила в канцелярии военно-революционного трибунала, со слов ее передал мне под величайшим секретом, что она прочитала бумагу от имени военного трибунала в Губчека о том, чтобы дело об обвинении меня в подстрекательстве сына моего помощника убить его дядю, бывшего осенью 1917 года помощником председателя военно-революционного Комитета, решенное в мою пользу в административном порядке, было немедленно препровождено в трибунал. Время было беспокойное: с востока наступал Колчак; с юга — Деникин, с запада — бело-поляки, с севера — Юденич. Наш город находился в центре республики и легко мог стать ареной весьма серьезных событий. Поэтому в нем был назначен диктатором мой недоброжелатель, в первые дни революции занимавший место председателя военно-революционного Комитета. Вместе с этим он теперь сделался и председателем военно-революционного трибунала, и в качестве такового затребовал мое дело из Губчека.

Для меня было ясно, что мое дело, окончательно решенное, будет, вопреки всяким законам и установившейся практике, вновь рассматриваться, но уже в судебном порядке, и я стал ожидать ареста, который и состоялся дня через два. За мной пришел агент уголовного розыска на службу и повел меня к начальнику милиции для дальнейшего направления в дом заключения. Начальник милиции, зная, что дело мое решено в мою пользу окончательно, не хотел меня принимать и заявил мне, что здесь кроется какое-то недоразумение, что он перегово-

рит по телефону с военно-революционным трибуналом и немедленно затем меня отпустит. Но через некоторое время смущенный объявил мне, что, к сожалению, распоряжение об аресте сделано трибуналом, и он вынужден привести его в исполнение.

Легко можно себе представить, как все это повлияло на мою измученную жену, когда она, находясь на службе, узнала о моей участи. Дело было ясно: не удалось уничтожить меня в „Губчека” в порядке непосредственной расправы, решено достигнуть этого в судебном... Я снова подвергся одиночному заключению. Вскоре меня позвали к следователю военного трибунала, который меня не допрашивал, но с моих слов составил анкету. Затем расследование велось им путем собирания обо мне сведений и допроса бывших моих подчиненных, я же ни разу не был допрошен.

Следователь произвел на меня впечатление человека очень решительного, с железной волей, но видно все мое обвинение было построено на песке, так как и он не нашел никаких данных к привлечению меня к судебной ответственности. Моя жена была так от всего ею перенесенного измучена, что даже этот суровый человек ее пожалел и, встретив на улице, сообщил, что он сделал распоряжение об освобождении меня из заключения. „Сегодня, — прибавил он, — в три часа ваш муж будет выпущен”.

На посуде, в которой жена прислала мне обед, она написала карандашом: „Сегодня в три часа ты будешь освобожден”. Ровно в три часа, когда я вкушал присланную мне пищу, вдруг, в коридоре раздался громкий женский голос, назвавший мою фамилию и прибавивший: „Вниз, с вещами”. Одновременно надзиратель отомкнул дверь моей камеры.

Уверенный, что я освобождаюсь, я крикнул в дверь: „Сейчас, кончаю обед, тогда уже пойду на свободу”. — „Вот увидишь, какая тебе будет свобода! Иди сейчас, когда тебя требуют... (следовала нецензурная брань); что тебя дожидаться, что ли прикажешь?”, и в двери показалась в форменной тужурке с синим шнурком, на котором висел револьвер, мощная фигура женщины лет сорока со свирепым лицом. Конвоируемый ею я, неся свои вещи, проследовал в канцелярию. Здесь я застал несколько человек в форменных военных тужурках, затянутых ременными поясами, в фуражках, и бледного начальника тюрьмы, который от волнения ничего не мог говорить, а молча протянул мне бумагу, адресованную на его имя из Губчека, только что доставленную ему указанными лицами, там служившими. В ней предписывалось немедленно перевести меня в тюрьму при Губчека, которая была рядом, и оттуда-то за мной и была прислана надзирательница.

Прочитав эту бумагу, я понял, что перевожусь в разряд смертников и ночью буду расстрелян. (Я не знал, что в предшествующую ночь было расстреляно в целях наведения террора, в виду приближения конного белогвардейского отряда Мамонтова, 250 человек заложников.) Сам не знаю зачем, я спросил начальника тюрьмы: „Что, это значит расстрел?” — „Вы — не ребенок, и отлично должны понимать, что это означает”, — подтвердил он. Тогда я, при всех присутствовавших, снял шапку, положил на себя крестное знамение и громко сказал: „Господи, да будет Твоя святая воля”. Вслед за тем меня повели в новое для меня помещение.

Когда меня ввели в камеру, я застал в ней много знакомых, начиная с прокурора местного окружно-

го суда и кончая несколькими присяжными поверенными и домовладельцами, приветствовавшими меня восклицаниями: „Ну, теперь, — сказал один из них, — выберите себе постель: вот эта свободна, здесь вчера лежал ваш секретарь, который сегодня ночью расстрелян, или вот хотите, ложитесь сюда, на этой постели спал начальник отделения вашего учреждения, который тоже сегодня расстрелян”. — „Что Вы говорите!” — воскликнул я в ужасе. — „Разве Вы ничего не слышали? Ночью расстреляно 250 человек. Сегодня ты, а завтра я”, — прибавил он, своеобразно меня ободряя. „Кончилась жизнь, а началось житие — житие смертника”, перефразируя слова протоиерея Туберозова из „Соборян” Лескова, скажу я. Не дай Бог никому испытать то, что все мы переживали, ожидая своей участи. В сочинении В. Гюго „Последний день осужденного” дается об этом довольно ясное представление. Но я был в гораздо более бодром состоянии духа, а не в таком подавленном настроении, как мои сожители, так как, когда я еще находился в канцелярии и всецело предал себя воле Божией, мой мозг ярко прорезала мысль: „Будь покоен: ты расстрелян не будешь”. Эта мысль меня не оставляла. Какая-то вера в помощь Божию меня ни на минуту не покидала, и доверие к Богу, моему Защитнику и Покровителю у меня росло.

Кормили нас отвратительно, и обращение надзирателей с нами было невозможное.

Наступила ночь, и к изумлению нас никого не тревожили, а утром нам было объявлено, что небольшую часть заключенных, в том числе и меня, отправят в Москву, а остальных заложников и заключенных поведут в ближайший уездный город, так

как экстренно назначена эвакуация губернского города, ввиду быстрого приближения белогвардейского конного отряда Мамонтова. Вдали действительно раздавались все более громко пушечные выстрелы. В тюрьме происходила какая-то невозможная суета, слышались громкие распоряжения, командные слова, беготня и топот спускавшихся спешно по лестнице людей. Атмосфера была какая-то нервная, напряженная... Наконец, отворилась дверь, и всех отправляемых в Москву вывели на двор, где подвергли перекличке и, окружив конвоем, повели через широко открытые ворота на вокзал. У ворот я увидел жену. На лице ее застыл ужас, когда я стал проходить мимо нее, окруженный конвоем; никого к нам близко не подпускали. Жена думала, что нас ведут на расстрел. Я успел шепнуть ей, что нас везут в Москву и, как ни отгоняли ее прикладами конвойные, она успела передать мне на ходу посуду, в которой был мой обед, очень пригодившийся мне в пути.

Когда нас привели на вокзал, оказалось, что поезд, составленный исключительно из товарных вагонов, стоит на запасном пути очень далеко от вокзала. Сюда через час пришла измученная моя жена, с трудом найдя наш поезд, так как давали неверные сведения. Она успела сходить домой за деньгами. Мы трогательно простились, несмотря на то, что конвойные этому всячески препятствовали. Жена передала мне небольшую сумму денег, которая пригодилась в дороге не одному мне. Нас отправляли в Москву, всего 37 человек. Все деньги в тюрьме были отобраны, и нам выдали перед отправкой на вокзал по фунту хлеба. С этим „провиантом” мы должны были доехать до Москвы. Между тем

наш поезд прибыл туда через сутки, и на деньги, бывшие в моем распоряжении, мы недурно питались. Я же, кроме того, имел с собою принесенный мне обед.

По приезде в Москву выяснилось, что все мы в качестве заложников будем препровождены в „Ивановский лагерь особого назначения“. Если бы Мамонтов или его подчиненные умертвили по занятым городам хотя бы одного партийного человека, то все мы подлежали бы расстрелу.

Вот каким образом мне в третий раз в течение года была спасена жизнь.

Впоследствии я узнал, при каких интересных обстоятельствах я был избавлен от смерти во время террора перед наступлением Мамонтова. Оказалось, что, когда следователь при военно-революционном трибунале сделал постановление о моем освобождении, диктатор, желавший моего уничтожения, положил резолюцию: „Обратить в заложника“. В качестве заложника я и подлежал ликвидации в числе 250 человек на общем основании. Но машинистка, составлявшая список обреченных, по ошибке пропустила мою фамилию. Мне передавали, что комендант Губчека, приводивший в исполнение массовую казнь, заметил, что меня в списке и в числе подлежащих уничтожению нет, задержал вывод смертников со двора и по телефону потребовал от начальника тюрьмы, где я находился, меня „дослать“. — „Пришлите мандат“, — был ответ. „Завтра Вам будет мандат“, — телефонировал комендант. „Завтра Вы его и получите“, — ответил начальник тюрьмы. Назавтра был составлен в Губчека дополнительный список на 33 человека, и я стоял в нем на первом месте. Казалось, спасения нет, но вот какие обстоя-

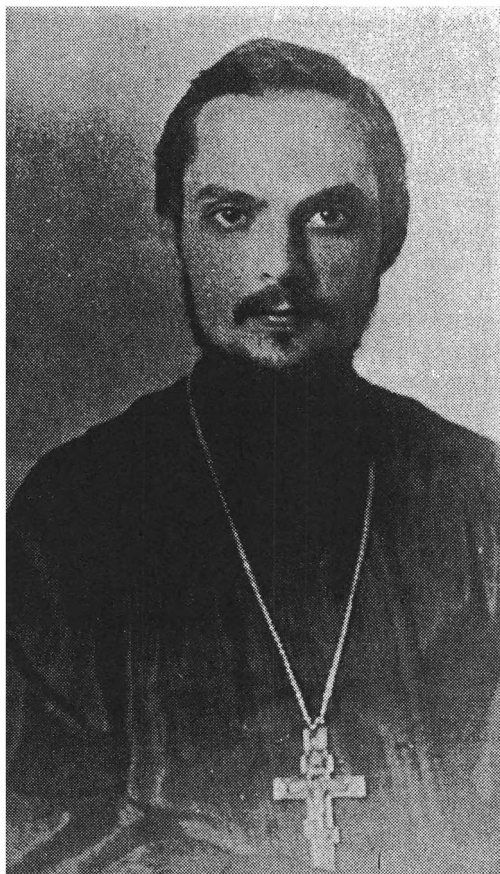
тельства помешали и на этот раз меня уничтожить. Один из партийных людей, с университетским образованием, занимавший видное место по земледелию и землеустройству, сообщил по прямому проводу в Москву В. И. Ленину о расстреле 250 заложников, в числе коих было много пожилых людей, небогатых и ничем с городом не связанных. Это вызвало в населении панику и возмущение. Он сообщил, что изготовлен новый список на 33 человека, подлежащих расстрелу дополнительно. Из Москвы последовало распоряжение: „Расстрелы прекратить, заложников выслать в Москву”.

Но кроме избавления в третий раз от смерти, Господь Бог оказал мне еще другую большую милость: меня с другими лицами везли в Москву в теплушке, хорошо продезинфицированной и очень чистой. Накануне отправляли в тот же Ивановский лагерь другую партию заключенных из соседней камеры. Вагон, в котором они ехали, прицепили к воинскому поезду, поезд шел до Москвы 7 дней. Мы уже давно обосновались в лагере и не могли понять, куда они запропали. Наконец, они прибыли, но в каком ужасном виде! Вагон, в котором они следовали в Москву, не был продезинфицирован, и их в течение семи дней ели вши. Одного из них, моего хорошего знакомого, так искусаки, что потребовалось клиническое лечение. Кроме того прибывшие очень отощали: во все время своего путешествия они получали по 1 фунту хлеба в день и больше ничего... От ужаса этого я был избавлен тоже, дерзаю думать, не случайно.

В концентрационном лагере я был 4 месяца. И 28 февраля 1920 года был неожиданно освобожден. Оказалось, о моем заключении узнал один извест-

ный специалист по постройке мощных паровозов, профессор Л., которого я знал, когда он был еще кадетом. (Я был дружен с его отцом.) Он поручился за мою полную политическую благонадежность, и меня выпустили из заключения, правда, совершенно больным физически, но бодрого духом. Я немедленно устроился на службу и, как только установилась связь с городом, в котором оставалась моя жена, поехал туда в отпуск, чтобы затем перевезти ее и свое несложное имущество в Москву, где мы решили обосноваться.

Дело о покушении на убийство бывшего помощника председателя военно-революционного комитета в конце концов все-таки разбиралось, по счастью, в судебном порядке в городе, где произошла вышеописанная драма, в 1924 году. Обвинялся сын моего бывшего помощника, учившийся в это время в Киевском политехническом институте. Меня хотели вызвать в качестве свидетеля и обвиняемый, и его мать, но болезнь мне помешала выехать для этой цели из Москвы. Приговорили юношу, учтя все смягчающие вину обстоятельства, при которых он совершил покушение на жизнь дяди, к какому-то сравнительно небольшому наказанию. Таким образом, правда восторжествовала.



О. Сергей Мечев после принятия сана

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ СЕРГИИ МЕЧЁВЕ, мученически пострадавшем за Христа

Весна 1941 года. Вижу сон, будто я с М. Н. стою на площадке лестницы, похожей как бывает в школах, белые оштукатуренные стены. Мы ждем Батюшку о. Алексия*, он должен подняться к нам с нижнего этажа. В этом доме живут все Маросейские и Батюшка сегодня всех обходит. Смотрим вниз и видим появляется Батюшка, он поднимается к нам на площадку. М. Н., подводя меня к нему, говорит: „Это ...”. Идем по коридору. Налево первая комната моя, глубокая с белыми штукатуренными стенами,

* Батюшка о. Алексей Мечёв, отец о. Сергия, служил в церкви свят. Николая в Кленниках на Маросейке в Москве. Чрезвычайной духовной силы человек, почитаем доньне (книга о нем: „Алексей Мечев”, ИМКА-Пресс, 1970). После кончины о. Алексея (1923) о. Сергей (1895–1941) стал его преемником и окормлял приход и общину на Маросейке вплоть до своего ареста 24 ноября 1929 г. (первая ссылка в Архангельск, затем в г. Кобников (Вологодск. обл.); позже работал фельдшером около Твери, куда к нему приезжали его духовные дети. Церковь Николы в Кленниках была закрыта и превращена в склад в начале 30-х гг. См. также „Письма неизвестного священника из ссылки своим духовным чадам” в „Надежде”, вып. 6, сс. 235–260, которые приписываются о. Сергию. — Р е д.

окон нет, в глубине у задней стены кровать, перед ней стол, на нем зажженная лампа (кажется, с зеленым абажуром). В комнате полутемно, освещается она лишь этой лампой (а на лестнице был день). Батюшка проходит вглубь, садится на кровать перед столом, лицом к нам, склоняет голову на руку и углубляется в чтение какого-то писания, лежащего перед ним на столе. Потом поднимается, проходит на середину комнаты и благословляет на четыре стороны. Потом подходит ко мне, благословляет меня и говорит мне что-то тяжелое, тяжелое, но неплохое, а как бы через эту тяжесть светлое. Слов не было. Было сказано без слов, как бывает только во сне. Я заплакала. Проснувшись с этим чувством.

Думала: Что же это? Должно быть я лишусь очень дорогого для меня. В это время подходил мой отпуск, и я собиралась ехать на Украину. Собралась уже идти покупать билет.

Мне сказали: „На Украину ехать не следует, о. Сергей хочет, чтобы ты ехала с ним“. Это было для меня полнейшей неожиданностью и великой радостью.

О том, в каком положении был в это время о. Сергей и вся Маросейка, я не знала. Знала только, что положение очень напряженное, тревожное.

Мне велено было ехать на Волгу и искать где-нибудь в деревне подходящий дом, в котором можно было бы сокровенно поселиться на лето о. Сергию.

Чуть ли не на следующий же день я уже ехала в Рыбинск к о. Борису, чтобы оттуда отправиться на поиски. Провела у него день. Это был канун отдания Пасхи. Но на последнюю службу пасхальную о. Борис меня не оставил. Откладывать было нельзя. Отец Борис, помнится, отслужил молебен, благосло-

вил меня, Е. С. проводила на пароход в Тутаев. Должна была искать в его окрестностях. Ранним утром я сошла с парохода. Я была тут впервые, никаких знакомых тут не было, и никаких указаний не имела, куда идти. Пошла в полном смысле слова „куда глаза глядят”, только с одной молитвой и упованием на Промысл Божий.

Весь день бродила из деревни в деревню. Ничего подходящего нигде не находилось. Все дома были на виду, ясно было, что ни в одном из них невозможно жить незамеченно.

В конце концов, в дер. Мишаки, которая, как помнится, вся стояла окруженная лесом, с краю, как-то в стороне и весь в зелени оказался свободный дом. Хозяева не жили в нем. Я его сняла.

Вечером вернулась в Тутаев, села на пароход и на следующее утро была в Рыбинске. Меня встречала Мария Петровна (бабушка). Она сказала мне, что нам надо задержаться, не идти прямо к о. Борису, потому что он сейчас служит литургию. Это было Вознесение.

Подождав некоторое время, мы пришли к нему. Он только что окончил литургию. Вошел к нам еще не разоблаченный. До сих пор стоит передо мною облик о. Бориса: весь — мир, весь — тишина и свет.

Душа моя чувствовала серьезность возложенного на меня дела, и мне очень хотелось исповедаться и причаститься. Отец Борис разрешил. Он исповедовал и причастил меня. Потом я все ему рассказала.

На следующее утро я была уже в Москве в условленном месте на сквере ... площади, меня ждала М. Н., я все ей рассказала. Было дано распоряжение как можно скорее собраться.

На следующий день я уже выезжала из Москвы в Ярославль, чтобы оттуда дальше двинуться пароходом в деревню. Проводить меня пришла Л. З. Когда я, выходя из своей комнаты, в последний раз взглянула на образ Казанской Божией Матери, внутренний голос сказал: „Этого больше не будет”.

Шел тихий дождик. Лиза сказала: „Выезжаем под дождиком — это хорошо” (Дождь означает, кажется, благодать.) А у всех в душе была тревога.

Это было в ночь под 1 июня. В поезде я заняла два места, по двум билетам, но о. Сергей должен был сесть ко мне на пути, в Струнине, от Серг. Алекс. Никитина, у которого он это последнее время жил. Только несколько лет спустя, после выхода из тюрьмы, я узнала, каково было положение о. Сергия в дни нашего отъезда и что он знал о том, что он предан, что его ищут, понимал, что приговорен к смерти.

Даже у нас, у тех, кто это переживал, сгладилась в памяти острота напряженности того времени. Это были сталинские годы. А эти дни были особенно напряженные — последние дни перед объявлением войны.

Мы тогда не знали, какая была напряженность и в партийных кругах, боялись только своего страха по церковной линии. Хотелось спрятать о. Сергия, где бы его никто не знал.

Наше неожиданное появление в глухой деревне встревожило председателя колхоза, и он тотчас же пришел проверить, кто мы, зачем мы приехали сюда. Нашей правде, что мы, утомленные городские люди, приехали в глушь только для отдыха, конечно, не поверили. Мы сейчас же попали под подозре-

ние, под надзор. А поведение наше стало подтверждать, усиливать подозрительное отношение к нам.

Утром и вечером было богослужение. Чтобы не обратить внимание, что на это время мы закрываем окна, нам приходилось весь день держать их закрытыми тюлевыми занавесками и дверь — запертой. Усиливало и подтверждало подозрение и то, что мы мало общались с людьми. Отец Сергей старался не появляться на людях. Если выходил на воздух, то только, когда нет людей, и в уединенное какое-нибудь место.

Сейчас мы уже не помним может быть этого, но в то время всегда видно было людей, вернувшихся из заключения, из лагеря, на них был свой особенный отпечаток. Этот отпечаток был и на о. Сергии.

На первом допросе после ареста я узнала, что слежка за нами была с минуты нашего появления в деревне. Буквально все до мелочей оказалось известным. И слежка эта была совсем не по той линии, по которой мы боялись, а с совершенно неожиданной для нас стороны: нас заподозрили, что мы шпионы.

*

Господь попустил о. Сергию сделать ошибку — он открылся одному епископу во всех своих взглядах по церковному вопросу. Епископ был единомышленный. Но когда его арестовали, он от всего отрекся, а о. Сергия полностью предал.

В то время суды такие были закрытыми в НКВД, но некоторые проводились полуоткрыто. Таким устроили и суд над этим епископом. На нем присутствовали люди, которые лично не были знакомы

с о. Сергием, но знали о нем, и были знакомы с некоторыми его духовными детьми. И они сочли нужным рассказать им о предательстве епископом о. Сергия. Это были родственники одной гражданки, связанной с этим епископом и бывшей также под арестом. После этого суда ее выпустили и дали ей на руки обвинительное заключение, которое собственно было обвинением о. Сергия, а епископ обвинялся лишь за связь с ним. Документ этот был переписан и передан о. Сергию. (Вскоре после этого эту гражданку вызвали в НКВД и отобрали у нее этот документ.)

На суде епископ каялся, говорил, что он хочет быть честным советским гражданином, а прокурор хлопал его по плечу и говорил: „Не огорчайтесь, владыко, вы еще нам пригодитесь”. Вскоре после этого он был выпущен и получил кафедру.

Как только о. Сергий узнал о том, что он предан и что его неминуемо должны арестовать, он уехал из того места, где жил, и около года скитался без прописки. Ему советовали скрыться в Среднюю Азию, но это значило совсем оторваться, оставить своих духовных детей — он не мог этого сделать и жил тайно, то там, то здесь.

*

Свои воспоминания об этом времени я никогда не собиралась писать, считала для себя недопустимым прикасаться к этому. Но в 1955 г. под день отпевания о. Сергия (28 декабря) была заупокойная всенощная по нем. Когда я после нее вышла из храма, на меня нахлынули воспоминания, вся душа моя погрузилась в них. И придя домой, я стала писать

то, что всплывало, писала то, что чувствовала, как чувствовала, как воспринимала.

Утро, рассвет. Поезд подошел к С. Я вышла на площадку. Стояла в дверях над подножкой. Увидела о. Сергия. Он шел в своем черном пальто с черным воротником, в надвинутой на лоб кепке; на плече, наперевес, было две сумки. В нескольких шагах позади него шла Паша.

В вагоне он сразу лег на вторую полку, закрылся так, чтобы не видно было его лица. По-моему, до самого Ярославля он так и ехал.

Не помню, как мы выходили. Это было „Всполье”. Не помню, как переправляли на пристань вещи. Вещей было очень много.

Утро было холодное. Это было 1 июня (1941 г.). На набережной, на высоком берегу над Волгой было ветренно. Узнали, что пароход в Саввинское будет лишь в семь часов вечера. Отец Сергей хотел быть где-нибудь, чтобы его не было видно, дабы не встретить кого-нибудь, кто его знает. Пошли в город. Увидели на афише, что в театре дневной спектакль. Пошли туда: „Там в зале будет темно”.

Стоит у меня в глазах лицо о. Сергия там, в театре, и фигура его в черной суконной толстовке. Потом идем по улице от театра к набережной по бульвару: „По этой улице меня гнали в этап”. Я почувствовала, что очень больно ему это воспоминание. Больно быть на этом месте. Я не знала, как сделать, чтобы прошли эти часы как-то полегче для о. Сергия. Он боялся быть на виду. Решили снова зайти в кино, чтобы спрятаться еще хоть на некоторое время.

Сидим рядом с о. Сергием. Начинается картина. Свистки. Ловят убежавшего преступника в тайге.

Попали! Что мне делать? Чувствую, как ужасно видеть ему это. Мучаюсь, думаю — вот кончится сейчас, перестанут ловить. Но в этом оказалась вся картина. (До последних дней о. Сергей напоминал мне и всем рассказывал, как я его в кино свела на „Парня из тайги“.)

Не помню, что еще мы делали. Должно быть, после кино прямо пошли на пристань.

Дальше помню уже каюту. Мы вдвоем с о. Сергием. Я была впервые с ним. Совсем не умела ухаживать за ним, не знала ни привычек его, ни вкусов. Не знала, как к нему подойти. Неумело, нескладно, помню, кормила его. У него была очень сильная головная боль. Я не знала, что сделать ему, как помочь.

Ночь не помню. Дальше стоит незабываемая картина: рассвет, розовое небо. Шумят, пенятся, бьют волны у борта парохода. Мы подъезжаем к Саввинскому. Стоим внизу в том месте, где кладут трап, — у выхода.

Никогда не забыть этого. Не забыть лица его скорбного и эти пенящиеся волны, и шум их, и розовое небо, и холодное утро.

В Саввинском получилась путаница. С трудом достали мы лошадь. Повезли нас. Но оказалось, что едем мы не туда: и на той, и на этой стороне Волги деревни с одинаковым названием „Мишаки“, и мы попали в Мишаки другие. Наши Мишаки — на той стороне Волги.

Старик-перевозчик на лодке свез нас на ту сторону.

Ушло из памяти все, как тут было. Стоит в глазах опять только картина: мы идем за телегой с вещами. Лес, под ногами лиловые фиалки, и пошел снег. Запомнилось лицо о. Сергия в этот момент, а передать не могу.

Приехали в деревню, в избу. Это был канун Владимирской. Со мной была икона, благословение мамы, — Владимирская. Читали всенощную.

Погода была очень холодная. Изба большая, дров не было. Мы с Ирой ходили в лес за каким-то хворостом...

Чуть ли не на следующий день пришел к нам председатель колхоза познакомиться. Это было естественно. Ничего особенного в этом не было. Но о. Сергей потерял спокойствие: „Нами заинтересовались, оставаться здесь нельзя. Необходимо уехать из этой деревни”.

И вот я уходила каждый день на поиски другой квартиры. Ходила из деревни в деревню, много километров, ища подходящего помещения.

С ночевкой о. Сергей меня не отпускал, поэтому я была связана и могла искать только в окружающих деревнях. Ничего не находилось.

Наконец, в одной деревне я набрела на подходящий домик. Это была отдаленная избушка. Хозяева жили в избе, выходящей на улицу, а эта была через двор, смотрела окнами на Волгу. Совсем отдаленная, чистенькая, уютная.

Вошла, и первое, что увидела, — образ Казанской Божией Матери и святителя Николая. Хозяйка мне тоже понравилась.

Пришла, рассказала о. Сергию. Он захотел, не откладывая, переезжать.

Был проливной дождь, но о. Сергей не хотел

откладывать, и я под проливным дождем повезла вещи.

Отец Сергей остался с А. Он хотел более незаметно прийти в новую деревню, и поэтому я одна перевозила вещи, а они с А. должны были прийти пешком на другой день.

На другой день был канун Троицына дня. Я вымыла пол, устроила все, вытопила печку (тут уж были дрова), украсила все березками. Когда убиралась, на печке нашла иконку медную Феодоровской.

Во второй половине дня, уже перед всенощной, пришли о. Сергей и А. Помнится, понравилось и ему тоже, и он как-то успокоился.

Служили всенощную. Помню, о. Сергей пел седальны после кафизмы на подобны, очень красивые, совсем новые для меня напевы.

Утром служили часы, изобразительные в Троицкую вечерню. Цветов почти не было. Были только желтые бубенчики, и те еще совсем маленькие, на коротких стебельках. Из них я сделала ему букет. Один цветочек из его букета я засушила в Троицы. Помню, что было хорошо на Троицу. Было это 8 июня.

Как жили мы? Читали службы. Ценно это было очень.

Попадало мне без конца. Все я делала нескладно, все плохо. Раздражала его. Ругал меня все время.

Посылал в Рыбинск к ... Для этого надо было встать в 4 ч. утра. Он будил меня, но я каждый раз просыпалась за несколько минут до этого.

На рассвете шла на пристань, километра три. Буквально на каждом дереве пел соловей. Волга — в тумане. Бывало кричишь в тумане, зовешь перевозчика. Холодно очень. Но красота природы, всего это-

го, особенная была. И вот в тумане слышишь звук подходящего парохода, плеск воды.

Изба была квадратная. Посередине русская печь. За печью была часть о. Сергия. Там стояли его кровать и стол. Окошки его выходили на Волгу.

На ночь посередине избы вешалась серая занавеска. Я стелилась на полу. Мне он не позволял вставать рано, а сам вставал. Я бывало лежу на полу с закрытыми глазами, а он ходит мимо меня. Остался у меня сильно в памяти звук его шагов.

Читал он еп. Феофана и еще что-то иностранное. Говорил о старшем брате блудного сына. Рассказывал, как Владимирскую икону Божией Матери принесли в Сретенский монастырь, и все московские общины ходили служить туда. Забыла, чья община пришла с пением пасхального канона. За ними шла Маросейка. И Маросейка запела „Волною морскою” (или „Помощник и Покровитель”). Это рассказывал о. Сергей: „В наше время должно быть сугубое покаяние, а не Пасху петь нам”. Сильно покаянно, осуждая себя, говорил он это. „Вот ведь какой я был-то!” Так не раз говорил он о себе, что „ведь вот я был горячий, я обличал, я считал, что я м о г у обличать. Теперь я не такой!”

Он много раз говорил и мне, и А.: „Если они возьмут меня теперь, то они меня убьют”.

А. просила рассказать ей о сути дела непоминовения м. Сергия. Он обещал, но откладывал. С болью сильной говорил, что это его рана, ему очень тяжело об этом говорить. „Я объясню вам!” Но все откладывал, и чувствовалось, что потому, что это ему очень больно.

В Триоди лежала у меня закладка, на которой нарисован был Маросейский храм. Когда он видел ее, то поворачивал так, чтобы не видно было рисунка, или закрывал его рукой.

Я не понимала этого тогда. Сейчас поняла, что видеть это ему было больно.

Он наблюдал за мной иногда молча, когда я что-нибудь делала.

— Плачет о вас нервная клиника.

Я спорила, говорила, что самое последнее дело поверить тому, что ты — больная, тогда будет хуже и хуже. Но он не соглашался. Или напевал: „У меня такой характер! Ты со мною не шути!”

Или поддразнивал меня: „Отпусти меня, старче, в Рыбинское море” (на всегдашнее мое желание поехать к ...).

„Зачем вам ехать к ...? Вы мне должны говорить все”.

Смотря, как я мучаюсь с русской печкой: „Что легче: чертить или топить печку?”

Попадало мне и за поклоны, что я во время богослужения кладу лишние (что это не соответствует моему внутреннему, т. е. внутри у меня слабее, и что получается как бы показное), и за кашель: „Вам нравится кашлять, поэтому вы и кашляете”. И я все силы прилагала, чтобы сдерживаться. Но он не верил, что я не могу.

Пищу я стряпала лишнюю, она оставалась на другой день, и за это мне попадало: „Опять это у вас вчерашнее! Вчерашняя пища теряет всю питательность”.

Когда начался Петровский пост, мы стали читать службы по-постному с „Господи и Владыко живота моего”. Клади поклоны.

Он говорил, что сейчас у нас (на Маросейке) должно быть сугубое покаяние, — такое сейчас для Маросейки время.

*

Отпуск А. кончился. Я проводила ее. Шли опять на рассвете, среди соловьев, в тумане розовом, по росе.

Через день или два была память Батюшки (о.Алексия Мечева. — Р е д.). Накануне ... принесла все для литургии. Всенощной не помню. Утром была первая литургия.

После обеда о. Сергей лег к себе отдохнуть. Я открыла подполье, спускала туда что-то, убирала. Открылась дверь, и в ней показалась У. Увидев меня, она показала мне кулак. Я от неожиданности и от страха провалилась в подполье. Оказалось, ей неправильно дали наш адрес, и она с рассвета ходит по деревьям и нас ищет.

Отец Сергей был очень рад. Я почувствовала, что у него с нею не такие отношения, как с другими. Он рад ей как помощи, поддержке, советчику.

Меня послали за ее вещами. Она привезла нам продукты и оставила их на пристани.

Был уже вечер. Солнышко садилось. Небо было розовое и Волга. Я наняла какого-то мальчика довести меня на лодке до деревни. Когда мы отплыли от пристани, он сказал: „Войну объявили. Вы слышали? Сегодня утром по радио выступал Молотов”. Рассказал мне все события.

Когда подплывали, уже смеркалось. Я увидела на нашем берегу среди деревьев о. С. и У. Они встречали меня. Отец Сергей берег меня, не позволял

поднимать тяжести. Сам, стараясь не давать мне, вытаскивал вещи. Лодка отплыла. Я говорю: „Войну объявили”.

Отец Сергей перекрестился большим крестом. (Лица его не забыть мне.) Несколько мгновений молчания... „Ну, теперь они о нас забудут”.

Я рассказала все, что узнала от мальчика.

Когда мы подходили к дому:

„Не говорите У. про меня (что он все надо мной смеется за ...) . Слышите? Не скажете?”

„А вы больше не будете? Обещаете?”

„Обещаю!”

Утром провожали У.

Я шагала впереди с У. с заплечной сумкой.

О. Сергей: „Беззубый альпинист!”

Спустились кустами к Волге, пошли над самой водой. Всю дорогу о. С. давал распоряжения относительно Мар/осейки/ — как жить в военных условиях. Помню, тут было сказано, чтобы читать Параклис Божией Матери по одной песне каждый день. Молиться этой молитвой друг за друга. Это будет объединять нас всех, если внешне, окажется, мы и не сможем быть вместе.

Шли мимо пасущегося стада овец. Отец С., смотря на них, сказал: „Жертвенное животное... агнец”. Не помню больше ни слов, ни как У. посадили. Остались вдвоем. Отец С. совсем перестал меня дразнить.

Каждый день служили обедню. Отец С. говорил: „Мне хочется отслужить по себе сорокоуст”. Он совсем перестал беспокоиться, думать, что его возьмут. Он очень переживал войну. Особенно молился о воинах живых и умерших. Все вспоминал об Алеше. Говорил: „Я ведь вот всего себя от-

давал М.*; а свои дети у меня заброшены были. Меня только одна И. знает. А Алеша, — он ведь сильно начинен с/овет/ским”. Много раз он опять и опять с особенно сильной болью говорил о Л.: „Она меня совсем не знает. Ведь она была совсем маленькая. Я для нее чужой!”

Несколько раз говорил, что, если мы останемся здесь жить, надо взять ее сюда, чтобы она пожила с ним. Опять и опять с болью говорил, что он не дал им того, что надо было дать, что все силы, все время он отдавал М.*; а их забросил. Виноват он перед своей семьей.

Литургию стали служить каждый день. Он снова говорил: „Мне хочется отслужить по себе сорокоуст”. Петь надо было, чтоб не было никаких пауз, чтобы не затягивать, очень быстро. Вместо псалмов и Блаженны пели антифоны.

Просфоры пекла я в печке. Волнения были, страхи, дверь держали почти всегда запертой. На окнах были спущены тюлевые занавески. Отец С. избегал показываться на людях, старался, чтобы его не видели.

Через несколько дней приехала И. Из разговоров при ней я помню только об Иисусовой молитве. Да, это, должно быть, просто ей он говорил, а я только случайно слышала, что надо стараться читать ее. Можно и когда больных принимаешь, когда делаешь что-нибудь, просто говорить: „Господи, помилуй”. А в тот момент, когда входит больной, тут успеешь всю молитву сказать. Говорил, что перед началом утренних и вечерних молитв надо читать по

*Службам и приходу на Маросейке. — Р е д.

15 раз Иисусову молитву* и Божией Матери. „Увидите, что совсем другая молитва будет после этого, сильнее будет молитва”.

Пароходы стали ходить без гудков. Иногда по ночам слышны были самолеты, летающие над нами. Отец С. стал ходить к соседям, у которых был репродуктор, слушать последние известия.

Все говорил о войнах, все вспоминал Алешу. „Ведь он на самой передовой!” За литургией он особенно их поминал. Говорил: „Им теперь не до нас (не до М/аросейки/), теперь они о нас забудут!”

Говорил, что, если война затянется, будет зимовать здесь, в деревне. „Вы согласны?”

Было свидание с ... Это было в лесу над обрывом, над Волгой. Между нашей деревней и „Колхозником”. Я пришла с отцом С. ... привезла Х. Сидели они вдвоем на сваленном дереве. (Теперь уже, в прошлом году, ... рассказал, что, когда они встретились там в лесу, отец С. сказал ему: „Я скоро умру”.) Обрато шли верхом, лесом, ржаными полями. В одном месте мы увидели непонятную картину: посреди поля вся рожь была сильно примята. Смотрели, думали, почему это? Отец С. сказал: „Может быть и десанты здесь с самолетов высаживали”.

*

Кажется, 2 июля объявили по деревне, что в колхозе будет собрание. Приехал из Рыбинского райкома агитатор, будет рассказывать о всех событиях. Отец С. велел нам с И. идти.

* „Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (-ую) ”.

Агитатор говорил, что вот тов. Сталин в своей речи говорил о том, что надо быть бдительными, что в каждом колхозе, в каждой деревне могут быть люди, которые могут встать на сторону немцев.

Поздно вечером шли полями с собрания. Из темноты доносились антисоветские частушки.

Пришли. Отец С. уже лег, но не спал, ждал нас. Было решено, что надо завтра идти в сельсовет снести наши паспорта. Мой можно дать на прописку, а насчет его прописки не настаивать; если велют обязательно, то дать.

Утром пошли с И. Я свой отдала. И. только записали, потому что она должна была уже уезжать, а его тоже посмотрели и записали номер, и сказали, что прописывать не надо: „49 лет возраст не призывной, когда еще до него дойдет”. На следующее утро уехала И.

Это были первые настоящие летние, жаркие дни. До этих дней тепла не было. В лесу только что распустилась черемуха. Отец С. говорил: „Я только сейчас вот, в эти последние дни начинаю оживать. Я ведь последние годы не жил, я был как мертвый (после лагеря). А вот сейчас возвращается жизнь”. Впервые он ушел на берег, постелил одеяло и лег там в тени с книгой.

Я что-то делала дома. В дверь постучали. Выхожу. Агитатор, тот самый, что был вчера на собрании, пришел проверить наши документы. Посмотрел мою союзную книжку. Спросил, кто живет со мной, его документы. Я побежала к отцу С. Он весь встрепенулся болезненно. „Я не пойду к нему, я не могу. Покажите ему мой паспорт”. Принесла. Увидев, что паспорт выдан на основании лагерной справки, спросил, где он отбывал. Все записал и ушел.

Я пошла к о. С., он напряженно ждал меня. Спокойствие о. С. кончилось. Не помню, как прошел день. Решено было, что завтра утром он отслужит литургию и поедет в Рыбинск. Если бабушка его еще не выписала, то он вернется к ней жить. Если же выписала, то вернется сюда.

На следующее утро был канун Владимирской. Был настоящий июльский, очень жаркий день. Идти до пароходика надо было километров 6-7. (С Савинского пароход был только раз в день, на рассвете.) Дорога шла берегом, по солнцепеку. Отец С. велел заготовить какого-нибудь питья. Я сделала морс. Пошли. Отец С. был очень скорбный. Когда стали уже подходить к пристани, дорога пошла кустами. Когда мы остановились отдохнуть, я увидела, что чье-то лицо мелькает в кустах. Не обратила внимания. Пошли, опять мелькнуло. Я и тут не придавала значения.

Пришли на пристань. Подошел пароходик.

Сошли в нижнее отделение. Там было почти пусто. Отец С. сел перед открытым окном. Оно было у самой воды: пенились, шумели, разбивались волны. Отец С. молча смотрел на них. Никогда мне не забыть его взгляда.

Я сидела напротив него. Вдруг я увидела, что через несколько лавочек за спиной о. С. сидит тот самый гражданин, который проверял у нас документы.

Я сказала: „Батюшка, этот агитатор едет с нами”. Не помню его слов. Взгляд его только стоит передо мной всегда, но никакими словами передать его нельзя.

Он продолжал молча смотреть на пенящиеся волны. Не доехав одной пристани до Рыбинска, о. С. решил сойти. Вышли. Пароход ушел. Агитатор не

слез за нами. „Может быть, случайность то, что он ехал?“

Пошли в деревню к бабушке.

Отец С. пошел к ней, а меня оставил на кладбище. Через некоторое время я увидела, что он идет. Оказывается, бабушки нет дома и неизвестно, отметила она его или он еще прописан.

Велел мне уходить к ... и прийти на то же место завтра, а он будет ночевать у бабушки.

Пошла к ..., все рассказала.

Переночевала у Х. и утром, в назначенное время, мы вместе пошли на кладбище.

Пришел о. С., сказал, что только накануне бабушка его отметила и снесла книги в милицию. Неизвестно — оформлено это или нет. Это было воскресенье, узнать можно было только на следующий день. Он велел мне сейчас же уезжать в деревню. Если его отметили, то завтра он приедет ко мне и будем продолжать там жить. Если же он не приедет, то послезавтра утром я должна вернуться к нему.

Мне захотелось попросить у него прощения. Он тоже попросил у меня. „Простите меня, что я на вас нападаю. Я ведь это любя, по-хорошему“. Он пошел. Мы с Х. смотрели ему вслед.

Я пошла на пароход. Мне не хотелось быть среди людей. Вошла на верхнюю палубу, встала на самом носу к перилам. Передо мной была одна Волга. Опять пенились волны, шумели, разбиваясь о борт. Я слушала их. И почему-то было внутри, словно смерть передо мной, словно на смерть я еду. „Почему так у меня?“

На душе был полный мир.

Когда сошла с парохода, уже вечерело. Я шла по самому берегу вдоль реки и ела из фунтика

крупную клюкву. Совсем сладкие были ягоды. Вечер был прекрасный, тихий. И на душе было собранно, серьезно, тихо.

Переходя какой-то овраг, услышала крик ребят: „Тетка — германский шпион!”

Я была так далека от мысли об этом, что даже не сразу поняла, что это мне кричали. Не обратила никакого внимания, отнеслась так же, как если бы какую-нибудь глупость мне крикнули.

Пришла домой. Помню, зашла к хозяевам. Они смотрели на меня не так, как прежде, не просто. Когда я вошла, замолкли. Ребята смотрели с любопытством. Отвечали на мои слова односложно, словно ждали, когда я уйду. Я не придавала и этому никакого значения и ушла спать.

Это был канун Рождества Иоанна Предтечи.

Утро было веселое, солнечное. Я очень устала от забот, от напряжения и рада была беззаботно провести день, отдохнуть. Я взяла книжки и ушла на берег Волги читать службу Иоанну Предтече. День этот был самый большой в моей жизни. Это день моего прихода к о. С.

Прочтя службу, я нежилась на солнышке, наслаждаясь природой, беззаботностью.

Сидела я на самом берегу, над водой. Мимо меня несколько раз с сильным шумом, как стрела, пронеслась моторная лодка, маленькая, вся сидящая в воде.

„Что она тут все шныряет?” — подумалось.

На душе было так же тихо и мирно, как в природе.

На берегу я провела весь день. Помню, уже вечерело, когда я стала подниматься кустами к дому.

Смотрю на полянке, за кустами лежит овца. Подойдя ближе, я увидела, что она мертвая.

„Жертвенное животное... агнец“, — встали слова о. С. И опять почувствовала близость смерти.

„Почему я так чувствую смерть?“

Придя домой, я вспомнила, что забыла сходить за своим паспортом, а завтра надо ехать в Рыбинск. Отец С. велел обязательно взять его.

Пошла к сельсоветскому старику, который жил в нашей деревне, он должен был принести паспорт.

Около его дома на перевернутой телеге сидели двое в чистых белых рубашках.

Паспорт мой он забыл взять. Нерешительно, смущенно как-то извинялся. А двое, сидящие на телеге, смотрели на меня, когда я с ним разговаривала. Пошла домой.

Догнала меня соседка. „Сегодня нельзя вечером гулять, спать загоняют. Рыбинское начальство приехало, в 4 часа поднимут в поле работать (чтобы показать начальству, как работают в колхозе)“.

Я пришла в свой домик. Смеркалось. Я помолилась и хотела лечь спать, но почувствовала какой-то необъяснимый страх. Мне захотелось взять свои иконки, — они стояли около хозяйских образов, — и поставить на окошко, около моего изголовья.

Сумерки сгущались. Я слышала, словно кто-то когтями царапает, словно взбирается кто-то по стене снаружи дома.

Что это?

Заснула.

Утром все эти страхи рассеялись. День был опять яркий, солнечный, жаркий. Я помолилась. Села есть гречневую кашу, сваренную вчера для о. С. На мне

было пестрое, почти безрукавное летнее платье и тапочки на босу ногу. Душа радовалась солнышку, жаркой июльской погоде. Я сидела, ела кашу и записывала на бумажку вопросы свои внутренние и всякие, какие нужно будет выяснить.

В дверь постучали. Вошла соседка, та, что вчера меня провожала.

„Ваш дядя на берегу в лодке, просил меня сходить за вами, просит вас прийти к нему”.

„Почему же он не выходит, не идет сюда?”

„Да он какой-то взволнованный, расстроенный, просит вас прийти”.

У меня в мыслях не появилось и тени сомнения. Отец С. изображен был совершенно естественно. Я подосадовала на него, зачем так он себя ведет, ведь он же этим сам себе портит. Сунула записку с огрызком карандаша за лифчик, намотала на палец веревочку с ключом от дома и пустилась по солнышку, по тропке через рожь к берегу.

Природа сияла и душа вместе с ней радовалась.

Из-под куста поднялся человек в белой рубашке и поднял руку. „Остановитесь”.

„Что? Здесь бегать нельзя?”

Он медленно шел на меня.

„Куда вы так бежали?”

„На берег. А что, разве здесь нельзя бегать?”

„Как ваша фамилия?”

Я вдруг поняла, что жизнь кончена. Вот оно то, что ждала душа всю жизнь.

Вспомнила о записке за лифчиком.

„Мне нехорошо. Разрешите мне зайти в эти кусты”.

Вошла в орешник. Это были последние минуты еще жизни. Я еще одна была среди природы, — что

я всю жизнь больше всего любила. Я вырвала карандашом ямку, изорвала и закопала туда записку.

Когда я вышла, их было уже трое.

Я попросила пустить меня домой взять пальто, но мне отказали. Первый взял у меня ключ от дома и велел одному из подошедших сходить принести вещи.

Подошли к берегу. Там стояла та самая моторная лодка, которая шныряла мимо меня вчера. Посадили меня внутрь, но о. С. в ней не оказалось. Вода была у самых окон и у самой открытой двери. Затрещал мотор.

Кругом — и в окнах, и в открытой двери шумели, пенились, бились волны.

В голове у меня все путалось. „Что говорить?“ — мы ни о чем не сговорились. Один раз только о. С. спросил меня: „А если так случится, что вас арестуют, как вы отнесетесь к этому?“

Перед отъездом в Рыбинск мы разделили бывшие у нас деньги, тысячу рублей. И больше ничего. Что мне говорить, я не знала.

Они стали задавать мне какие-то вопросы. Они были мне совершенно непонятны (нас, видно, соединяли с кем-то).

Я выбилась из сил. Попросила разрешения лечь. Легла спиной к ним, лицом в окно. Мимо окна бежали, пенились, шумели волны. Это было прощанье с природой.

Мотор стал работать тише. Что это? Мы почему-то подъезжаем к „Кирпичному заводу“. Мелькнула надежда, что тут о. С. Но мотор опять заработал полным ходом, опять заklubилась, запенилась Волга.

Но вот теперь мы уже явно причаливаем. Это пристань „Колхозник“. Я вспомнила, что здесь, на

пристани, лежат одеяло и подушка о. С. Когда мы уходили с дачи, я не могла согласиться, что он будет ночевать без них, и взяла их с собой. Он сердился на меня за это и не позволил везти, велел на пристани сдать на хранение.

Один из сопровождающих меня вылез и через несколько минут вернулся со знакомым мне свертком.

Опять забились вокруг лодки волны, почти захлестывая ее. В голове у меня все шли, шли мысли, — думала, что говорить мне. Но почувствовав полное свое бессилие, я просто стала читать молитвы.

Приехали в Рыбинск. Вот знакомая пристань. Вот та сторона Волги. Тут, совсем близко... Если бы хоть на минутку попасть к нему. Только бы он благословил, только бы узнал, что со мной...

Причалили к корме пристани. Высадили. Велели стоять, не трогаясь с места.

По знакомой дороге от парома поднимались люди свободные, они жили своей жизнью, шли по своим делам, говорили, смеялись. Светило солнышко. Волга сияла.

„Хоть бы кто-нибудь знакомый увидел меня!”

Подъехала легковая машина. Сели все вчетвером. „Куда меня повезут? В тюрьму?” Появилась надежда, что я встречу там с Ш. (Я знала, что ее посадили недавно за то, что у них был свет в окне.)

Но в тюрьму меня не привезли. Машина остановилась около какого-то незнакомого дома.

Высадили. Посадили в коридоре. Я сидела, ходила по коридору, читая тропари Божией Матери и всем м/аросей/ским святым.

Слышала, как пришла председатель сельсовета и принесла мой паспорт.

Потом принесли мне поесть.

Наконец, мне велели встать и идти.

Опять перед входом легковая машина. Около меня сел уже новый провожатый (как я после узнала — начальник Рыбинского НКВД) и конвоир с винтовкой.

Куда везут? — Вокзал.

Во мне надежда: „Здесь, в поезде, мы встретимся с о. С.“.

Ведут по перрону. За мной несут вещи.

Поезд набит. Все полно. Входим в первый вагон. Все, сидящие в первом отделении, вышли, освободили обе лавочки. Меня посадили у окна. Напротив сел начальник. Рядом — конвоир с винтовкой.

Я устала. Я прислонила голову к стенке вагона. Сознание стало путаться. То я забывалась, мною овладевало что-то вроде сна, блаженные это были минуты. То опять это обрывалось, опять неумолимая действительность.

Около меня мои вещи. Что они взяли? — Набит чемодан и несколько сеток. В одной из них я вижу знакомый серый блокнотик, на уголке обложки которого мелко написано слово „Катя“. Опять погружаюсь в какое-то несуществование, в бред.

Свежесть леса, сильный запах черемухи, веселый молодой смех — разбудили меня.

„Жизнь!“

Я рванулась вся в открытое окно.

Но в то же мгновение конвоир осадил меня.

„Да, это не мое. Мое — „Катя“.“

И опять действительность путалась с бредом.

Рассвет. Все небо розовое. Знакомое „Всполье“.

Вдали мост. Город.

Стоим опять в ожидании, сзади вокзала.

Несемся через мост спящим городом. „Куда?“

Мелькают улицы. Приехали в центр. Громадное здание с колоннами. „Ярославское НКВД“.

...Чувство, которое охватило мою душу в ту минуту, когда меня ввели в камеру и закрылась дверь, я узнала. Это было то, что сказал мне во сне Батюшка о. Алексей.

На следующий день среди тишины НКВД-ского коридора я услышала знакомый звук: прихрамывающая походка и скрип ботинка.

На другой день я опять услышала этот звук.

Я знала, что о. С. знает звук моего кашля. У нас много было о нем разговоров. Когда шаги поравнялись с моей камерой, я подошла к двери и громко закашляла. Из коридора я услышала ответное тихое покашливание.

Шаги эти я стала слышать каждый день, когда водили на opravку и на прогулку. Я стала слышать эти шаги иногда и рано-рано утром — приводили с допроса. Когда уводили его, я ни разу не слыхала. Должно быть, в это время я спала.

Сначала они проходили мимо моей камеры и терялись в конце коридора. Потом я услышала, что они стали не доходить до меня. Прислушавшись еще, я узнала, что уходят они в дверь, не доходя до меня одной камеры. Моя была седьмая. Они уходили в пятую.

Когда выводили из других камер, слышалось несколько ног.

Эти шаги с первого и до последнего дня были одни.

Когда я проходила мимо пятой камеры, я видела, что около глазка ее всегда стоит конвоир.

За несколько месяцев до этого о. С. посылал к Рыбинской матушке Ксении с каким-то практическим вопросом относительно его устройства. Она ничего на него не ответила. Сказала: „его ждет схи-ма, затвор”.

Когда наступила осень, в камере стало холодно и сыро. Ползали мокрицы. Я попросила дать мне мои теплые вещи, но их почти не оказалось. Вместо них мне принесли рубашки о. С. Я в них оделась. Ко мне попало и теплое одеяло о. С., оставленное нами на пристани. У о. С. не было ничего. Он ушел в одной своей черной толстовке.

Потом шаги исчезли. Я перестала их слышать. Я все прислушивалась, но их не было. „Как это я все прозеываю их?”

Через несколько дней я ясно услышала опять шаги из 5-й камеры, как будто знакомые, как будто тот самый скрип ботинка, но вместе с тем стук костыля.

Этот звук я слышала до последнего дня. Когда мне объявили освобождение, меня не вернули в мою камеру. Последние сутки я провела в камере рядом с уборной. И в это последнее утро мимо меня прошли эти шаги. Я усиленно кашляла. Мне хотелось дать знать, что я здесь, но ответа не получила.

На допросах от меня со всей точностью требовали рассказать, как получилось, что мы оказались с о. С. здесь в деревне. Как именно все это произошло, во всех мельчайших подробностях. Где был о. С. в последние месяцы, где я его видела. Правду говорить было нельзя. Всю эту историю мне пришлось выдумать из головы. Мы ни о чем не сговорились. И когда я рассказала, мне ни разу следователь не сказал, что вот вы говорите об этом так, а он не так рассказывает.

Я поняла, что для того, чтобы облегчить мое положение, он не рассказывал никак, он только молчал.

Чего стоило ему это молчание?

В ночь с 1-го на 2-ое октября на допросе следователь мне сказал: „Вы понимаете, что может наступить момент, что я не смогу больше с вами чикаться — мне придется просто вас прикончить. Вы понимаете, что „дерево рубишь, щепки летят!“”

*

Как кончилась жизнь о. Сергия и в какой день взял его Господь, осталось неизвестным.

Почему-то все время у меня в глубине души было чувство, что терпеть надо до „Скорбящей”, что в эти дни будет решение. Это было совершенно помимо каких-нибудь соображений, никаких оснований не было, но почему-то жила уверенность в этом.

Видела во сне о. Сергия на Маросейке; стоит он перед Федоровской, лампадка не горит перед образом. Я говорю: „можно зажечь лампадочку?”

„Зажгите перед Скорбящей”.

Другой раз, тоже в тюрьме, во сне я просто увидела икону „Всех скорбящих Радосте”. Может быть, поэтому и чувство это было. Я теперь не могу уже дать себе отчета в этом. Но помню, что ждала этого дня.

В какой день пропали шаги о. С., я не помню, было это за несколько дней до моего освобождения. Шаги эти пропали сразу — вчера они были, сегодня их не стало*. Из этого можно предполагать, что его увели ночью.

* В этом свидетельстве несоответствие с предыдущим; оставляем его без исправления, т. к. проверить верность того или иного варианта невозможно. — Р е д.

Сидели мы на верхнем этаже здания НКВД. В коридоре было 24 камеры, 12 по одну сторону и 12 по другую. Коридор был узкий, застланный ковром. Была полная тишина, среди которой появлялись отдаленные звуки. Был звук открывающейся входной двери, звук открывающихся „форток” в дверях камер, когда утром говорили „подъем” или вечером „отбой”, или раздавали пищу, или вызывали на допрос. Когда лежишь месяцы в полной тишине молча, все эти звуки до тонкости изучаются.

Двери открывали только, когда выводили на opravку и на прогулку, или на допрос и возвращали с допроса. Пища подавалась в „фортки”.

Камеры были маленькие, шириной немного больше вагонного купе. С одной стороны узенькая койка и с другой, а между ними тумбочка. Камера о. Сергия была (как я предполагала) через одну от моей, так что расстояние было очень небольшое, и я ясно слышала, когда открывалась его дверь или „фортка”.

Были известны, изучены признаки того, что в камере человек заболел: тогда при раздаче пищи подавали ее не в „фортку”, а открывали дверь и конвоир входил в камеру. И врач приходил. Когда он входил, не было звука запирающегося замка. И шаги его были известны.

В камере, которая находилась напротив моей, болел человек. Я слышала, как входил туда конвоир, врач, донесся, помню, запах лекарства, которое употребляется при укулах. Дверь не запирали. Потом я услышала слова „покрой его простыней”, и дверь заперли. Я поняла, что человек умер.

В этой камере жило всегда по одному человеку, не жили подолгу. Не помню, раз или, может быть,

больше, я слыхала, как уводили оттуда человека. Это было среди ночи, ближе к утру. Отперли камеру, потом понес человек „парашу” в уборную, вернулся, поставил ее, и его увели. Я подумала, что его повели на расстрел. Заключила я это вот из чего. Если водили на допрос, то парашу не заставляли выносить перед этим. Если переводили в другую камеру, то это бывало, обычно, днем и на освобождение — тоже. Привели в эту камеру человека накануне, или за день. В другое время из этой же камеры иногда вдруг слышались рыдания. Тогда туда бежали конвоиры и каким-то образом заглушали. Я решила, что эта камера была смертная — перед расстрелом.

Как вывели о. Сергия, я не слышала и предполагаю, что это было ночью, потому что накануне шаги его были, а на следующий день их не стало. Предполагать, что он заболел, не было оснований, потому что конвоир не входил, разнося обед, а подавал в „фортку”. Значит, он был на ногах, сам подходил и брал пищу. Он исчез, будучи накануне на ногах.

При освобождении мне дана была справка, что я освобождена на основании ст. 249-б уголовного кодекса. Статья эта значит: или полная невиновность, или смерть основного обвиняемого.

Обвинение было:

Активный член контрреволюционной подпольной церковной организации, возглавляемой С. А. Мечевым, которая ставила своей задачей борьбу с митрополитом Сергием и перевод церкви на нелегальное положение.

Признать меня невиновной не могли, когда я скрывала без прописки такого „преступника”. Зна-

чит это была смерть. (Конечно, и все равно бы меня не освободили, а совершилось это чудо по молитве о. С.)

Объявили мне освобождение 12 ноября. Отец Борис сказал, что объявляют не тотчас же, а проходит дня два после решения, и надо думать, что мое освобождение было подписано 10 ноября. Это день свят. Димитрия Ростовского, а его о. Борис считал покровителем этого края.

Перед этим лишь один день 9-ое число, а 7 и 8 — советские праздники, в эти дни ничего не могло быть. А накануне 7 ноября как раз день Богородицы „Всех скорбящих Радосте”.

Еще не могу не обратить внимания на сон матушки о. Сергия, который она видела, когда в Кадникове забрали о. С. и кончился период вольной ссылки и начались лагеря.

Она увидела, что они с о. С. в каком-то храме, где две иконы — одна „Всех скорбящих Радосте”, а другая — Иоанна Предтечи. Отец Сергей приложился к одной и к другой. Арестовали о. Сергия ведь в день Рождества Иоанна Предтечи (25/7 июля).

Узнали о смерти о. Сергия в 1950 г. через его духовную дочь Татьяну Николаевну Ростовцеву (теперь уже умершую), у которой в прежние годы были большие связи в НКВД (ее родная сестра была замужем за наркомом внутр. дел Менжинским). К этому времени связи эти были все потеряны. Но в 1950 г. к ней неожиданно пришла одна знакомая того времени, которая, как оказалось, продолжала иметь какую-то связь с МГБ и даже имела доступ к архиву.

Татьяна Николаевна попросила ее узнать об о. Сергии и еще о двух близких священниках (о. Ан-

днее и о. Петре Петрикове). Она легко на это согласилась. Через некоторое время она пришла опять. Она не захотела сказать точно об о. Сергии, как видно, боялась. Она сказала уклончиво. Сказала, что по данным архива смерть его в конце 1941 г., но не в лагере, а в тюрьме. Больше ничего она не захотела сказать. А о других двоих сказала, что умерли в лагере и от какой болезни и в какой год. После этого она больше не появлялась.



ТРОПИНКА К ЕДИНОМУ НА ПОТРЕБУ

Инок в миру

(опыт самокормления)

Каждый человек, на всяком пути, каким шествует к Богу, сам всеми теми мерами отвергает пред собою дверь Небесного Царствия.

(Преп. Исаак Сирин, 219)

Не можешь стать рачительным, по крайней мере, в образе мыслей своих, будь не как ленивый.

(Преп. Исаак Сирин)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

О монастырь, монастырь, Божественное учреждение! Сколько ты доставлял отрады благоговейному человеку, находившему в тебе высшее образование духа и убежище от мира самое надежное! — Теперь ты похоронен... Но не похоронены искатели жизни твоей!

Жажда жизни духовной всегда была у любящих Господа — и не умрет она никогда! Ее не заглушит окрик толпы, ее не затмит прогресс времени, ее не ослабит формальность и косность теплохладных верующих!

Правда, душа с этой жаждой теперь одиноко томится в себе, сиротливо взирая к Единому Вдохнителю своему — Богу, в Нем Одном ища сил для своего идейного существования, и это охранение себя, своей верности Господу стоит ей великого подвига.

И как часто такая душа, изнемогая от душного мирского окружения и от своих немощей, ищет для

себя наставника, вполне понимающего ее, способного помочь, и не находит, ибо можно сказать — *их теперь нет!* так стали они редки и нам совсем неизвестны.

Но — о, вожденнейшая жизнь иноческая! Несмотря на все, ты все же мне назначена: мне дано полюбить твою духовность, и без нее я даже не представляю для себя жизни!

Мне приятно сознавать, что духовная жизнь, какой обладает иночество и так ею пленяет меня, есть жизнь неоспоримо самая достойная, более: она воистину есть *начало здесь будущей блаженной вечной жизни!*.. и со скорбью наблюдаю — как скоро она омрачается и у меня, и даже как будто совсем теряется, когда допущу рассеянность, или самосожаление, или — что еще хуже — лень. О, я тогда убеждаюсь — зорко нужно следить за собой и особенно за своими мыслями, чтобы всегда быть духовно-настроенным; убеждаюсь также, что всю энергию духовной жизни составляет молитва, а затем чтение духовной литературы и — свое богомыслие. Убеждаюсь, что эти упражнения *всегда* необходимы не только начинающим свое служение Господу, но и окрепшим, что — если они почему-либо умаляются, то вместе с этим сразу же заметно тускнеет и личная духовность человека, и вместо нее появляется все пустое и противное: так *слаба* наша человеческая природа, так испорчена она грехом! так неотступно требуется питать ее *неземной* трапезой, дабы жизнь духа не угасла.

Итак, мне необходимо иметь *и свое Богомыслие.*

Необходимо — заботливо, а иногда даже *насильно* вводить в свою душу благочестивые мысли и упражнения, подобно тому, как заботливо и *насильно* при-

вивают деревцу полезный росток, как вкладывают ребенку грамоту, или невежду приучают к приличию. Ибо несомненно, что — тогда только окрепнет во мне жизнь духа, когда она войдет „в плоть и кровь”, т. е. когда составит мою личную жизнь, и будет выражаться во всем — даже в самых простых моих поступках

„Глаголем премудрость... юже никтоже от князей века сего разуме, аще бо быша разумели не быша Господа славы распяли” (1 Кор. 2, 7-8).

Медленно постигая этот принцип начала духовной жизни и ее продолжения, принцип самопринуждения и затем рачительности, вижу — как моя святая ревность волнуется, как тревожит меня, но — вместе и ободряет, и радует.

Ее неотложные требования мне, правда, давно знакомы, ибо я давно живу если не вполне зрелой любовью ко Господу, так как по словам Спасителя нашего, тот любит Его, кто имеет заповеди Его и соблюдает их (Ио. 14, 21), я же грешный по немощи своей ежедневно претыкаюсь, но все же живу чувством самой искренней любви ко Господу и таким же искренним желанием быть верным Ему. Хотя я и согрешаю ежедневно, но от этого ревность моя не умаляется, напротив болезнует, ратует за исправление, и за это я благодарю Бога.

„Как скоро душа делается беспечною к делам добродетели, немедленно увлекается в противное тому. Ибо переход с какой бы то ни было стороны есть уже начало стороны противной” (Преп. Исаак Сир. с. 12).

Итак, святая ревность побуждает меня неисправного трудиться *прилежнее* — трудиться столько, сколько позволяют мои силы и возможности.

Она убеждает, что так ожидаемая вечность уже началась для меня *здесь*, что она есть уже *загробная*, переход зависит только от зова Божия, а он может быть и сегодня.

Вечность желанная обещана мне, но при условии: если пребуду здесь в объятиях Отца нашего Небесного, принося Ему труды покаяния вместе с возвратившимся Евангельским блудным сыном, и если труды моего богоугождения одухотворят мой ум и сердце, подобно тому, как движущаяся по моим жилам кровь животворит тело.

Не приобретая такого состояния — сомнительно мое спасение.

Хотя таинство Покаяния по видимости возвращает и присволяет нас Богу опять, но сего состояния благодатного никто не достигнет, если при этом не поболезнует много, и за сим не почувствует близости к себе Господа Утешителя.

„В Крещении Господь туне прощает и совершенно ничего не требует, кроме веры: при покаянии же во грехах по крещении не туне прощает, но требует трудов, скорбей, печалей, сокрушения, слез, долговременного плача, и потом уже прощает. Разбойника туне простил за одно исповедание словом на кресте, и обетовал ему Царство Небесное; у грешницы же потребовал также веры и слез; а у мучеников и исповедников, вместе с сердечной их верой требовал скорбей, истязаний, строгания, мучений, многообразных смертей” (Преп. Исаак, с. 275).

Все эти радостнотворные болезнования — одни в буквальном смысле, другие в приближенном — требуются *ежедневно* от меня, и это для того, чтобы пребыть мне неотходно в чистых чувствах покаяния и безраздельной верности Господу.

„Оставляя не только гнусные, но и все земные помыслы, мы должны устремлять ум к Небесным предметам, и как слуги быть там, где Господь наш (Ио. 12, 26).

... Мы должны стараться возбуждать в себе сокрушение более размышлением о добродетелях, о Царстве Небесном, нежели вредным воспоминанием о своих грехах; ибо до тех пор не перестанешь обонять вредное зловоние из нечистой ямы, пока будешь стоять при ней, или станешь ворочать грязь в ней” (Преп. Кассиан, с. 541).

Избави мя, Господи, от многих и лютых воспоминаний и предприятий, и дай силу погашать их так искомой мною благодатью единения с Тобою, и крепкой верой в Твое милосердие к нам — кающимся!

„Преждесодееянных грехов не укрепляй в душе своей размышлением о них, чтоб они не возобновились в тебе. Будь уверен, что они прощены тебе с того времени, как ты предал себя Богу и покаянию. В этом не сомневайся” (Преп. Антоний Великий, Отчник, с. 31).

Общее направление сего богомыслия моего может кому-либо показаться слишком смелым, пред-

ставляющим необладателя как бы обладателем той Святыни, какой нужно еще достигнуть, но это только кажется так на первый взгляд. Множество подобных мыслей мы постоянно возносим ко Господу от себя, молясь псалмами Псалтири и особенно в псалме 118-м.

У меня этими мыслями выражено *естественное* стремление души к Богу, *ее ревность* по святой жизни: эти мысли подстегивают мою духовную вялость.

Тружусь своими немощными силами в любимом богомыслии и им питаюсь; потею, но все стоящее в нем, конечно, не мое, а принадлежит единственно благодати; я же тружусь, как черноработчий самоучка, и только верю, что Господь, видя мое прилежание, поможет мне, труждающему, от любимых сих слов перейти к делам — к жизни во Христе.

„О, как я люблю закон Твой, Господи! весь день размышляю о нем” (Пс. 118, 97).

Примечание редакции:

К сожалению, нам не удалось в этом труде проверить цитаты из „Добротолюбия” и некоторых др. источников, так как здесь цитируется, очевидно, по другому, неизвестному нам, изданию.

*В приболезненном труде и поте лица осужден
ты снестать хлеб ведения*.*

(Авва Фалассий. Доброт., т. 3, с. 311)

Глава 1

УЯСНЕНИЕ СВОЕГО ПУТИ

*„Пути моя возвестих
и услышала мя еси”.*

(Пс. 118, 26)

Что побуждает меня писать сии строки?

— *Чувство одиночества!*

Оно происходит

во-первых, от прерывающегося у меня живого общения с Господом, и

во-вторых, от прекратившегося живого слова благодатных мужей.

Плотски я родился от Адама, но жизнь высшую, жизнь духа я получил от Христа. Следовательно, жить духом мне надлежит настолько преобладающе, насколько Христос больше Адама и дух выше плоти. Моя же жизнь духа часто потесняется привнесением земных понятий, чувств, интересов; даже бывает, что они берут перевес, и тогда требования духа придавливаются и ставятся в положение подначальное, и я, незаметно для самого себя, погружаюсь в суету и нерадение, а потом... чувствуется в душе пустота, оставленность благодатью. Как человек

* Т. е. познание духовное: ощущение бессмертной жизни, ощущение Бога.

с такими немощами, я нуждаюсь в сторонней помощи, в поддержке от собратий по Христу, но — и тут одиночество.

По слову Спасителя нашего, *„многие идут протранным путем, и немногие находят узкий путь, ведущий в жизнь”* (Мф. 7, 13-14).

„Всегда немногие, весьма немногие шествовали по узкому пути; в последние дни мира этот путь до крайности опустеет” (Еп. Игнатий, Отечник его, с. 21).

Мы все терпим от времени общую беспомощность и ее же сами усугубляем тем, что замыкаемся друг от друга. Одни мечтают спастись, как-то самоудовлетворяясь, другие, замкнувшись, свыкаются с мыслью, что помощи ждать не от кого, и таким образом всяк живет про себя.

Можно бы еще объяснить это печальное отчуждение общей боязнью довериться друг другу, потому что кругом царит непостоянство людей, но нельзя не видеть и общего оземления душ, замыкающихся потому, что каждый ухитряется прожить попривольнее и без лишних забот о другом.

К великой скорби, имеет место среди нас и еще один недуг, куда страшнее сейчас упомянутых — это духовная несерьезность, охватившая многих, нередко даже и пастырей — недуг, парализующий в самом зародыше добрые порывы у ревнителя благочестия.

Многие обычно так говорят: „не берись ты ни за какие подвиги, живи как люди живут, не выделяйся, Бог милостив, спасемся все”... и вместо того, чтобы поддержать доброе настроение ревнителя, они этой своей мнимо созревшей рассудительностью

охлаждают в ревнителе все его добрые порывы — к положенным молитвам, постам и прочим уставностям христианской жизни. Если же ревнитель по своей любви к духовным упражнениям не прислушивается к их шаблонным взглядам, но трудится как умеет, то эти мнимо созревшие, в действительности же сами отстающие, бросают на него разные подозрения, часто награждают ревнителя всякими насмешливыми и унижительными именами — ханжа, фарисей, человек в прелести и тому подобными. Свои понятия о духовной стороне жизни они высказывают по-земному, но стараются высказать авторитетно, несмотря на то, что из Евангелия мы прекрасно знаем, что такое их толкование совершенно неправильно, ибо все знаем, что *„Царствие Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его”* (Мф. 11, 12).

„Спаси мя Господи, яко оскуде преподобный: яко умалишася истины от сынов человеческих” (Пс. 11, 1).

Если не целиком, то все же можно отнести к таким „учителям” слова преп. Антония Великого. Он говорит: „Настанет некогда время, — и человеки вознедугуют. Увидев неподверженного общей болезни, восстанут на него говоря: „ты по преимуществу находишься в недуге, потому что не подобен нам” (Отечник, с. 21).

О необходимости прилежных трудов и даже подвигов для спасения души Великие Отцы препп. Варсануфий и Иоанн весьма решительно высказываются: „Не думай, чтобы спасение было дело безтрудное, оно требует многих потов, трудов и понуждения” (с. 403, § 84).

Итак, много пришлось мне пережить и видеть скорбей в этой юдоли земного одиночества, но — и оставляемый благодатию — опять ищу ее, и лишенный братской помощи — ободряюсь надеждой обрести помощь Божию.

*

В житиях святых угодников часто приходится замечать, что *слова* Священного Писания сильно действовали на людей и помогали им изменить свою прежнюю жизнь. Может быть, нечто подобное свершится и у меня.

Как-то незаметно привлекли мое внимание слова Спасителя: „*Пребудете во Мне и Я в вас... Кто не пребудет во Мне, извергнется вон*” (Ио. 15, 4, 6). Эти благостные и вместе грозные слова Спасителя навели меня на серьезные размышления.

В самом деле, если ни одна иота и ни одна черта от Закона Божия не пройдет без исполнения, то может ли не исполниться это предупреждение Спасителя о том, что, кто не пребудет в сей жизни умом и сердцем в Господе, тот в вечности будет извержен от Него? А мы оказываемся так неразумны, что не приходим в трепет от этих слов, не стараемся, и даже *не хотим* усмотреть, как необходимо нам приобрести *здесь* состояние Богообщения и как страшно губительно для нас, не приобретя его, *навечно* быть там изверженными от Господа?!..

Поняв таким, как бы случайным образом от осевшей меня мысли этот *ясный* закон духовный, простирающийся отсюда на всю вечность, но заслоняемый теперь от нас земной суетой и нерадением, ставлю его на первое место: о нем стараюсь размыш-

лять, о нем болезновать и им, как оружием, защищаться от всего сопротивного окружающего, и для большего укрепления в нем, стараюсь записывать приходящие мысли об этом едином на потребу — *единении души моей с Господом!*

Может кто-либо возразить мне: зачем писать для себя то, чем намерен жить внутренне, ведь можно иметь добрую цель и к ней стремиться втайне, в глубине души?

Да, это верно, трудиться так скрытно было бы куда скромнее, но вот по необходимости это делаю, потому что эти, поднимающие дух мысли, как неожиданно приходят, так же быстро и уходят, и забываются. К тому же „мысли”, пока еще думаешь о чем, бывают неустойчивы и мнутся; когда же изложишь их на бумаге, они получают окрепность и неподвижность. Так и нравственные правила, пока не исполнены, они как будто чужие, а когда выполняешь их, они входят внутрь, оседают в сердце и полагают там основу характеру доброму или злomu. Так учит еп. Феофан. То же советует он кому-то и в письме: „В час размышлений, или при поклонах, внезапно появляться будут мысли спасительные, или руководительные, или пояснительные, надо их замечать и записывать”. Возможно и сам еп. Феофан допускал такую запись, ибо она действительно часто бывает необходима.

Или вот еще — еп. Арсений (Серпуховский) в своем дневнике пишет: „Замечено, что временами приходят в голову добрые мысли, но, к сожалению, они быстро забываются. Эти мысли, как говорит митрополит Московский Филарет, есть искры Божией благодати, которые, исходя от огнезачного Престола Божия, бросаются в наш ум Ангелами

Божиими, но как искры быстро угасают, так и эти мысли мгновенно проходят в нашем уме, всецело занятым бранным, земным. То же нужно сказать и относительно чувств. И добрые, святые чувства временами охватывают наше сердце, но скоро на смену им является все дурное, чувственное. Сердце человека-христианина, освященного Духом святым, можно сравнить со светильником, который временами то вспыхивает, то замирает, то едва мерцает, то ярко горит. Добрые чувства и есть мерцания благодатствованного нашего христианского сердца". И преп. Исаак Сирий пишет, что „один старец на стенах кельи своей написал разные изречения и мысли и, когда спросили его: „что это значит?“, отвечал: „Это — помыслы правды, приходящие ко мне от Ангела, пребывающего со мною, и возникающие во мне естественные правды помышления; записываю же их во время появления их, чтобы при омрачении своем заниматься мне ими, и они избавляли меня от заблуждения" (Слово 34-е).

Итак, вижу, что не только я немощный нуждаюсь в такой записи, но что это делали и великие мужи, а потому, нисколько не колеблясь, признаю свою запись допустимой и полезной.

Божественная Любовь *ждет* нашего *искреннего общения*, нашей *цельной любви*, ждет от нас и словословия за все Ее благодеяния, за каждый час жизни, что бы он ни принес, приятное или неприятное на наш взгляд, ибо горению этих наших чувств суждено стать единственной нашей деятельностью во всю нашу вечность и даже стать личным нашим блаженством, как это отчасти видно из „Откровения" со слов 24-х старцев, которые ни днем, ни ночью не имеют покоя, взывая: ..., „Достоин Ты,

Господи, принять славу и честь и силу, ибо Ты сотворил все, и все по Твоей воле существует и сотворено” (Откр. 4, 8, 11).

И вот, чтобы появляющиеся добрые мысли этих сердечных чувств не терялись у меня бесследно, чтобы возможным стало воспроизвести их и во всякое другое время, полезна запись их. Повторение записанных мыслей и запись новых „искр благодати” развивают в душе труженика потрясающее перед Богом благоговейство, ставят перед ним во весь рост его святые обязанности и, таким образом, поддерживают и укрепляют в нем его возрастающую нераздельность с Господом.

Итак, Богообщение есть делание *рокового* значения, по заверению Самого Спасителя нашего, и требует от нас самого острого внимания, а потому правдиво называют его *внутренним подвигом* каждого христианина. У монашествующих, давших обет ангелоподобно служить Господу во всю жизнь, этот внутренний подвиг особенно остр, и потому считаю письменные заметки от них весьма и весьма необходимыми.

Преп. Серафим Саровский учит: „Цель жизни нашей христианской есть *стяжание Духа Святаго Божия*”. Пользуясь этой его мыслью, некоторые наши толковники Евангельской притчи о десяти девах, совершенно верно говорят, что елей в сосудах дев есть благодать Святого Духа, необходимая для Спасения, что для стяжания ее формального совершения добрых дел отнюдь недостаточно. То есть добрые дела — своим чередом, но не они, собственно, составляют цель жизни христианина. Цель его жизни иная; она есть *приобретение благодати Святаго Духа*, или яснее — приобретение состояния умиленного единения

с Духом Святым и быть под Его водительством, ибо это состояние выше и ценнее самых добрых дел: при нем добрые дела пойдут уже сами собой.

„Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарствует нам и всего?“ (Рим. 8, 32).

Полная мысль преп. Серафима говорит о том, что христианин должен быть *духовен*, то есть должен жить всегда мыслию о Боге, что только при таком условии он может стяжать Духа Святаго. Преподобный Отец так говорит:

„Всякий должен проходить путь свой с благоговением ко всему священному, а не небрежно, должен развивать и укреплять в себе постоянную религиозную настроенность, всякий должен иметь в виду истинную цель жизни нашей христианской, которая состоит в *стяжании Духа Святаго Божия*”.

С чувством приятного удовлетворения воспринимал я эти слова преп. Серафима и приводимое по ним толкование притчи, ибо вижу, что и мои мысли о Богообщении, как-то сами собой слагаясь, ведут к той же святой цели, хотя и выражены другими словами.

Об этой необходимости постоянного единения с Господом и еп. Феофан пишет: „Что такое разумеют под монашеством? Ряса, клобук, четки не Спасителем учреждены, а сила и дух монашества указаны Им Самим в Его собственном Лице, в лице Божией Матери, Предтечи Господня, и всех, можно сказать, Апостолов. Монашество есть, с отстранением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге. Монах тот, у кого так устроено

внутренне, что только есть Бог, да он — исчезающий в Боге!”

Пусть не кажется для некоторых несообразным и заоблачным такое понятие и требование от монаха — в таком же духе высказываются и все учителя монашества. Вот и преп. Исаак Сирий пишет: „Если ты мирянин, то проводи время в занятиях добрыми мирскими делами. А если ты инок, то прославься делами, какими отличаются иноки. Если же намерен заниматься тем и другим, то утратишь то и другое, ... Господь оставил себе в мире работающих Ему и радеющих о чадах Его, и избрал Себе таких, которые служили бы *пред Ним*” (Слово 14-е).

Итак — вот как дорого и необходимо состояние непрерывного Богообщения, особенно для монашествующих!

И как легко и приятно дышится, когда бываем осеняемы этой благодатию!

Так же отрадны, ценны и живительны бывают встречи с истинно духовным, не замкнутым человеком. И однако таких милостей Божиих мы редко-редко сподобляемся.

Видно судьба наша такая — чтоб не надеялись мы много на стороннюю помощь, но и, перенося одиночество, открывали *свою* тропинку ко Господу (имея для этого примеры Святых Отцов) и устремлялись бы сами ко Господу теми силами и способностями, какие получили и получаем от Бога.

Буди же и в этом Его святая воля!

„Если прекратишь шествие, то ум твой окончательно умрет, получив омертвление от неподвижности к добру” (Бл. Феофилакт, „Благогов” 580).

Не дай душе умереть, но питай ее Словом Божиим, псалмами, пением, и песнопениями духовными, чтением душеспасительных писаний, постом, бдением, молитвами, слезами, надеждою и помышлениями о будущиx благах. Все сие и подобное сему есть пища и жизнь души.

(Преп. Ефрем Сирин)

Привлекл еси любовь мя Спасе, и пременял еси Божественным Твоим желанием: но попали огнем невестственным грехи моя, и насытится Твоя пища сподоби: до обое играя, величаю Блаже, величия Твоя.

(Тропарь 9-й песни канона на Преображение Господне)

Глава 2

О ПОСТОЯННОМ ВНУТРЕННЕМ ПОДВИГЕ ДЛЯ МЕНЯ – ВСЕГДА ПРЕБЫВАТЬ В БОГООБЩЕНИИ

Господь сказал: „*Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня*” (Ио. 6, 44).

Вот откуда приятность жребия моего крестного, вот откуда радость моя: Господь призрел на меня, привлек меня!..

И как приятно это сознавать, а еще более — быть всегда с Ним!..

Влечение ко Господу я чувствую с детства. Благодать Божия блюдет меня с юности и, несмотря на мое несоответствие по грехам моим, удостоила принятию в лоно Свое, обручив мою сердечную, хотя и не всегда внимательную любовь Своей Отеческой беспредельной Любви.

*„Кто искренно любит, тот, хотя и падает когда, скоро возвращается к возлюбленному”
(Преп. Нил Синайский).*

И поныне не перестает благий Господь поддерживать во мне Свой огонек: и как желал бы я, чтобы он еще более возгорелся!

Со сладостью сего духовного состояния Он знакомит меня из писаний угодников своих и отчасти через скудный мой духовный опыт. Он пленяет меня желанием приобрести Христово Смирение, Благость, Святыню — иметь все Христово, чтобы через сие Христос жил во мне и никогда не покидал меня.

О, как величественно это влечение! Как оно радует и веселит дух мой! В порывах его я прихожу в восторг, я оживаю..., но ненадолго: рассеянность и другие мои немощи не дают мне укрепиться в этом добром устройении, а от сего и Свет Христов не всегда пребывает со мною, и я, оставляемый, часто скорблю о себе, и только умиляющие примеры привлечения Господом великих грешников и их жизнь потом „яко крин процветшая”, ободряют и окрыляют меня. Подобно им и я, столько благодетельствованный милующей благодатию Божией, всей душой устремляюсь на этот ласкающий душу зов Божий — *ищу быть всегда с Господом!*

„Другого у нас блага нет никакого, кроме того, чтобы соединиться с Богом” (бл. Августин).

„Духовное единение есть непрестанное памятование; оно непрерывно пылает в сердце пламенной любовью” (Преп. Исаак Сирин).

*

Слишком дерзновенной кажется мысль о возможности живого общения моей немощной души с Господом, но именно об этой возможности и даже необходимости учит нас Сам Господь Иисус Христос, именно этим стремлением все мы должны жить.

По бесконечному благоволению Божию к нам, Богообщение должно быть нам естественно и безусловно необходимо. *„Пребудьте во Мне и Я в вас, — говорит Господь. — Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне и Я в нем, тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего. Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают” (Ио. 15, 4-6).*

Это любообщительное слово Спасителя нашего некогда будет судить нас за безрассудное невнимание к нему: *ибо такова есть воля Божия о нас и таков долг наш к нашему Искупителю!*

„Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих, имеет судию себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день” (Ио. 12, 48).

Посему — счастлива и блаженна душа, хранящая сей *новый завет Бога с человеком!* Эта душа еще в сем веке, по словам преп. Макария Египетского, „принимает в себя Святыню Духа за многую веру и за многие молитвы, и делается причастною Божеского естества и, срастворяясь благодатию, может непорочно и чисто исполнять всякую заповедь Божию” (Добротолюбие, т. 1, с. 197).

Это-то состояние постоянного единения с Богом и есть Царствие Божие внутри нас, о котором сказал Господь, что оно *усилием* берется и что, следовательно, без усилия не дастся *никому! никогда!* Одно оно только и может обнадеежить вечное блаженство душе, и если сего соединения с Господом нет, то душа и непригодна для Блаженной вечности: если не вкусит она живого общения с Господом *здесь*, то не способна будет войти в это блаженство *Святых и в вечности.*

Эту непреложную истину яснее можно изложить следующими сравнениями:

Нельзя же в самом деле ожидать, чтобы в будущем веке в гордого, например, вселилась благодать Смирения, в ненавистника и эгоиста — благодать Любви и Милосердия; в блудника — благодать Чистоты и Целомудрия. Такого чуда над собой там никому не дожидаться, ибо эти благодатные качества души чистейшего свойства и *никак* не могут войти в оскверненные души; они даже не из тех, какими обычно, как человеческими, живут на земле, они совершенно неизведаны душой грешника. Они есть *отсвет Божеских совершенств*, и только охотные исполнители Евангельских заповедей за свою любовь ко Господу и послушание воле Его получают их *здесь* от Духа Святаго как свет и теплоту, кото-

рые, осветив и освятив души подвижающихся, возвратятся вместе с восприявшими их обратно, откуда изошли — к Богу.

„Глаголы, ихже дал еси Мне, дах им и тиши прияша” (Ио. 17, 8).

„Дух возвратится к Богу, Который дал его” (Еккл. 12, 7).

И еще пример:

Своенравный, а в будущем, несомненно, изверженный, не заботится теперь о том, чтобы подавить в себе свое „Я”, чтобы подчинить свои понятия Закону Правды Божией. Он теперь живет только по своему греховному умствованию, совершенно оставляя без внимания законы Творца своего. И как ни странно, всегда во всем себя оправдывает, успокаивает и совесть свою мыслью, что Господь с него не взыщет, располагая в душе на какую-то особую милость Божию к себе:

„Чем нечестивый прогневал Бога? тем, что сказал в сердце своем: „Он не взыщет” (Пс. 9, 34).

Но Бог еще здесь отвечает ему в псалме:

„Что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставления Мои, и слова Мои бросаешь за себя?.. — Ты это делал, и Я молчал, ты подумал, что Я такой же как ты. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои грехи твои” (Пс. 49, 16-21).

Итак, легкомысленный напрасно утешает себя надеждой, что Господь по Своему милосердию при-

мет его „верующего в Царство Небесное, или точнее выразиться — примет его в Самого Себя, ибо по словам преп. Антония Великого — „Царство Небесное есть Христос”.

Грешнику характерные черты души праведника совершенно чужды и даже непонятны. Он в земной жизни не только не развивает их в себе, но и сознательно от них уклоняется — как же может он заметить их там? как сможет войти в жизнь праведников, которая будет их внутренней собственностью, будет вся во Христе? — Нет, ничто нечистое не сочетается с Божеством.

„Душа оскверненная не входит в чистое царство и не сочетается с духами святых” (пр. Исаак, 370).

„Всякий от плодов своего пути вкушает — одну половину ныне, а другую в будущем веке” (Доброт., т. 3, с. 79).

„Блага, уготованные от Бога любящим Его и противное тому, уготованное сынам противления, таковы, что ни око того не видало, ни ухо о том не слышало, ни на сердце то не всходило” (Доброт., т. 4, с. 624).

Итак — только уподобясь здесь душевными качествами своему Святейшему Первообразу — Создателю, только слившись с Ним духом своим, т. е. всем направлением своего ума и сердца, можно чувствовать здесь свое единение с Господом.

Но не так просто достигается это изменение себя. Мы бедствуем от заражения грехом: *помышле-*

ние сердца у нас — зло от юности нашей (Быт. 8, 21), даже вся праведность наша — как запачканная одежда (Ис. 64, 6), ибо перемешана со грехом.

„Рыдаю зельне за немощь мысли моя, како не хотя стражду невольное воистину изменение? Сего ради зову: Живоначальная Троице Святая, добрых в стоянии мя учини” (Канон Св. Троице на воскресной полунощнице, Глас 8, песнь 5).

Поэтому в трудах неотложного изменения нам необходимо прибегнуть к весьма серьезному настроению. Установиться в нем может нам помочь единственно одно — *постоянная скорбь и плач сердца пред Богом* о своей шаткости и ничтожестве и непрестанная мольба ко Господу о помиловании, т. е. *непрестанная Иисусова молитва*.

Такое настроение души с постоянным взыванием ко Господу приведет душу, хотя и не вдруг, к решительно необходимому изменению, и удержит ее от всего противного, дабы не лишиться достигнутого единения с Господом.

Без специальных же трудов и постоянства в них, одно желание изменения — во всю жизнь останется желанием. Непокинутая порочность души и эгоизм в обращении с людьми остаются неотделимыми и ведут душу к горькому концу. И поскольку в неустановившейся в добре душе не окажется свойств общих со своим Святейшим Первообразом, то никак не сможет она тогда войти в вечное единение с ним. Следовательно, и теперь — не может быть у нее *никакой надежды на спасение*, как бы она себя ни успокаивала, но несомненно ждет ее вечная мука,

ибо на Суде Божиим и „праведник едва спасется” (1 Петр. 4, 11) и „не оправдается пред Господом ни один из живущих” (Пс. 142, 2).

Таково определение Божие и предупреждение нам!

Отсюда ясно — что если грешник до конца своей жизни не положит начало исправлению себя и не приобретет добродетелей, противоположных своим грехам, то *самопредательски* введет в вечность свою *непригодную* душу, и сам для себя приготовит самый чувствительный бич: *он тогда сам над собой произнесет праведный суд.*

„В тот день каждый, имея непогрешимого судию в совести, не потребует другого обличения, но пойдет связанным сам от себя” (Бл. Феофилакт).

Но представить себя в вечности изверженным от Христа, от Его радости и света — это ужасно! Ужасно и преступно не только пред Ним, Создателем и Благодетелем нашим, но и перед самим собою. Ибо каждый из нас обязан в продолжение всей своей жизни искренно заботиться о спасении своей души и для этого неотложно подвизаться, даже при всей немогущности человеческой природы, — в этом залог нашего единения с Господом здесь, в этом есть залог и будущей вечной нашей жизни в Господе.

„Как магнит привлекает не все, к чему приближается, а только одно железо, так и Бог ко всем приближается, но привлекает только тех, которые способны и обнаруживают некоторое родство с Ним” (Бл. Феофилакт).

„Со смертью все наши отношения к другим и теперешние житейские нужды прекратятся, а созерцание Бога будет единственным предметом нашей духовной деятельности на целую вечность, целью загробной жизни и источником бесконечного блаженства. А кто здесь на земле не приобретет способности и навыка с любовью постоянно взирать на Бога оком ума и веры, и к Нему стремиться сердцем, тот и в вечности может ли зреть Бога лицом к лицу? — Богу известно. Но, вероятно, что к чему человек на земле приобретает расположение и навык, то и будет составлять предмет его желаний и деятельности в вечности” (Еп. Петр „О монашестве”).

Итак, сознание сего нового завета Божия о неотложном пребывании человека в единении с Богом и сознание страшного наказания за пренебрежение сею Его милостью, а также долг бесконечного благодарения за свершившуюся милость Божию надо мною грешным — неуклонно возводит меня на крест добровольных подвижнических трудов, единственно приводящим в сей завет единения с Господом.

Благоговейнейшее признание присутствия Благого Господа со мною всюду, подражание Небесным Сидам в славословии Господа день и ночь, подражание им и в исполнении воли Божией, напряженная борьба за чистоту духа и чувств — составляют для меня целожизненный подвиг: но всегда сотворяемый сокровенною приятностью, ибо весь он посвящен Господу и моему Богообщению, и Сам Бог к нему располагает и ему вспомоществует.

Если же я не чувствую ощутительно присутствия Благого Господа со мною всюду, если не объединяю свой нрав с нравом Господа, и не предаю всю судьбу мою в объятия Отчи — то это не должная жизнь, но бред, самообман и даже самая смерть.

„Господь есть жизнь и свет человеков” (Ил. 1, 4).

„Ибо мы Им живем и движемся и существуем” (Деян. 17, 28).

„От Него, как от высочайшего блага, малейшее уклонение есть настоящая смерть и бедственная погибель” (Преп. Кассиан, с. 327).

Только воспитываясь на этих началах, душа зреет в добре и сама присвоится Богу, а без сего — грубеет и сама присвоится диаволу.

„Посредством памятования водруженная в нас мысль о Боге есть вселение в нас Самого Бога” (Св. Василий Вел.).

Итак, жизнь души в единении с Богом есть подлинная, истинная жизнь! и охраняется она самую искреннюю любовь души ко Господу, любовь способною не только любить Господа, но и страдать по Нем: *„Вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него”* (Фил. 1, 29), и эта постоянно-страдательная любовь ко Господу вовсе не омрачает жизнь, наоборот — радостотворит ее, создает ее: *„Жизнь души есть непрестанное памятование и любление Бога”* (Преп. Антоний Великий).

Так же и Ап. Петр об этом учит:

„Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного. Но как вы участвуете во Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явлении славы Его возрадуетесь и восторжествуете” (1 Петр. 4, 12-13).

Преп. Авва Аполлос Великий говорит: „Монах должен быть всегда весел (т. е. не уныл, жизнерадостен), а если не так — он живет не по-монашески”.

Иисусе претихий монахов радости!

И преп. Авва Иперехий советует: „Мыслью твоей всегда будь в Царствии Небесном, и ты скоро наследуешь оное” — к тому же направлена и моя говеющая мысль. Жизнерадостное состояние, это внутренний рай, эта Пасха души, будет и у меня естественной, когда установится душа моя в Богообщении. Эту благодатную радость Сам Господь в прощальной беседе обещает Своим ученикам, а в лице их и всем нам: *„...Я увижу вас опять, — говорит Господь, — и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас” (Ио. 16, 22).*

И Ап. Павел всех призывает к этой радости: *„Радуйтесь всегда в Господе, и еще говорю: радуйтесь” (Фил. 4, 4).*

Итак, все, что содействует нашему Богообщению, этой истинной радости нашей — умиленная молитва, Богомыслие, Причащение Тела и Крови Христовой, терпение с Христовым молчанием, делание добра всем, даже и недоброжелателям нашим, и подобное сему — поистине вводит нас в этот внутренний рай, в это Царство Небесное еще здесь, на земле. Сего

заповеданного нам состояния души, сего внутренне-го неотъемлемого рая, т. е. Богообщения и путей к нему приводящих, ищу! этой благодати алчу и жажду томительно и пока пересилит меня Господь в нескончаемую жизнь загробную.

К прискорбию моему, это начало Царствия Божия еще бедно во мне, об этом часто говорят факты моего невежества и непостоянства, об этом болезнует душа моя, ибо знаю, что в достигнутой степени развития Царствие Небесное переходит с нами в вечность, а оно у меня еще так неразвито, так неустойчиво. Скорблю, но вспоминая слова Спасителя моего: „Грядущего ко Мне не извержу вон”, и еще: „Не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему” — я мужаюсь в трудничестве моем и уповаю на милость Божию — что во смирении моем помянет и меня Господь, и даст мне окрепнуть на моем пути к Нему. Знаю — как боголюбезно Он снисходит кающимся и ободряет их объятиями любви Своей, как награждает труждающихся, как уверяет, что для того Он и пришел на землю, пострадал, умер и воскрес, чтобы грешников спасти, и быть с нами едино, как об этом Сам Он молится Отцу Небесному в Своей предкрестной молитве: *„Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино”* (Ио. 17, 21).

Святые души по скончании жизни на земле действительно уже вошли в эту радость неразлучного единения с Господом — и мы по благодати Божией того же чаем. И тогда Богообщение наше будет уже вечно, неотходно и даже с возрастанием, — тогда будет Бог всяческая во всех в бесконечные веки (1 Кор. 15, 28).

„Мы никогда не станем преуспевать в добродетели, ни в сем веке, ни в будущем (светом приемля всегда новый свет разума).

И Ангелы, сии умные существа не пребывают без преуспевания, но всегда приемлют славу к славе, и разум к разуму” (Доброт., т. 2, с. 512).

Итак — не занимайте меня ни все тревоги мирские, ни суетные его новости!

„Поведаша мне законопреступницы размышления, но не яко закон Твой, Господи” (Пс. 118, 85).

Не стужайте мне никакие пустые занятия и никакая печаль вражия: я с Господом моим! И тружусь для Господа, и терплю ради Господа, и радуюсь бытием своим для Него! — Хотя и грешен я, но стараюсь быть лучшим, и помня при этом слова Апостола, что *„Прилепляющийся духом своим Господеву един дух есть с Господом”* (1 Кор. 6, 17), а еще более слова Спасителя моего: *„Ядущий Мою плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем”* (Ио. 6, 56), — я, робкий, смело убеждаюсь, что и я в какой-то мере нахожусь в искомом мною Богообщении, и с помощью благодати Божией приду в большую меру, ибо надеюсь несомненно спастись и вечно с Господом быть.

Трудолюбивые подвижники, в поте лица хранящие Богообщение, свидетельствуют, что как тело близко к душе, так и Господь близок к нам. Это они опытом постигли с помощью непрестанно совершаемой ими Иисусовой молитвы.

О, Сладчайший Иисусе! подай и мне от Твоей бла-
гости и милости благодать сей молитвы, а с нею —
дай почувствовать и эту Твою близость ко мне, что-
бы не переживать мне более тягостного сиротского
одиночества!

*„О, душе моя! будем гнаться вслед доброде-
тели усиленно и непрерывно, ибо ревность ис-
правляет и восполняет недостающее и Бог по-
мощником ее бывает. Близ Господь терпя-
щим ради Него и душа ищущая Его обращает
Его” (Преп. Феодор Студит).*

*„Говорю так не потому, чтобы я уже достиг или
усовершенсился, но стремлюсь, не достигну ли и я, как
достиг меня Христос Иисус” (Фил. 3, 12).*

Говорю и пишу об этом неустанно, ибо я так на-
учен от Отцов, что слова — путь к делам, благие к
благим, а худые к худым. И я доброе ведаю, что так
есть, что говорить о лучшем всегда располагает к
лучшему, и что говорить надлежит о хорошем и то-
му, кто не делает хорошего, чтоб, устыдясь своих
слов, начал и делать.

*О, Господи! Не возгнушайся моей скверны, но
прииди и вселися в мя.*

*„Напоминаем благо тем, что оно всегда обновля-
ет душу” (Преп. Феодор Студит).*

В вас, монахах, должен сохраниться остаток благочестия, какой Господь, пришедши, найдет на земле.

(Св. Василий Великий)

Глава 3

ЕСТЬ ИНАЯ ЖИЗНЬ!..

Есть иная жизнь — не та, внешняя, которую только видим, слышим, ощущаем, наслаждаемся и переживаем чувствами. Эта жизнь так обычна и сера, что не представляет ни удивления, ни интереса для высшей части человека.

Есть иная жизнь — невидимая телесными очами, жизнь внутренняя, которая одухотворяет возвышенным, небесным, дышит святостью.

Живут этой жизнью те, которые внутренне *тают* в желаниях невещественного, духовного, Божественного: это состояние их души и есть родство с Самим Источником истинной жизни, хотя по скромности своей природы они этого не представляют.

Они всегда ищут духовного как сродного им, оставляя все низкое, грубое, как тяжесть, обременяющую и стесняющую их мысль, их жизнь, их устремления к высшему, надмирному. Они не связывают себя земной суетой, но ищут иного бытия — упражняются в постижении вещей духовных, ими живут, ими утешаются, все же земное, окружающее их, теряет в их глазах всю свою прелесть, всю свою цену.

Такому направлению душ человеческих Господь дал честь — приблизиться к Нему, искомому ими

Совершенству иными правилами жизни; дал им монашество, дабы в этом чине подвизаясь и мужаясь, они могли, находясь еще здесь, на земле, вкушать начатки иной жизни — жизни небесной.

Честен этот чин — потому что он Ангельский и для равноангельского славословия и служения Богу на земле почтен им человек.

Многие, с любовью труждающиеся в этом чине и своими добродетелями и благодатными дарами, которых удостаиваются от Бога, удивляют всех земных, даже мудрых и сильных века сего.

Именно для ревнителей иного бытия и существует монашество, оно целиком отвечает на внутренние запросы их души.

И как восхитительно бывает видеть, что с таким уклоном ревнители благочестия рождаются среди самых разнообразных слоев общества, иногда даже в самых противоречивых, как они крепнут в самых разнообразных условиях их домашней и общественной жизни, не имея ни приставленных руководителей, ни поощряющих условий, ни образцовых примеров для подражания доброй святой жизни!.. И сколько их было во все времена существования Церкви Христовой, даже в периоды самые трудные для нее! Они с большим подъемом духа, самоотверженно несли тогда эту высокую идею монашества в полном одиночестве, не пользуясь пониманием даже своих близких...

Монахи — это беспокойные искатели иного бытия, искатели подвигов из любви к Богу.

Хотя подвижником должен быть каждый христианин по слову Спасителя: „*Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой и следуй за Мною*” (Мф. 16, 24), но внутренне содержание мо-

нашеской души, конечно, особое, не общее для всех: оно пылает особой любовью к Богу и окрыляется строгими монашескими обетами.

Сущность монашеской души преп. Кассиан так приоткрывает:

„Для монаха мало отречься однажды, т. е. в начале своего обращения презреть настоящее, но надобно ежедневно отвергаться этого. Ибо даже до конца этой жизни нам надобно говорить с пророком: „человеческого дня не желал, Ты, Господи, это знаешь” (Иерем. 17, 16; преп. Кассиан, с. 615).

Вот какова ревность монашеской души! Поэтому стремиться к монашеству следует не как к отличию, но как к подвигу — искать его трудов и тягостей ради того воздаяния, которое готовит Господь Иисус Христос оставившим вся, да Его Единого приобрящут, а с Ним жизнь и радость вечную.

Кто же думает, что монашество не есть тесный путь лишений, а широкая дорога исполнения желаний, тот не вступай на него. Кто не чувствует в себе захватывающей энергии на всю жизнь к исполнению монашеских обетов и особенно к *ежедневному* исполнению келейного молитвенного правила, которым постоянно отображается его покаяние, исповедание и равноангельское горение сердца к Богу — тому не следует давать обеты монашеские, чтобы не оказаться отлученным от Христа за нерадение, ибо по слову преп. Исаака Сирина: „Кто не сохраняет правил монашеского приличия, тот чужд монашеского образа и Христа, даровавшего сей образ”.

В монашестве — с надеждой веруют, с любовью страдают, и сверх надежды получают. Здесь часто бывают под градом клеветы и козней от неприятных стихий, хотящих господствовать над небес-

ными избранниками, но Господь рукою сильною их покрывает и защищает, рукою любви поливает и возвращает, рукою искусною оперирует, да множащий плод принесут.

Однако кто обо всех этих приятных трудностях монашеской жизни раньше много не размышлял, но движимый безотчетным влечением уже дал монашеские обеты, и теперь видит себя отстающим в этом весьма великом ангельском чине, тому не следует отчаиваться, но, болезнуя о своей малоуспеваемости, должно отдавать Богу все свое усердие, представляя Ему и душу и тело в жертву живую, святую, благоприятную.

Следует все же поразмыслить вот о чем. Ведь: „Подвиги не суть что-либо особое от заповедей. Они суть заповеди. Покажи мне подвиги, кроме заповедей. Если укажешь на молитву, — это есть заповедь; если скажешь о низложении помыслов, — и это заповедь (трезвитесь и бодрствуйте); если о посте и бдении, и сие тоже есть заповедь; если укажешь на самоумерщвление — и это заповедь (да отвержется себе); и какое бы ты ни сказал дело подвижнической добродетели — все они суть заповеди” (Добротолюбие, т. 1, с. 486).

Итак, монах по природе своей есть уже подвижник, а если он не подвижник, то он и не монах, но изменник монашеству, дерзкий нарушитель данных Богу обетов, и в загробной вечности его ждет беспримерное наказание.

Монашеская жизнь есть жизнь духа, и заключается она главным образом во внутреннем делании: „во внимательной молитве устной и умной, в плаче сердца, в памятовании смерти, в самоукоренении, в сознании и исповедании греховности своей,

и тому подобных деланиях, совершаемых подвижником внутри души, в самом себе” (Еп. Игнатий Брянчанинов).

Но и все труды инока духовны, потому что каждым делом он старается угодить Богу, и еще потому, что непрестанно освещаются его молитвой и особым монашеским смирением: они и Богу приятны и весьма воспитательно действуют на самого инока.

ИНОЧЕСКОЕ КЕЛЕЙНОЕ ПРАВИЛО

Главное монашеское правило — это быть неотлучно умом и сердцем в Боге, или непрестанно молиться (Еп. Феофан): отсюда у инока — и умение и силы жить по-монашески, отсюда исполнение его обетов.

Такое внутреннее состояние инока может приобрести, если будет много упражняться в молитве, столь много, что молитва станет уже его жизненной потребностью, его дыханием. И Святыми Отцами поэтому узаконено, чтобы иноки ежедневно совершали назначенные им молитвословия, назвав их *Келейным Правилom*, дабы таким постоянным упражнением в молитве они навыкли непрестанной молитве, и были через то внутренне всегда с Богом. Без сего постоянного молитвенного единения с Господом инок не способен проводить иноческую жизнь, но неминуемо обмирщается, отходит „на страну далеche” и есть любодей, ибо не хранит своего ума и сердца и своих обетов Жениху-Христу. Так рассуждает и псалмопевец Давид, говоря: „*Удаляющие себя от Тебя гибнут: Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя. А мне благо приближаться к Богу!*”

На Господа Бога я возложил упование мое..." (Пс. 72, 27-28).

Иноческое Келейное Правило в своем среднем объеме состоит из следующих молитвословий:

У т р о м :

1. Утренние молитвы.
2. Пятисотница.

(Пятисотница в монастырях исполняется вечером, вне же монастыря предоставляется возможности каждого. Думается, что поклоны исполнить после ночного отдыха легче, чем после дневных трудов, и также Пятисотница может служить хорошей заправкой на весь день, если исполнять ее утром. Однако ревнующий да изберет себе полезное.)

3. Помянник.

4. Евангелия ОДНА глава.

5. Апостола ОДНА глава, начиная с Деяний Святых Апостолов и кончая Откровением Св. Апостола Иоанна Богослова.

(По желанию можно читать две главы Апостола. Но тогда последние семь глав Откровения все же читать по одной главе, тогда эти последние главы Откровения совпадут с последними главами Евангелия от Иоанна.)

6. Псалтири ОДНА кафизма. По прочтении двадцати кафизм Псалтири следует прочитать и Пророческие песни, объединяя их по три песни, как бы за одну кафизму.

Примечание: Поминование родных и близких о здравии и упокоении вставлять или на Помяннике или на Псалтири. Если на Псалтири, то на первой „Славе" помянуть о здравии, а на второй о упокое-

нии (третья слава без поминовения). Но лучше поминовение вставлять на Помяннике.

Вечером:

(Хотя ночное время более удобное для молитвы и усердные иноки именно ночью стараются нести молитвенный подвиг, но в стесненной обстановке лучше сообразоваться со своими силами, и с началом Вечернего правила не задерживаться до позднего часа, чтобы исполнить Правило в бодрственном состоянии, а не сонливо. Лучше назначить себе определенный час для начала молитвы и *„ничто да не препятствует тебе исполнить обет благовременно“* (Сир. 18, 22). Допускается все вечернее Правило исполнить во второй половине дня (если есть возможность), оставив на после ужина конечные две молитвы Повечерия: „Нескверная, Неблазная...“ и „И даждь нам Владыко...“ и Молитвы на сон грядущим.)

1. Повечерие малое для половины. После „Верую“ —

2. ТРИ канона: Спасителю, Божией Матери и Ангелу Хранителю.

3. ОДИН акафист — Спасителю или Божией Матери. Чередовать эти акафисты по дням: в воскресенье вечером — Спасителю, в понедельник вечером — Божией Матери, и т. д. Вставлять акафист по 6-ой песне канона Спасителю или Божией Матери.

Спасителю имеются в виду два канона: Иисусу Сладчайшему и Покаянный. Покаянный ему же ирмос: „Помощник и покровитель“ (напечатан в службе по вся дни). Покаянный канон читать под вторник, четверг и субботу. В остальные дни читать канон Иисусу Сладчайшему с акафистом.

Канон Божией Матери имеется в виду Молебный „Многими содержим напастыми”, но под субботу неотложно канон Благовещенский с акафистом. (Иные чередуют и каноны Божией Матери: в день, когда читается канон Иисусу Сладчайшему с акафистом, читают канон Божией Матери „Молебный”, а на второй день, когда читается канон Спасителю Покаянный, читают канон Божией Матери Благовещенский с акафистом. Это предоставляется произволению.

Каноны лучше читать отдельно с их ирмосами. Так же, как каждая песнь канона заканчивается тропарем в честь Божией Матери, и начинать каждую песнь прилично ирмосом в честь Спасителя.)

Канон Ангелу Хранителю имеется в виду не молебный, а обычный (имеющий 4 тропаря).

4. После канонов с акафистом — Достойно есть: Трисвятое, по Отче наш: затем тропари малого Повечерия, Господи помилуй (40). Иже на всякое время: и далее Повечерие до конца.

5. Молитвы на сон грядущим.

Все означенное здесь считать *Келейным Правил*ом, подлежащим ежедневному исполнению. Если же это Правило по обстоятельствам окажется непосильным, тогда следует взять себе за „Правило” один из вариантов. „Сокращенного Правила” см. стр. 178. Догма молитвы — благоговейство пред Богом, слова же молитвы только пособия ему.

Примечания:

1. Если есть желание прибавить к Келейному Правилу что-либо, то сие не возбраняется, только не считать прибавленное обязательным, а так, по возможности. „Высших себя не ищи, т. е. не берись

за то, что превышает твои силы и возможности” (Киево-Печ. Лавры иеросхим. Парфений).

2. Предложенный порядок Правила при нужде можно изменить, т. е. переставить что-либо с утра на вечер или с вечера на утро, только бы в течение суток исполнить все Правило.

3. Если по каким-либо не зависящим причинам Правило, или часть его, останется не выполненным, то в следующие сутки оставшееся не вычитывать. Для другого дня свое Правило: „Всему свое время, и всякой вещи под небом” (Еккл. 3, 1). Но в следующий день постараться восполнить Правило большим усердием, болезнуя о пропущенном, а на исповеди за пропущенное покаяться.

4. Под воскресные дни и под большие праздники, когда совершается всенощное бдение, Правило можно опустить. *Труда ради бденного* можно ограничиться только молитвами на сон грядущим, а утром прибавить к Утренним молитвам, что желательно. Но это при условии, если инок молится за праздничной всенощной и обедней, если же не принимает участия, то ему надлежит исполнить обычное Правило, присовокупив что-либо праздничное, если может.

5. Если инок намерен причаститься, то ему надлежит исполнить обычное вечернее Правило с прибавлением канона очередного по дню, а именно: под понедельник — Архангелам и Ангелам, под вторник — Предтечи, под четверг — Апостолам и Святителю Николаю, под пятницу — Кресту (этим канон заменяется канон Спасителю), под субботу — Всем Святым и За Упокой. Утром надлежит прочитать: канон ко Причащению и молитвы ко Причащению.

Если праздник, то четочное правило опускается, в будни же исполнить и четочное.

6. Земные поклоны на Правиле заменяются поясными: а) в субботу, начиная с пятницы вечера, б) во все праздничные дни, в) в дни, когда совершается полиелейная служба, или служба с пением на Утрени Великого Славословия, г) в дни Предпразднств и Попразднств до самого отдания Праздника.





7. От праздника Рождества Христова до праздника Крещения Господня указаний на сокращение Келейного Правила нет, есть указание только на отмену Пятисотницы в эти дни. Поскольку на практике в этот период многие сокращают Правило, то с этим можно согласиться при условии, если инок бывает ежедневно в этот период на церковных богослужениях; сокращенное правило на этот период см. стр. 178 и сл. Если же не может посещать храм, то ему надлежит исполнять полное Келейное Правило.

8. В Пасхальную седмицу Келейное Правило заменяется Пасхальными песнопениями: вместо утренних и вечерних молитв пропеть или прочитать „Пасхальный час”, а вместо всех других молитвословий, входящих в Келейное Правило, исполнить Пасхальный канон с его Богородичными тропарями.

Некоторые находят нужным прочитывать в Пасхальную седмицу утренние и вечерние молитвы. Это они делают от своего произволения. Сообразуясь с практикой богослужебной, когда в Пасхальную седмицу священником опускаются светильничные молитвы и на Вечерне и на Утрени, уместно заменить и келейные молитвы победными Пасхальными песнопениями, и ими *вполне* удовлетвориться.

В „Правиле ко святому Причащению” (изд. Моск. Синод. типографии, 1893 г.) говорится: „Ведомо

буди, яко во Светлую седмицу Пасхи, вместо вечерних и утренних молитв поются Часы Пасхи, вместо же канона Господу Иисусу и параклиса Богоматери — читается канон Пасхи с Богородичными его, прочие же по днем седмицы опускаются. Канон же и молитвы ко Причащению читаются полностью, предваряемые только троекратным чтением: „Христос воскресе” и с опущением Псалмов и Трисвятого с тропарями после него” (см. Богосл. указ. 1957, с. 156).

9. Знаки в месяцеслове: крестик в круге  и крестик в полукруге  означают бдение; крестик  означает полиелей; красные три точки с полукружием  означают службу с пением Великого Славословия на Утрени.

ЧЕТОЧНОЕ МОЛИТВЕННОЕ ПРАВИЛО

1

Вникая глубже в главный раздел монашеской жизни — жизнь в молитве, приходится удивляться, почему у монашествующих большинства русских монастырей сохранилось предание о трех канонах, что они входят в состав Келейного Правила, хотя о них не упоминается в Чине пострижения, а об Иисусовой молитве, конкретно там упоминаемой и потому составляющей *обет* инока, это предание не сохранилось, за исключением строгих монастырей — Афона, Валаама, Саровской, Оптиной, Глинской пустынь и еще некоторых, где это предание было живуче и Правило Четочное было обязательно.

С таким неразвитым понятием о Четочном Правиле и сейчас некоторые уживаются. Они держатся

мнения, что в Келейное Правило следует включать только три канона, а Иисусовой молитвой советуют молиться вне Правила, т. е. не выделять ей особого времени, а так, за дневными делами творить ее.

Согласиться с таким советом нелегко уже по тому простому понятию, что любому искусству или ремеслу учатся не между прочими делами, а специально посвящают им время. Иисусовой молитве каждый инок по обету своему *обязан* навыкнуть, а не выделяя для нее специально времени, навыкнуть ей нельзя. Отцы-подвижники все молитвословия называли псалмопением, в собственном смысле слова молитву называли молитовкой Иисусовой и ею главным образом молились, ей заботливо навывкали, потому что, молясь ею, легче сохранить себя от рассеянности и проникнуться близостью Господа.

Если даже считать, что навыкнуть молиться непрестанно Иисусовой молитвой недостижимо в создавшейся для нас обстановке, то все же на Четочном Правиле этот обет хотя частично будет выполнен, и навык к ней в какой-то степени привьется, а когда оставят силы в старости или болезни, то приобретенная через Иисусову молитву близость ко Господу доставит великую отраду изнемогающей душе.

„Если монах тогда только молится, когда становится на молитву, то таковой никогда не молится” (Древн. Патерик).

„Без делания молитвы Иисусовой безотраднa жизнь иноческая, если продлится” (Оптинск. старец Анатолий).

Без постоянного молитвенного единения с Господом инок — не инок, а самодовольный истукан. Не-

радивый к Иисусовой молитве, он не считает для себя обязательным исполнять неопустительно и Келейное Правило, а отсюда полное нерадение и о других обетах. Ведя жизнь рассеянную, не сетует, но постоянно обольщая себя какими-то льготами, беспечно обходит предупреждение Господа о том, что только усиленные труженики достигают Царствия Небесного.

Итак, Четочное Правило необходимо — оно есть переходное упражнение к непрестанной Иисусовой молитве, которой присуща непостижимая для нас Божественная сила — хранить подвижника в единении с Богом.

2

При пострижении в монашество иноку вручаются четки с заповещанием:

„Прими, брате, меч духовный, иже есть глагол Божий, ко всегдашней молитве Иисусовой: всегда во имя Господа Иисуса во уме, в сердце и во устех своих имети должен еси, глаголя присно: Господе Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!“

Отсюда ясно видно, что монах дает обет *непрестанной Иисусовой молитвы*, и в связи с этим ему назначается Четочное Молитвенное Правило как обязательное упражнение для навыкновения молиться ею непрестанно.

Четочное Правило входит в состав Келейного Правила наряду с канонами, акафистами, Новым Заветом, Псалтирю.

Кроме Иисусовой молитвы, являющейся в Четочном Правиле фундаментом молитвы, прибавляются здесь молитвенные взывания к Божией Матери,

Ангелу Хранителю и Всем Святым, в небесной помощи которых инок весьма нуждается.

Под именем Четочного Правила разумеется *Пяти-сотница*, а для новоначальных — *Трехсотница*.

Каждодневными молитвенными взываниями и поклонами на Четочном Правиле, а далее в течение дня уже только поддерживая Иисусову молитву по мере сил непрестанно, имеется в виду достигнуть непрерывного единения с Господом, что и составляет *подлинную* жизнь инока.

ПЯТИСОТНИЦА

Н а ч а л о :

Боже, милостив буди мне грешному (поклон).
Боже, очисти грехи моя и помилуй мя (поклон).
Создавший мя Господи, помилуй мя (поклон).
Без числа согреших Господи, прости мя (поклон).
Владычице моя Пресвятая Богородице Дево, спаси мя грешного (поклон).
Ангеле Божий Хранителю мой Святой, от всякого зла сохрани мя (поклон).
Святой Апостоле, или Мучениче, или Преподобный Отче (имя рек) моли Бога о мне грешном (поклон).

После сих семи поклонов читай:

Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас. Аминь.

Слава Тебе Боже наш, слава Тебе. Царю Небесный: Трисвятое: по Отче наш: Господи помилуй (12): Слава и ныне: Приидите поклонимся: Помилуй мя Боже: Верую. (Это „обычное начало” исполняется полностью, если Пятисотница совершается отдельно от других молитвословий. Если же присоединяется к молитвословиям, напр., к Утренним мо-

литвам, тогда это „обычное начало” *все* опускается, т. к. оно уже исполнено в начале молитвословия. Но в таком случае начальные *семь* поклонов нужно исполнить перед началом молитвословия. По окончании Утренних молитв, сразу начинаем первую сотницу Иисусовых молитв.) И начинаем первую сотницу Иисусовых молитв в следующем порядке:

10 земных поклонов с молитвою: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!

20 поясных поклонов с тою же молитвою, 69 молитв без поклонов

и последняя (сотая) молитва с земным поклоном. И читается молитва Божией Матери: „Пресвятая Владычица моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами...” (положена в конце Утренних молитв), и по окончании этой молитвы земной поклон.

Так исполняются и еще две сотницы молитв Иисусовых.

В таком же порядке исполняется и четвертая сотница молитв Божией Матери:

10 земных поклонов с молитвою: Владычице моя Пресвятая Богородице Дево, спаси мя грешного!

20 поясных поклонов с тою же молитвою, 69 молитв без поклонов

и последняя (сотая) молитва с земным поклоном, и опять та же молитва Божией Матери (утренняя) с земным поклоном.

Пятая сотница делится пополам:

50 молитв Ангелу Хранителю и

50 молитв Всем Святым в следующем порядке:

Ангелу Хранителю:

5 земных поклонов с молитвою: Святыи Ангеле Божий, Хранителю мой, моли Бога о мне грешном!

10 поясных поклонов с тою же молитвою, 34 молитвы без поклонов

и последняя (пятидесятая) с земным поклоном, и опять та же молитва Божией Матери с земным поклоном.

Всем Святым:

5 земных поклонов с молитвою: Все Святии, молитесь Бога о мне грешном!

10 поясных поклонов с тою же молитвою

34 молитвы без поклонов

и последняя (пятидесятая) молитва с земным поклоном, и опять та же молитва Божией Матери с земным поклоном.

По сем: Достойно есть: Слава и Ныне, Господи помилуй (3) Благослови. Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь.

(Окончание „Достойно есть” и далее не читать здесь, если вслед за Пятисотницею продолжается молитвословие. Это „окончание” переносится на конец всего Молитвенного Правила.)

ТРЕХСОТНИЦА

(для новоначальных)

Порядок Трехсотницы такой же, как и Пятисотницы, разница только та, что Спасителю здесь не три сотницы, а одна.

Примечание:

1. Земные поклоны заменяются поясными: а) в субботу, б) в дни, когда совершается полиелейная служба, или служба с пением Великого Славословия и в дни Предпразднств и Попразднств, до самого отдания Праздника. В эти дни земные поклоны заменяются поясными не только на Четочном Правиле, но и на Помяннике и во все другие моменты, когда они обычно употребляются на келейной и церковной молитве.

2. Четочное Правило совсем отменяется в дни, когда совершается Всенощное бдение и во все воскресные дни, хотя бы бдение не совершалось, а совершалась вечером только одна Вечерня отдельно от Утрени.

3. Отменяется Четочное Правило также в дни от праздника Рождества Христова до праздника Крещения Господня — 13 дней, и от среды Страстной седмицы* до недели Антипасхи (недели о Фоме). Далее, от отдания Пятидесятницы, Четочное Правило исполняется с поясными поклонами, как и во все другие Попразднства.

4. В случае болезни, не позволяющей класть земные поклоны, таковые заменяются поясными, а если и эти не под силу, то Правило исполняется вообще без поклонов, или даже лежа в постели.

* Если Пятисотницу принято исполнять утром, то в Великую Среду Четочное Правило надлежит еще исполнить. Если же принято исполнять ее вечерами, то она уже исполнена накануне Среды.

ПРОИЗВОЛЕНИЕ ОТ ЛИЧНОГО ОПЫТА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПЯТИСОТНИЦЫ

Иисусова молитва по своей как бы однословности и смиренно-покаянному устремлению легко и просто приводит душу в собранность и умиление. Но и тут немощь души часто обнаруживается. Бывает, что от однообразия этой молитвы горение духа у молящегося постепенно тускнеет, умиление уменьшается, а затем и совсем прерывается, и молитва далее исполняется механически, т. е. без горения и сочувствия души. Не страдают этим разве только преуспевшие.

Чтобы сохранить эту свою молитву немеркнущей, Отцы-подвижники, учась своим личным опытом, по-разному навывкали ей. Одни допускали и другим советовали прибавлять к этой молитве свои слова, особенно умиляющие душу (преп. Серафим Саровский, Еп. Феофан); другие же, наоборот, и эту краткую молитву сокращали (иноки Калист и Игнатий, Доброт., т. 5, с. 370). То и другое несомненно зависело от их духовных потребностей, или от их благомысленного настроения.

Чтобы и нам достигнуть всегда желательной цели, т. е. чтобы свою молитву скорее оживить и иметь ее такою до конца на Пятисотнице, позволительно и нам пользоваться своим опытом, т. е. допустить *свое* богомыслие по нашим нуждам, в помощь своей малоспособности.

Душа инока в приближении к Богу требует развития образовательного и созерцательного — это и преподается ей: первое — в вычитывании канонов, псалмов и других молитвословий, входящих в состав Келейного Правила; второе — преподается

в кратенькой молитовке, часто повторяемой по четкам или без них. Тем и другим видом молитвы душа постепенно образовывается, т. е. духовно развивается, и приобретает внутреннюю *непрестанную* молитву, а она и есть наше единение с Богом. Хотя сила молитвенная вырастает из обоих видов молитв, но преимущественно, конечно, принадлежит второму виду, и в вечности пребудет с нами только второй вид: там слово прекратится, жить же там и действовать будет дух, подобно Ангельскому.

„Молчание есть таинство будущего века, а слова суть орудия этого мира” (Преп. Исаак Сир. с. 180).

„Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко: потому, что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою” (Еп. Игнатий Брянчанинов, т. 1, с. 256).

Насколько развитие второго вида молитвы необходимо еще здесь, можно убедиться опытно, например, во время болезни, когда больной лишается сил для вычитывания молитвословий и ограничивается только возношением духа своего ко Господу, более или менее развитого раньше в молитвенных подвигах.

Или еще более яркий пример.

Когда прор. Моисей вывел евреев из Египта и египтяне настигли их у Черного моря, то евреи тогда зароптали на Моисея, зачем он вывел их в пустыню, и вот им грозит теперь погибнуть от меча египтян.

Моисей в этой крайности только духом своим взмолился ко Господу, и Господь тотчас же ответил ему: „Моисее, Моисее, что вопиеша ко Мне? подними жезл твой, и простири руку твою на море и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше” (Исх. 14, 15, 16).

Итак, этот вид молитвы (созерцательный) может получить развитие у того, кто часто обращается ко Господу умно-сердечным припаданием.

Из Евангелия мы знаем, что Спаситель наш часто уединялся для молитвы. Но Гефсиманская Его молитва была особенно напряженная — как предсмертная: и у монаха, умирающего каждый день, по слову Апостола, часть суточной его молитвы должна быть особенно напряженной — как бы предсмертной. Такой молитвой может быть у него созерцательная молитва Пятисотницы*, совершаемая с применением особых молитвенных чувств на каждой сотнице и — „с воплем крепким” души.

„Кто плачет о грехе, тот духовно радуется здесь, — а тем более там” (Бл. Феофилакт).

Иисусова молитва, как и каждое усовершенное дело, подсказывает подвизающемуся, что нужно применить, чтобы, молясь, сохранить умиление неотходным.

* Гефсиманская молитва Спасителя длилась один час, так же и Пятисотница должна длиться один час или около часа, и рассеянность на Пятисотнице нужно отгонять самоукорением, применяя к себе слова Спасителя, сказанные Им в укор Апостолам: „Так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною” (Мф. 26, 40).

Одним из вариантов, практически создавшемся и хорошо выражающим нужды души при исполнении Пятисотницы, можно считать следующий.

В начале первых трех сотниц допустить прибавление своих слов к Иисусовой молитве по своим духовным нуждам, а затем до конца сотницы молиться Иисусовой молитвой без прибавления своих слов, но на фоне выраженной ими мысли, и только сотую молитву произнести с прибавлением тех же своих слов*.

А. В начале первой сотницы произнести *три раза: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Создателю и Благодетелю мой Преблагий, помилуй мя грешного!* — а далее до конца сотницы произносить Иисусову молитву без прибавления своих слов, но имея в виду все милости Господа, Создателя и Благодетеля, какими Он окружает меня, каких я и не чаял видеть, и себя ленивого, безответного должника, даже обетов своих не исполняющего — с воплем крепким души (безмолвно) умолять Господа: помилуй мя падшее создание Твое, и Свой милости, аще возможно еще и еще продли ко мне, хотя и недостойному их!

В начале второй сотницы произнести *три раза: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Искупителю мой Дражайший, помилуй мя грешного!* — а далее до конца сотницы произносить Иисусову молитву без прибавления своих слов, но имея в виду всю нравоучительную и вместе многоскорбную жизнь

* При слабости памяти такое прибавление своих слов в начале сотницы, а затем направляющая их мысль, облегчает и счет сотниц.

Спасителя на земле, и особенно принятие Им крестных страданий и смерти — все это совершившееся от Его любви к нам, чтобы спасти нас от вечного ада и возвести на небо — с воплем крепким души (безмолвно) умолять Его: помилуй мя безответного должника, оскорбляющего Тебя непамятливостью сего схождения Твоего на землю и сей жертвенной любви Твоей ради моего спасения, но еще и уязвляющего Тебя грехами моими по безумной рассеянности моей!

В начале третьей сотницы произнести три раза: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, не возгнушайся моей скверны, но прииди и вселися в мя!* — а далее до конца сотницы произносить Иисусову молитву без прибавления своих слов, но имея в виду всю свою греховную скверну, с воплем крепким души (безмолвно) умолять Господа: ... Господи, Ты видишь мою немощь, не возгнушайся, не покидай меня, но измени меня и живи во мне, и мне дай жить в Тебе, ибо если оставишь меня за мое недостойнство, то я еще отсюда погибну на веки, как не имеющий части с Тобою.

Несмотря на кажущуюся сложность мыслей из сотниц, ум обладает способностью мгновенно все их объединить в своем представлении (и благодеяния Божия, и свою задолженность и греховность перед Богом, и свои благодарственные и покаянно-молебные чувства) и выразить их как бы одним словом в молитве Иисусовой, которая далее произносится без прибавления своих слов. Этому объединению мыслей много способствует то, что означенные прибавления к Иисусовой молитве в начале сотниц восторгают душу новыми переживаниями, и сердце и ум все их быстро вме-

щают и взывают с новым, возрастающим подъемом.

Упомянутые на сотницах мысли и мольбы необходимо носить и развивать в душе ежедневно во всю жизнь, как догматические для личной жизни: вот они и вводятся в Молитвенное Правило Пятисотницы, и здесь порознь развиваются.

„При молитве Иисусовой Богомыслие все же необходимо: иначе это сухая пища” (Еп. Феофан).

„Рассуждаю, что разность и разнообразие молитв полезны по той причине, что единообразием душа нередко приводится в какое-то равнодушие и рассеяние, а переменюю и разнообразием вожделение сие приобретает новые силы, и трезвенность обновляется” (Св. Василий Вел., Древн. иноч. уст., 312).

Так же и в начале четвертой сотницы на первых трех молитвах к Божией Матери полезно прибавить следующие свои слова: *Владычице моя, Пресвятая Богородице Дево, спаси мя грешнаго и в час смерти и Суда Страшного защити мя беднаго!* – а далее до конца сотницы молиться Божией Матери без прибавления своих слов, но скорбью проникшись к своей греховности, с воплем крепким души (безмолвно) умолять Ее: *„Защити мя здесь от всех напастей и стужающих страстей, и в час смерти и на Суде Страшном от муки вечной”.*

Вообще нам необходимо развивать в себе память о смерти, и на Пятисотнице этой мыслью уместно особо заняться.

Почему же молясь Божией Матери, имею в виду свою кончину? — Потому, что вообще все у нас посвящается Ее покровительству.

Если приглядимся, то увидим, что вся наша жизнь и все наши молитвы церковные и келейные поручаются Святою Церковью покровительству Божией Матери, ибо Она, как Матерь Спасителя нашего, пользуется великим дерзновением. И Святая Церковь всегда молит Ее присоединить Свою молитву к нашим молитвам и представить их Господу.

Все ектеньи, все стихиры и тропари, все песни канонов, все прочие молитвословия в службах церковных завершаются у нас мольбой к Божией Матери. То же видим и в Келейном Правиле, и особенно в Пятисотнице, которая по своим разделам заканчивается всеобъемлющей молитвой к Божией Матери.

Но что особенно для нас приятно и дорого, так это то, что Святая Церковь назначила петь Ей, Всесильной Ходатаице, молебный канон при исходе души, когда мы особенно нуждаемся в Ее помощи и защите.

Имея в виду такую веру нашей Святой Церкви к Божией Матери и развивая вместе с тем свою личную веру к Ней, уместно на Пятисотнице помолиться Ей о своем смертном часе. Уместно здесь просить Ее: защити нас в сей жизни от всех бед и напастей совне находящихся и от стужающих нам внутренних страстей, в час кончины нашей защити от демонов, и — на Страшном Суде Божиим, когда будет определяться наша вечная судьба. Именно все эти нужды наши полно выражены в конце молитвы к Божией Матери „Нескверная, Неблазная” (на Повечерии).

На первой половине пятой сотницы, молясь Ангелу Хранителю, мне также необходимо сокрушаться

сознанием о своей греховности, и умоляюще просить Ангела, чтобы неотступно хранил меня и ходатайствовал за меня пред Богом, ибо сознаю, что

„Хотя все мы имеем Ангелов, но Ангелы грешников, как бы стыдясь за наше недерзновение, и сами не имеют смелости созерцать лице Божие и даже молиться за нас; Ангелы же смиренных созерцают лице Божие, потому что имеют дерзновение” (Бл. Феофилакт).

На второй половине пятой сотницы, где положено молиться Всем Святым, можно присоединить в начале три молитвы своему угоднику, имя которого носим. Например: *Преподобне Отче Антоние и вси Святии, молитвe Бога о мне грешном!* – а далее до конца полусотницы молиться: *Вси Святии, молитвe Бога о мне грешном!* обнимая при этом своим сердцем и своих тезоименных угодников по постригу и от рождения, и Всех Святых, ведомых нам и не ведомых, т. е. прославленных земной Церковью и не прославленных, и молиться им на фоне таких своих молебных чувств: *..., да не погибну, но да спасуся вашими молитвами*”. На последней же пятидесятой молитве упомянуть опять своих тезоименных угодников, как и в начале.

Б. При исполнении Четочного Правила иноку удобно исполнить свой долг, ускользящий из его внимания – долг молитвы *за весь мир*.

Поскольку монашествующие всегда были молитвенниками за весь мир, и частно к ним всегда обращались и обращаются верующие с просьбой помолиться за них, то естественно, эта обязанность молиться за мир и сейчас лежит на монаше-

ствующих, хотя они и очень победнели духовно, в сравнении с монашествующими первых веков.

Епископ Петр в своей книге „О монашестве” говорит: „Святые подвижники, без сомнения, дорого ценят вечное спасение как свое, так и ближних; потому всегда изливают теплые молитвы к Отцу Небесному о благосостоянии и спасении всего мира, зная, что молиться о спасении ближних значит, по желанию Искупителя нашего Иисуса Христа, содействовать Его попечению о спасении каждого человека” (Тим. 2, 4; Гал. 6, 2). Посему, по искренней и теплой любви к своему Спасителю с любовью молятся и о спасении каждого человека, так как для искупления каждого грешника Сам Иисус Христос распялся.

Св. Иоанн Златоуст говорит, что отшельники молятся за целый мир, и молитвы их привлекают к нам милосердие и благословение Божие. Добродетели монахов, говорит он, есть хранение всей земли. Добродетели их покрывают пороки людей. Монашеские обеты, говорит Григорий Великий, суть спасение мира. Ими война и моровая язва отвращаются, и в доказательство сего говорит, что молитвами святых дев, которых было в городе до 3000, Рим спасся от оружия лонгобардов. А св. Дмитрий Ростовский говорит, что „молитвами иноков Господь содержит сей мир. Хотя кому и малы кажутся иноческие молитвы, но они весь мир укрепляют” (сс. 141 и 143).

Итак, чтобы иноку по неведению или по ложному смирению не остаться в этом долгу, ему надлежит понести посильную долю и сего труда. Он может удобно исполнить этот свой долг хотя частично на Четочном Правиле следующим образом.

Перебирая мелкие узелки четок с молитвой за себя, крупные узелки можно иметь для молитвы за весь мир, и особенно за всех православных христиан.

По данной каждому благодати каждый может изложить такую молитву по-своему. Она может быть и в таком изложении:

Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй всех нас грешных, наипаче же православных христиан, страждущих от насилия злых человек, изряднее же иночествующих отец и братьев наших, отцов моих духовных, сродников моих, благодетелей, заповедавших мне недостойному молиться о них, болящих, скорбящих, в темницах и изгнании сущих, и всех просящих Твоея помощи и заступления. Спаси их и мене с ними, и соблюди всех нас для вечная блаженная жизни, яко благ еси и человеколюбец (земной поклон).

Эту молитву произнести на первом крупном узелке трех сотниц Спасителю, а на остальных крупных узелках произносить: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй всех нас грешных! (на первых трех крупных узелках земные поклоны, а на остальных шести — поясные).

Такую же молитву можно произносить и к Божией Матери на четвертой сотнице и на первом крупном узелке: Владычице моя, Пресвятая Богородице Дево, спаси всех нас грешных, наипаче же православных христиан, страждущих от насилия злых человек, изряднее же иночествующих отец и братьев наших, отцов моих духовных, сродников моих, благодетелей, заповедавших мне недостойному молиться о них, болящих, скорбящих, в темницах и изгнании сущих, и всех просящих Твоей помощи и заступления, спаси их и мене с ними, и соблюди всех

нас для вечной жизни, яко благая и чадолюбивая Мати наша! (земной поклон).

На остальных крупных узелках сотницы произносить: Владычице моя, Пресвятая Богородице Дево, спаси всех нас грешных! (на первых трех крупных узелках земные поклоны, а на остальных шести — поясные).

Молясь на крупных четках о всех христианах и о близких своих, следует иметь об них те же заботливые молитвенные чувства, какие приспособлены и переживаются за себя на каждой сотнице.

„Блажены плачущие не о своих только грехах, но и о грехах ближних” (Бл. Феофилакт, с. 32).

На пятой сотнице на крупных узелках произносить просто: Все Святые Ангелы Божии, хранители наши, молитесь Бога о всех нас грешных! и: Все Святые, молитесь Бога о всех нас грешных!

На первом крупном узелке получетки земной поклон, а на остальных крупных — поясные.

В. Если на иночествующих лежит особая обязанность молиться *за всех*, то молитва о здравии, очевидно, есть первая ее половина, вторая же ее половина есть молитва о упокоении всех во благочестии и вере скончавшихся.

Это уже сверх Пятисотницы или Трехсотницы.

Но как молитва за себя на Пятисотнице преимуществует над молитвой за всех христиан живых, так и молитва о упокоении родителей и сродников почивших и за кого особенно обязан каждый из нас молиться преимуществует над молитвой за всех по-

чивших христиан. Поэтому молиться об усопших по четкам можно такой кратенькой молитовкой:

Упокой Господи почивших родителей и сродников моих, и всех мною поминаемых! а на крупных узелках: *Упокой Господи всех православных христиан, в вере скончавшихся!* Молиться в таком же порядке: 5 земных поклонов, 10 поясных, 34 молитвы без поклонов и последняя (пятидесятая) с земным поклоном.

На первом крупном узелке за всех почивших христиан — земной поклон, а на остальных трех — поясные.

По окончании моления (по четкам) за усопших прочитать молитву заключительную:

Помяни, Господи, Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставльшыяся рабы Твоя, почивших родителей моих (...) и сродников моих почивших (...) и всех вписанных в моем синодике о упокоении и мною поминаемых и всех православных христиан в вере скончавшихся, и яко благ и Человеколюбец отпущаяй грехи и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная их согрешения и невольная: избави их вечныя муки и огня геенскаго, и даруй им причастие и наслаждение вечных Твоих благ, уготованных любящим Тя: аще бо и согрешиша, но не отступиша от Тебе, и несумненно во Отца, и Сына, и Святаго Духа, Бога тя в Троице славимаго вероваша, и Единицу в Троице и Троицу во Единстве православне даже до последнего своего издыхания исповедаша. Тем же милостив им буди, и веру, яже в Тя, вместо дел внемл, и со святыми Твоими яко щедр упокой: несть бо человек, иже поживет и не согрешит, токмо Ты един еси кроме всякого греха, и правда Твоя, правда во веки: и Ты еси

един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия: и Тебе славу возсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков, аминь (поклон).

Примечание: 1. Могут мне возразить, что поскольку Помянник входит в состав Келейного Правила, то не следует удлинять Правило повторением того же рода молитвой.

Ответ: 1. И Помянник и этот вид молитвы вытекает из той же заповеди Апостола и святых Отцов молиться за всех. Но Помянник предусмотрен с поминовением имен и перечислением разных групп общества христианского, а здесь без этого. Поэтому, если когда п о н у ж д е необходимо сократить Правило, то Помянник можно опустить, ибо на четочной молитве общим поминовением помянуты все. Если же нет нужды сокращать Правило, то следует то и другое исполнять, не пропускать: четочная молитва относится к более сосредоточенной молитве и ею необходимо помолиться за всех.

2. При таком исполнении Четочного Правила можно не перечитывать ежедневно имена всего своего синодика, особенно если на чтение его идет много времени. На Помяннике или на Псалтири можно помянуть о здравии и о упокоении самых близких и самых обязательных, все же синодик можно помянуть раз в неделю — в воскресенье, или еще раз, если случится на неделе праздник с бдением, когда Четочное Правило отменяется.

3. Когда мы молимся о всех почивших в вере и поминаем вместе и тех, которые не только не старались благоугождать Богу жизнью своей, но и, прельстившись духом времени, пошатнулись в вере, то, молясь о них, мы исполняем долг л ю б в и

христианской и, болезнуя о них, предоставляем их милосердию Божию.

О КЕЛЕЙНОМ ПРАВИЛЕ НОВОНАЧАЛЬНЫХ (рясофорных)

Большое значение имеет для новоначальных приобрести навык ежедневного исполнения Келейного Правила.

Но поскольку новоначальные по занятости своей всегда делятся на имеющих *более* или *менее* времени для молитвы, то и Келейное Правило назначается им не одно. Для первых — полное Правило, т. е. общее для всех иноков, для вторых — уменьшенное, чтобы и этим было под силу исполнять его *е ж е д н е в н о*.

ПРАВИЛО НОВОНАЧАЛЬНЫХ УМЕНЬШЕННОЕ

У т р о м :

1. Молитвы утренние.
2. Трехсотница.
3. Помянник.
4. Евангелие — дневное зачало по указанию, или часть главы.
5. Апостол — дневное зачало по указателю, или часть главы.
6. Псалтирь — одну или две „Славы” (по возможности).

В е ч е р о м :

1. Начало обычное: Молитвами Святых Отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь. Слава Тебе Боже наш, слава Тебе. Царю

Небесный: Трисвятое: по Отче наш: Господи помилуй (12), Слава и ныне: Приидите поклонимся: Помилуй мя Боже: Верую.

2. Один канон или один акафист — Спасителю или Божией Матери, или канон Ангелу Хранителю, чередуя их по дням

3. Молитвы на сон грядущим.

О СОКРАЩЕНИИ КЕЛЕЙНОГО ПРАВИЛА (по нужде)

Вообще инок обязан ежедневно совершать полное Келейное Правило. Но иногда бывает, что обстоятельства сему препятствуют.

Чтобы сохранить мир душевный и исполнить свой долг молитвы, иноку нужно понимать так:

что состав Келейного Правила, данный нам Святыми Отцами, не есть догма, от которой нельзя отступить ни на иоту;

что состав Правила дан для нормального развития души в ее приближении к Богу, ибо эти упражнения в молитве есть действительный, верный путь к достижению этой великой цели;

что догма Правила есть — *трепетное благоговейство на Правиле пред Богом.*

Поэтому, если случаются препятствия к совершению полного Правила, то на эти препятствия нужно смотреть, как на случайные. Не допуская расстройства души, следует сократить Правило, но при этом сохранять благоговейство души перед Богом в *полной мере.*

Препятствия могут быть разные: приключившееся болезненное недомогание, или случайное физи-

ческое переутомление, неотложное срочное дело, случайный посетитель, неудобства в пути и другие помехи, стоящие внимания.

При всех таких затруднениях необходимо сознательно сократить Правило в меру возможности, но, сократив, исполнить его благоговейно. Можно заметить все Правило молитвой Иисусовой с поклонами или без поклонов (в посильном количестве). Однако, сокращая Правило, нужно опасаться поблажки себе — чтобы совесть не могла попрекнуть в том, что мог потрудиться больше и не приложил старания.

Частого сокращения Правила нужно все же опасаться, ибо это может вредно отразиться на душе инока: сокращение может войти в норму, развить несерьезность взгляда на Правило, а затем пойдет нерадение, беспечность, а за ними — горькое лишение благодати Божией.

Если инок живет в весьма стесненных условиях, то ему нужно взять для себя *посильное* Правило и исполнять его ежедневно.

По выражению старцев — „праведнику правило не лежит”, т. е. праведник вне правил: для его молитвенного Правила границ не существует, он вообще много молится, но и краткая его молитва всегда сильная, — и каждому иноку нужно расти в эту меру молитвенного возраста. Другими словами: инок должен всегда много молиться, чтобы, и когда лишается удобств для молитвы, его сокращенная молитва была сильная.

Итак — только небрежность, сопряженная с потерю страха Божия, делает нас виновными перед Господом за опущение Правил. „Возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего”, говорит

Псалмопевец (Пс. 37, 6), имея в виду неразумие наше при беспечности.

Для правильного понятия — что существенно необходимо при исполнении молитвенного Правила, и особенно при сокращении его по нужде, может авторитетно послужить объяснение отца Иоанна Кронштадтского. (Взято из „Воспоминаний игумении Леушинского монастыря Таисии“.)

„— С принятием сана начальственного, — спрашивала м. Таисия, — я мало молюсь, Батюшка; вечером не знаешь, как до подушки добратся, так умаясь от дневных дел и забот, а утром, прежде чем еще я встану, дела встанут, и лишь отворишь дверь, то едва ли вернешься для молитвы.

— Не во многоглаголании молитва и спасение, — ответил Батюшка. — Читай хотя и не много молитв, но с сознанием и теплотою в сердце. А главное — в течение целого дня имей *память о Боге*, т. е. тайную внутреннюю молитву. Я и сам не имею времени выстаивать продолжительные монастырские службы; но везде и всегда: иду ли я, еду ли, сижу или лежу — мысль о Боге никогда не покидает меня, я молюсь Ему духом, мысленно предстою Ему и созерцаю Его пред собой; мысль о близости Его ко мне никогда не покидает меня” (с. 10).

На первый взгляд ответ Батюшки кажется весьма снисходительным, но в действительности его ответ весьма требовательный. Это и есть самый трудный подвиг — чтобы не только предстоя на молитве, но и в течение всего дня „иметь память о Боге, т. е. тайную внутреннюю молитву”.

Господь, конечно, оценит труд долгого предстояния на молитве, совершаемый с горением сердца, но если нет свободы для долгого предстояния, т. е.

чтобы исполнить полное молитвенное Правило, то и сокращенное Правило с теплотою сердца исполненное будет принято Господом и вменится в полное Правило, ибо сам Господь знает попущенное Им затруднение.

Итак после всего высказанного нужно еще раз повторить: что если не удалось исполнить Правило по каким бы то ни было причинам, то в следующий день нужно постараться восполнить Правило большим усердием и поболезновать о потерянном, а на исповеди за пропущенное покаяться.

В зависимости от обстоятельств, Келейное Правило может быть сокращено т а к :

Первый вариант

1. Утренние и вечерние молитвы.

2. Три канона (без акафиста), или акафист и два канона, или — вместо канонов и акафиста — Пяти-сотница или даже Трехсотница.

3. Вместо Помянника — молитва: „Ненавидящих и обидящих...”.

4. Евангелия — дневное зачало по указателю, или часть главы.

5. Апостола — дневное зачало по указателю, или часть главы.

6. Псалтири — одну „Славу”.

Второй вариант

1. Утренние и вечерние молитвы.

2. Один канон или один акафист — Спасителю или Божией Матери, или канон Ангелу Хранителю.

3. Евангелие — дневное зачало по указателю, или часть главы.

4. Молитву: „Ненавидящих и обидящих...” Если же и это неудобовыполнимо, тогда, что возможно, но только с любовью и горением сердца.

ЕЩЕ О КЕЛЕЙНОМ ПРАВИЛЕ

Основное дело инока есть молитва, а всякое другое дело, каким бы он ни занимался, есть *подделие*, — так учат Святые Отцы-подвижники.

Почему же они так смотрели на это делание молитвы для инока?

Потому, что инок носит чин небесных Ангелов, непрестанно славословящих Господа, и ему надлежит в должной мере подготовиться здесь для полной способности участвовать с Ангелами в их прославлении Господа во всю вечность.

На удлинённой келейной молитве у инока происходит обогащение его духовных сил для предстоящего ему делания в вечности, путем средоточия их в постоянных упражнениях. Только здесь на Келейном Правиле — вычитывая псалмы, каноны, акафисты, Священное Писание и молясь по четкам — инок входит в сферу своей духовной жизни, незаметно возрастая и укрепляясь благодатию.

Здесь он особенно проникается зависимыми чувствами к Богу и видит свою человеческую порчу, во всей ее неприглядности. Перед благостным Отцом Небесным инок раскрывает здесь всю свою душу и, представляя себя переходящим в загробную вечность с бременем томящих его грехов, казнит себя перед Богом с сокрушением и, с боль-

шой тревогой за себя, просит у Господа милости, которую и получает еще здесь.

В соответствии с его сокрушением на молитве, Господь тут же на молитве дает ему вкусить и радости духовной, выразить которую словами нельзя, ее только чувствуют, переживают. Самое предстояние инока на молитве доставляет ему неземное утешение, радости же его отображаются умилением.

Таким развивающимся самопознанием и полной преданностью Господу душа инока ежедневно и ежечасно проясняется, и Келейное Правило, являясь сильным пособием для выражения всех его духовных чувств, постепенно преобразует его в мужа совершенна. Вот что представляет для инока Келейное Правило, вот что оно таит для него в себе, вот почему оно и совершается иноком неопустительно ежедневно и совершается им всегда как бы приболезненно — от всего ума и сердца.

„Когда молюсь — тогда только чувствую, что живу настоящей, действительной жизнью” (Митр. Моск. Филарет).

Отсюда можно усмотреть, как неразумно поступает инок, если смотрит на исполнение Правила не целеустремленно, а как на обязанность „вычитать” Правило, и этой вычиткой удовлетворяется, называя ее молитвой. Таким исполнением Правила он сам себя только обманывает, только тешит и питает своего внутреннего фарисея.

Но еще хуже, когда другой вообще нерадив к исполнению Келейного Правила и совсем опускает его, оправдывая себя всякими причинами. Тут уже не жди ничего — не только духовной жизни, но и

намеков на нее, потому что здесь без всякой жалости ликвидируется в сознании инока его первейший и самый жизненный обет — обет пребывать всегда в молитве, а через нее — с Богом и в Боге.

В монастырях Келейное Правило в своем объеме было не одинаково — где оно было очень обширное, а где и покороче, но как в том, так и в другом случае исполнители установленного Правила мирно им удовлетворялись, как благословенным.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) об установлении Келейного Правила высказывается так: „Келейное Правило состоит из известного числа молитв и псалмов, из упражнения молитвой Иисусовой. Оно назначается для каждого, сообразно силам души и тела. Люди так различествуют между собою в отношении к крепости, что иные утомляются от тридцати земных поклонов более, нежели другие от трехсот. Общий устав молитвенного правила заключается в том, чтобы оно никак не превышало сил подвижника, не истощало этих сил, не расстраивало здоровья и этим не принудило подвижника отказаться от всякого правила. Ибо умеренное благоразумное правило остается достоянием инока на всю его жизнь, к концу жизни развивается и умножается как бы естественно, принимая и по наружности и по внутреннему достоинству характер, соответствующий преуспеянию” (Т. 4, с. 121, „Приношение современному монашеству”).

Итак — Келейное Правило в своем объеме может и меняться по указанию духовного руководителя, или, если его нет, благоразумием самого инока, принимая во внимание состояние здоровья и внешние обстоятельства жизни, но при соблюдении главного условия — неопустительного

ежедневного исполнения принятого Правила: „Верный в малом и во многом верен; а неверный в малом неверен и во многом” (Лк. 16, 10).

„Кто в малом своем небрежен, не верь, чтоб тот был рачителен и в большом” (Св. Василий Вел.).

„В день оный не за псалмы осудит нас Бог и не за опущение молитв, но за то, что опущением сих дается вход бесам. А эти, когда найдут себе проход, войдут и затворят двери очей наших; тогда тиранически наполнят нас такими нечистотами, кои подвергают Божественному приговору с наистрожайшим отмщением. И делаемся мы, таким образом, подвластными за опущение малого, что однакож ради Христа почтено достойным великого попечения, как написано: „кто не покоряет воли своей Богу, тот попадает под иго сопернику Его”. Почему лучше подвижнически понуждать себя не опускать сего малого, нежели опущением его давать место греху. Ибо конец этой бедовой свободы — жестокое рабство” (Преп. Исаак Сирий, Добротолюбие, т. 5, с. 342).

Итак инок, исполняй свое Молитвенное Правило со всем усердием и неопустительно, чтобы не оказаться тебе самообманутым и посрамленным.

Кто неопустительно и с любовью исполняет Келейное Правило, у того — какое блаженное состояние духа развивается: он еще здесь вкушает, как благ Господь.

ОБ ОБЕТАХ ИНОКА

К сожалению, иноки некоторые впадают в странную крайность и, конечно, окрадываются.

Справедливо отдавая преимущество молитве, они считают, что в исполнении Келейного Правила заключается вся суть монашеского делания, и о строгом провозждении своей личной жизни по обетам, данным ими при постриге, не заботятся, почему и молитва их бывает не проникнута спасительною скорбью, хотя эта скорбь и весьма выражена всеми авторами молитвословий Правила, и к ней нужно только присоединиться, переживать ее.

В равной степени и с такой же заботливостью даже до смерти простирающейся, иноку надлежит упражняться и в добродетелях, перечисленных им в его обетах — в смирении, послушании, девстве, воздержании, нестяжании и проч. Собственно, труды и поты в приобретении этих добродетелей имелись в виду при пострижении в монашество, о них и шла вся речь с постригаемым — что должен он смиренно и самоотверженно трудиться в них в течение всей жизни своей.

„Потом (трудом) наипаче, а не нагим словом потщимся научиться познанию Божественных Истин; ибо не слова, а дела должны мы показать во время исхода” (Доброт., Т. 2, с. 502).

Об укреплении в этих обетных добродетелях инок потом молится Господу день и ночь, о них только и мыслит, заботится, к ним направляет все свои труды, старания — всю жизнь свою.

Остановиться иноку своим понятием (о монаше-

стве) на одном лишь исполнении Келейного Правила, не заботясь об исполнении данных обетов, крайне невежественно, слепо, ибо это и есть то необдуманное говорение на Правиле: „Господи! Господи!“, какое Сам Господь осудил в Евангелии (Мф. 7, 21).

Только неопустительно упражняясь во всех обещанных при постриге добродетелях, как и неопустительно исполняя Келейное Правило, только имея то и другое, возможно не на словах, а самим делом исполнение *той самоотверженной любви ко Господу даже до смерти*, какую инок удостоился пережить и торжественно выразить в момент пострижения. Ради этой равноангельской любви, скрепленной обетами, ради этих трудовых добродетелей инока, и особенно ради его с м и р е н и я, весьма отличительного у монашествующих, Христос, Который Сам совершеннейшее есть смирение и совершенство всех добродетелей, Сам вселяется в душу инока, и становится движущей силой его — управляет и назидает, радуется и веселит дух его.

Другого пути в Царство Небесное для инока нет, как только путь *самоотверженного* исполнения обетов, с большой смелостью взятых на себя.

В чине пострижения каждый инок так предупрежден: „Когда придет Господь судить живых и мертвых, воздаст тебе не по твоим заверениям и обещаниям, какие ты сейчас должен произнести, но по тому, как ты исполнишь то, что пообещаешь”.

„Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить” (Еккл. 5, 4).

„Кто не несет креста своего, и идет за Мною, не может быть Моим учеником” (Лк. 14, 27).

Бывают и в жизни инока ошибки и погрешности, т. е. преткновения по немощи его человеческой природы, и для таких его преткновений есть таинство Покаяния, в силу которого он надеется получить прощение. Но целиком успокаивать себя исповедью в отношении обетов инок не вправе: он всегда должен быть объят тревожной заботой *неотложно приобрести добродетели, требуемые его обетами*, ибо без них он, как пустой ленивец и сознательный лжец явится на Суд Божий, и будет судим, как клятвопреступник и даже строже, если он не только нарушал обеты, но и не искал их исполнения.

„Считаем нужным избегать только того, что осуждается строгостью и мирских законов; если мы хоть немного сознаем, что мы в этом невиновны, то думаем, что в нас нет никакого греха” (Преп. Кассиан, 597).

Еп. Игнатий (Брянчанинов), рассуждая об исполнении иноками их обетов, пишет: *„Истинное христианство и истинное монашество заключается в исполнении Евангельских заповедей, где нет этого исполнения, там нет ни христианства, ни монашества, какова бы ни была наружность” (Т. 4, с. 49).*

„Лучше умереть в подвиге, чем жить нерадиво” (Преп. Исаак Сирий).

О САМОНАЗИДАТЕЛЬНОСТИ ИНОКА

Вся жизнь инока состоит — из молитвы и христианских добродетелей, усвершенных в монашестве, и для правильного возрастания в этой художествен-

ной жизни инок нуждается в особом монашеском образовании и руководстве.

К великому сожалению, наше время лишено наставников монашества, и потому каждому иноку необходимо учиться монашеской жизни у Святых Отцов, т. е. у прежде бывших подвижников, у них черпать просвещение ума, и наставления на все случаи жизни.

При искреннем желании и стремлении ко спасению, даже при изменившейся для нас обстановке, Святые Отцы своими книгами могут с успехом воспитать инока, с помощью их инок может легко достигнуть спасения, но при условии:

1. Читать Святоотеческие книги не только для того, чтобы знать их, но более для того, чтобы по мере сил исполнять прочитанное;

2. Начитавшись, всячески хранить себя от кичливости всезнайства, и тем более от горделивого выпячивания учить других.

Поделиться с собеседником, жаждущим Святоотеческого слова весьма и весьма полезно, но при передаче другому прочитанного старательно избегать тона учительского, бояться сего, напротив, говорить скромно, тоном учащегося дивной духовной науке, чувствуя себя далеко-далеко отстающим даже от начатков ее.

Сознавая свое духовное сиротство без наставников и весьма трудный путь иночества, иноку необходимо самому заботливо стремиться ко спасению и быть самым строгим старцем для самого себя. Именно:

1. следить за собой, чтобы всегда с любовью исполнять монашеские обязанности;

2. свое худое никогда не оправдывать, но признавать его худым;

3. стремительно исправляться и наказывать себя до тех пор, пока не будет достигнуто исправление.

Самоназидательность инока в том и заключается — чтобы учиться и учиться, следить и следить за собой, замечать свои ошибки и исправлять их, пользуясь для этого советами и правилами Святых Отцов.

Эти общие понятия о самоназидательности должны руководить инока во всю его жизнь.

Нельзя не упомянуть здесь и о том, какое огромное значение имеет чтение духовной литературы перед молитвой, как оно властно отрезвляет душу, наполняет ее любовью и благоговейным трепетом перед Богом.

Итак — чтение духовной литературы для инока имеет решающее значение, его нужно признать обязательным для инока каждый день, хотя бы по одной страничке.

Оптинский старец Анатолий писал одной монахине:

„Читать книги духовные, если желаешь быть монахом не по одежде только, а делом и истиною — необходимо. А без книг не только не будешь монахом, но и понятия об истинном монашестве не приобретешь” (Письма его, с. 24).

А Епископ Игнатий, этот печальник русского монашества, со скорбью наблюдавший упадок духа монашеского в монастырях, писал, что благодатные плоды монашеской жизни есть еще среди тех монахов, которые возделывают себя чтением Священного Писания и Святых Отцов, где нет этого возделывания, там — бесплодие (Т. 1 „Плач мой”, с. 562).

Вообще все Святоотеческие книги полезны для инока, и что у кого имеется, тем и нужно назидаться — повторять и повторять его; общеупотребительными же книгами признаются следующие: 1. Аввы Дорофея, 2. Лествица преп. Иоанна Лествичника, 3. Преп. Феодора Студита, 4. Епископа Игнатия (Брянчанинова), а всех их восполняет 5. Добротолюбие.

„Не домогайся заимствоваться советом у человека, который не ведет одинакового с тобою образа жизни, хотя он и очень мудр. Доверь помысл свой лучше человеку неученому, но опытно изведавшему дело, нежели ученому философу, который рассуждает по своим исследованиям, не испытав на деле” (Преп. Исаак Сир., 386).

„У мирских, даже священников, Святые Отцы не позволяют советоваться относительно монашеского устройства. Ибо и им эта жизнь неизвестна” (Оптин. старец Анатолий, 175).

„Не со всяким веди беседы о благочестии и добром житии. Не по зависти говорю так, но потому, что пред неразумнейшим покажешься ты, думается мне, смешным. Подобное подобному сочувствует, а для таких бесед немного слушателей, или, вернее, они очень редки. Лучше потому не говорить, ибо не этого хочет Бог для спасения человека” (Преп. Антоний Великий. Доброт., т. 1, с. 79).

О СУТОЧНЫХ ЦЕРКОВНЫХ СЛУЖБАХ ДЛЯ ИНОКА

В монастырской обстановке молитва подразделялась на церковную и келейную. Все суточные церковные службы исполнялись в церкви, а Келейное Правило в келье*. Если же кто из братии был связан послушанием, не позволявшем иноку присутствовать на церковной молитве, то такой инок в келье исполнял только Келейное Правило, ибо церковная служба в церкви совершалась и за тех, кто находился на послушаниях. Пустынники же и одиночки, жившие вне монастыря, кроме Келейного Правила, исполняли и все суточные церковные службы. Одни исполняли эти службы по Богослужебным книгам, другие — по четкам**. Так следовало бы поступать инокам и в наши дни, живущим без монастыря, и если кто имеет возможность так трудиться, да поможет ему Господь, прочим же не о т л о ж н о надлежит исполнять Келейное Правило.

Монашеской практикой допускается все церковные службы — за исключением Божественной литургии — заменять Иисусовой молитвой по четкам. Но для этого тоже требуется и время и какая-то свободная обстановка. Если нет того или другого, то смиримся! Тогда следует к Утреннему и Вечернему Правилу добавлять самые главнейшие молитвословия из каждой церковной службы, снабдив их полным горением духа. Из полунощницы, например, можно прибавить тропари: „Се Жених грядет:

* В некоторых монастырях и Келейное Правило исполнялось в церкви.

** Как исполнять церковные службы по четкам см. с. 193.

Слава: День он страшный: И ныне: Тебе необоримую стену”; из Утрени: Шестопсалмие и Великое Славословие; из Часов: Тропарь Часа с его заключительной молитвой (например, „Заутра услыши глас мой Царю мой и Боже мой” и затем — Христе, Свете истинный); из Обедницы — Единородный Сыне..., Во царствии Твоем..., Всесвятая Троица...; из Вечерни: Господи возвах к Тебе услыши мя..., Да исправится молитва моя... (только эти два стиха, как они обычно поются в церкви), Свете тихий..., Сподоби Господи..., Ныне отпускаеши... — полезно бы все эти главные молитвословия из всех церковных служб знать на память.

Такое сокращение служб церковных допускается не по нерадению к ним, а по желанию, хотя крупицу от богатого стола вкусить при своей невозможности исполнить эти службы полностью.

Кто льнет ко Господу духом своим, тот с Божией помощью и Келейное Правило исполнит и на большее подвигнется, ибо на молитве инок только и живет полной своей жизнью.

СУТОЧНЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ СЛУЖБЫ ПО ЧЕТКАМ

Все, что входит в состав Келейного Правила — молитвы утренние и вечерние, положенные каноны и акафисты, чтения из Нового Завета и Псалтири и прочее — инок обязан ежедневно исполнять — что по книгам, а что на память.

Не менее желательно для инока и ежедневное исполнение суточных церковных служб — Полунощницы, Утрени, Часов, Обедницы, Вечерни. В домашней обстановке исполнение этих суточных церков-

ных служб совершенно невозможным кажется, главным образом, по причине отсутствия нужных для этого книг. Ревнители, однако, и здесь находят возможность эти службы исполнять только другим чином, рекомендуемым самой Церковью, чином весьма удобным для келейного применения и вполне удовлетворяющим душу: это исполнение их по четкам.

В Следованной Псалтири указаны два варианта исполнения церковных служб по четкам, в случае невозможности посетить храм.

Вот они:

1-й вариант:

За Полунощницу молитв Иисусовых — 600.

За Утреню — 1400.

За Часы — 1000.

За Вечерню — 600.

За Великое Повечерие — 700.

За Малое Повечерие — 400.

За Канон акафистов Богородице, с кондаками и икосами — триста поклонов.

За весь Псалтирь — 6000 молитв Иисусовых.

За одну кафизму — 300, за Славу — 100.

2-й вариант:

За Вечерню, молитв Иисусовых — 100, и поклонов — 25.

За Повечерие (малое), молитв — 50, и поклонов — 12.

За Канон Богородице, акафистов, молитв — 200, и поклонов — 29.

За Канон параклис Богородице, молитв — 70, и поклонов — 12.

За Канон Ангелу Хранителю, молитв — 50, и поклонов — 7.

За Канон седмичный, молитв — 30, и поклонов — 5.

За Полунощницу, молитв — 100, и поклонов — 25.

За Утреню, молитв — 300, и поклонов — 50.

За первый Час, молитв — 50, и поклонов — 7.

За 3-й, 6-й и 9-й Час, молитв — 50, также и поклонов — по 7.

За Изобразительные (Обедницу), молитв — 100, и поклонов — 10.

Из приведенных двух правил первое значительно больше второго, но без поклонов*. Второе Правило, по-видимому, предлагается как снисхождение, как переходное к первому, или, может быть, как сокращение на случай нужды.

В наше время живущим вне монастыря позволено установить для себя Правило, применительно к их возможностям, беря за норму что-то среднее из прежде существовавших Правил, не как соответствующее им, но как оправдываемое положением.

По разности положения у каждого, каждому желающему исполнить суточные церковные службы дома предстоит установить для себя свое Правило, лишь бы оно исполнялось с усердием и укладывалось в выкраиваемое у каждого время.

Предполагаемое Правило может служить средним для домашнего применения.

За Полунощницу молитв Иисусовых — 200.

За Утреню — 500.

За Часы с Обедницей — 300.

За Вечерню с 9-м Часом — 300.

За Малое Повечерие — 100.

* Первое, вероятно, рассчитано на то время, сколько его идет на совершение служб, установленное церковным чином.

За Канон с акафистом — 300.

За Канон без акафиста — 150.

За одну кафизму — 150, за Славу — 50.

Поклоны здесь не предусматриваются, но если позволяет здоровье и есть возможность, то 5 поклонов на сотню молитв, не более.

Совершать это укороченное правило следует не торопливо, а с приличной мерностью. Но сотню Иисусовых молитв должно здесь идти не менее семи минут (на три сотницы 20 минут), — это для того, чтобы сохранить внимание.

Но если и это укороченное правило окажется неудобовыполнимым по стесняющим причинам, тогда можно совсем отступить от количества, а применяясь к своему положению, определить для себя норму времени, и это время молиться Иисусовой молитвой в счет суточных церковных служб.

Для такой молитвы полезно иметь четки из одних мелких узелков (без крупных), счетом в 300 узелков.

Отцы-подвижники более всего молились кратенькой Иисусовой молитвой, и она у них переходила в непрестанную молитву. То же они советуют и нам!

„Какое ни избери себе Правило, всякое хорошо, коль скоро держит душу в б л а г о г о в е и н с т в е пред Богом. Непрестанная молитва в сем и состоит, чтобы всегда б л а г о г о в е й н о стоять пред Богом. А при этом Правило есть только подтопка, или подкинутые дров в печь” (Еп. Феофан, Т. 1, с. 9).

Делать из этого, однако, вывод, что можно ограничиться внутренним благоговеиством без всякого

Правила нельзя, потому что внутренняя молитва или внутреннее благоговейство приобретает усиленными молитвенными правилами, и молитвенный язык тоже приобретает напряженным чтением множества молитв по книгам.

Итак Правило посильное — не жалеючи себя — необходимо.

„Этого учения я не получал от Отцов моих, но, как видишь меня, так и провожу все время мое, — немного рукоделия, немного размышления, немного молитвы и по силе очищение помыслов, и таким образом созерцание пришло ко мне” (Древн. Патерик, с. 490).

Август 1966 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 5

ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦЕ, СПАСИ НАС!

Молитва Пресвятой Богородице пред
чудотворною иконою Ея, именуемой
Державная 7

СВЯТЫЕ ОТЦЫ И УЧИТЕЛИ ЦЕРКВИ

Св. И о а н н Лествичник. О борьбе
с восемью главными страстями:
Борьба с тщеславием 10
Борьба с гордостью 13

Преп. Авва Д о р о ф е й. Из подвижнических
наставлений (извлечение) 19

Поучения преп. С е р а ф и м а Саровского 25

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАСТЫРСТВО

Еп. В... Оренб. Живите православные христиане
между собой в мире и согласии.
О грехе. Лобызание св. Евангелия
и св. Креста 28

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

*** Блаженная Пелагия Ивановна,
Христа ради юродивая, подвижница
Серафимо-Дивеевского монастыря 34

РУССКИЕ СУДЬБЫ

ВОСПОМИНАНИЯ. СВИДЕТЕЛЬСТВА. РАССКАЗЫ.

*** Воспоминания о семье Чичаговых	48
Воспоминания о еп. Лаврентии (Князеве)	59
о. Константин Р а в и н с к и й. Воспоминания	64
*** Воспоминания об о. Сергии Мечеве, мученически пострадавшем за Христа	83
Тропинка к Единому на потребу. <i>Инок в миру</i> (<i>опыт самокормления</i>)	115
Вместо предисловия	117
Глава 1. Уяснение своего пути	123
Глава 2. О постоянном внутреннем подвиге для меня — всегда пребывать в Богообщении	132
Глава 3. Есть иная жизнь!..	146
Иноческое Келейное Правило	150
Четочное молитвенное правило	156
Пятисотница	159
Трехсотница	161
Произволение от личного опыта при исполнении Пятисотницы	163
О Келейном Правиле новоначальных	176

О сокращении Келейного	
Правила	177
Еще о Келейном Правиле	181
Об обетах инока	185
О самоназидательности инока	187
О суточных церковных службах для инока	191
Суточные церковные службы по четкам	192

К ЧИТАТЕЛЯМ

Мы рады сообщить верным читателям „Надежды“, что выпуск этого ценного издания продолжается. Мы получили пока три дальнейших номера — первый из них вы держите в руках. К сожалению, 11-й выпуск до нас пока не дошел. Будем надеяться, что когда-то и он появится, — постараемся издать его тогда ускоренным темпом.

Как вы видите, „Надежда“ теперь составляется группой верующих анонимно, — не только в ней нет имен составителей, но и авторы предпочитают оставаться неизвестными.

Просим всех, кому не безразлично дело распространения „Надежды“ на родине, способствовать этому распространению, — как путем передачи этих книжечек с верными людьми при поездках в Россию, так и пожертвованиями на это благое дело.

Издательство